

МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ»

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

(НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ)

№3 (7) - 2021г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ	
Главный редактор	Золотухин Алексей Валерьевич - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, декан юридического факультета, доктор юридических наук, доцент, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право
Зам. главного редактора	Исмоилова Зайнура Исрофиловна - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, зам. декана по научной работе юридического факультета, кандидат юридических наук, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право
Ответственный секретарь	Аминова Фарида Махмадаминовна - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, доцент кафедры гражданского права, кандидат юридических наук, доцент, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право
Члены редакционной коллегии:	<p>Абашидзе Аслан Хусейнович - Российская Федерация, Российский университет дружбы народов, зав. кафедрой международного права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.10 - Международное право; Европейское право</p> <p>Абдуллин Аделъ Ильсиярович - Российская Федерация, Казанский (Приволжский) федеральный университет, зав. кафедрой международного и европейского права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.10 - Международное право; Европейское право</p> <p>Абдухамитов Валичон Абдухалимович - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, зав. кафедрой уголовного права, доктор юридических наук, доцент, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право</p> <p>Азизода Назир Бозор - Республика Таджикистан, Таджикский государственный институт языков им. С. Улутзода, зав. кафедрой истории и межкультурной коммуникации, доктор юридических наук, профессор, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право</p> <p>Алимов Суробшо Юсупшоевич - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, доктор юридических наук, доцент, 12.00.02 - Конституционное право; конституционный процесс; муниципальное право</p> <p>Аничкин Евгений Сергеевич - Российская Федерация, Алтайский государственный университет, зав. кафедрой трудового, экологического права и гражданского процесса, доктор юридических наук, доцент, 12.00.02 - Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право</p> <p>Бельх Владимир Сергеевич - Российская Федерация, Уральский государственный юридический университет, зав. кафедрой предпринимательского права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право</p> <p>Васильев Антон Александрович - Российская Федерация, Алтайский государственный университет, директор юридического института, доктор юридических наук, профессор, 12.00.01 - Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве</p> <p>Гаврилов Борис Яковлевич - Российская Федерация, Академия управления МВД Российской Федерации, профессор кафедры управления органами расследования преступлений, доктор юридических наук, профессор, 12.00.09 – Уголовный процесс</p> <p>Гагоров Шукрулло Караматулоевич - Республика Таджикистан, Таджикский национальный университет, зав. кафедрой гражданского права, доктор юридических наук, доцент, 12.00.03. - Гражданское право предпринимательское право; семейное право; международное частное право</p> <p>Дашин Алексей Викторович - Российская Федерация, Кубанский государственный аграрный университет, профессор кафедры теории и истории государства и права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.01 - Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве</p> <p>Диноршох Азиз Мусо - Республика Таджикистан, Таджикский национальный университет, зав. кафедрой конституционного права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.02 - Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право</p> <p>Дьякин Дмитрий Сергеевич - Российская Федерация, Сургутский государственный университет, директор института государства и права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право</p> <p>Идизода Файзали Фузайло - Республика Таджикистан, Управление науки и просвещения Исполнительного аппарата Президента Республики Таджикистан, начальник управления, 12.00.10 - Международное право; Европейское право</p> <p>Имомова Нируфар Махмайсуюфова - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, зав. кафедрой международного права и сравнительного правоведения, кандидат юридических наук, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право</p> <p>Ишкев Константин Анагольевич - Российская Федерация, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, доцент кафедры правовых основ управления, доктор юридических наук, доцент, 12.00.02 - Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право</p> <p>Козаченко Иван Яковлевич - Российская Федерация, Уральский государственный юридический университет, зав. кафедрой уголовного права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право</p>

- Кондрашев Андрей Александрович** - Российская Федерация, Сибирский Федеральный университет, зав. кафедрой конституционного, административного и муниципального права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.02 - Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право
- Кузнецова Ольга Анатольевна** - Российская Федерация, Пермский государственный национальный исследовательский университет, зам. декана по научной работе юридического факультета, доктор юридических наук, профессор, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право
- Мансуров Умед Абдуфаттохович** - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, проректор по международным связям, кандидат юридических наук, доцент, 12.00.10 - Международное право; Европейское право
- Махмудов Изатулло Тешпаевич** - Республика Таджикистан, Таджикский национальный университет, зав. кафедрой судебного права и прокурорского надзора, кандидат юридических наук, доцент, 12.00.09 - Уголовный процесс
- Михайлов Виктор Александрович** - Российская Федерация, Российская таможенная Академия, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, доктор юридических наук, профессор, 12.00.09 - Уголовный процесс
- Мороз Светлана Павловна** - Республика Казахстан, Высшая школа права «Адилет», декан, доктор юридических наук, профессор, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право
- Муродзода Ардашер Алишер** - Республика Таджикистан, Верховный суд Республики Таджикистан, судья-стажер, кандидат юридических наук, 12.00.09 - Уголовный процесс
- Муртазозода Джамшед Сайдали** - Республика Таджикистан, депутат Мажлиси намоёндогон Маҷлиси Оли Республика Таджикистан, доктор юридических наук, доцент, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право
- Назаров Аваз Кувватович** - Республика Таджикистан, Таджикский национальный университет, зав. кафедрой криминалистики и судебно-экспертной деятельности, кандидат юридических наук, 12.00.08 - Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право
- Носиров Хуршед Толибович** - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, зав. кафедрой гражданского права, доктор юридических наук, доцент, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право
- Ражабзода Махмадёр Носир** - Республика Таджикистан, Педагогический институт Таджикистана в Рапшском районе, ректор, кандидат юридических наук, доцент, 12.00.10 - Международное право; Европейское право
- Рахмаджонзода Рифат Рахмаджон** - Республика Таджикистан, Академия МВД Республики Таджикистан, начальник отдела адъюнктуры, кандидат юридических наук, доцент, 12.00.09 - Уголовный процесс
- Рустимова Гаухар Рустембековна** - Республика Казахстан, Казахская Академия труда и социальных отношений, профессор кафедры правовых дисциплин, доктор юридических наук, профессор, 12.00.08 - Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право
- Сафарзода Анвар Ислои** - Республика Таджикистан, Таджикский национальный университет, зав. кафедрой уголовного права, доктор юридических наук, доцент, 12.00.08 - Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право
- Сотиводдиев Рустам Шарофович** - Республика Таджикистан, Таджикский национальный университет, зав. кафедрой теории и истории государства и права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.01 - Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве
- Сулайманова Назгуль Назарбековна** - Республика Киргизия, Кыргызско-Российский Славянский университет, зав. кафедрой уголовного права и криминологии, доктор юридических наук, профессор, 12.00.08 - Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право
- Суатонова Тахмина Истамовна** - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, зав. кафедрой предпринимательского права, доктор юридических наук, доцент, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право
- Титова Татьяна Александровна** - Российская Федерация, Уральский государственный юридический университет, декан подготовительного факультета, кандидат юридических наук, доцент, 12.00.10 - Международное право; Европейское право
- Хамроев Шухратджон Садилович** - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики, кандидат юридических наук, доцент, 12.00.09 - Уголовный процесс
- Эльназаров Давлатшо Ходжаевич** - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, зав. кафедрой государственно-правовых дисциплин, кандидат юридических наук, доцент, 12.00.01 - Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Адрес редакции

734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
 тел.: (+992 237) 227-67-40; www.rtsu.tj
 e-mail: ismoilova-2016@mail.ru; farida.aminova.2016@mail.ru
 Журнал зарегистрирован в Министерстве культуры Республики Таджикистан. Лицензия №147/ЖР-97 от 27 марта 2020 года.

СОДЕРЖАНИЕ

От главного редактора.....	7
----------------------------	---

**12.00.01 - ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА;
ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ**

Вохидов М.А. Средневековая правовая мысль о субсидиарной ответственности по долгам несостоятельного юридического лица.....	8
Умедов К.М. Становление юридической технологии в России.....	16
Холзода А. Возникновение и развитие теории доказывания в уголовном процессе.....	21

**12.00.02 - КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ
ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО**

Авидзба Р.С. Роль Федерального Собрания Российской Федерации в вопросах использования сил и средств обеспечения национальной безопасности.....	25
Алимов С.Ю. Развитие конституционно-правового регулирования социально-правовой защиты и реабилитации участников боевых действий стран СНГ.....	29
Эльназаров Д.Х., Умедов К.М. Конституционная юстиция в Республике Таджикистан: истоки и развитие.....	35

**12.00.03 - ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО;
СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО**

Аминова Ф.М., Тагаева С.Н. Проблемные аспекты определения участников правоотношения из договора суррогатного материнства.....	40
Имомова Н.М. Отказ от выполнения родительских обязанностей как основание для лишения родительских прав.....	48
Одинаева Н.М. Правовая сущность ответственности поручителя.....	52

**12.00.08 - УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ;
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО**

Абдуллаева Р.А. Необходимость разработки Постановления Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан, касающегося вопросов медицинско-фармацевтических преступлений.....	65
Абдуллаева Р.А., Абдухамитов В.А. Зарубежный опыт противодействия доведению до самоубийства.....	72
Кошчев В.Ю. Правовые основы обеспечения оказания медицинских услуг жертвам сексуального гендерно ориентированного насилия (СГН).....	78
Ярашев З.М. О проблемах адвокатской деятельности в Республике Таджикистан.....	88

12.00.09 – УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Татьянина Л.Г. Дискуссионные вопросы обеспечения права на защиту по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации и Республики Таджикистан.....	92
Хамроев Ш.С. Медиация в конструкции уголовного судопроизводства.....	98

12.00.10 – МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Нусратуллаев Б.К. Принципы международного сотрудничества в сфере незаконного оборота наркотических и психотропных веществ.....	103
Рахматзода Д.Т. Понятие смежных прав и их соотношение с авторскими правами.....	108
Решетнева Т.В. Некоторые вопросы правовой регламентации выдачи лиц во взаимоотношениях Российской Федерации и Республики Таджикистан.....	112
Султонова Т.И. Защита прав женщин-мигрантов как наиболее уязвимой категории лиц.....	118
Правила для авторов и порядок рецензирования.....	123

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ!

Вышел в свет очередной номер нового научного журнала «Юридический вестник» юридического факультета Российско-Таджикского (Славянского) университета.

Выпуск журнала - результат усилий команды молодых докторов, кандидатов наук и соискателей, которые с энтузиазмом воплотили в жизнь свою идею об учреждении нового периодического издания для быстрой, полной и открытой публикации результатов научных исследований учёных-правоведов.

Наш журнал унаследовал устоявшиеся традиции и порядок опубликования научных статей в ведущих журналах Таджикистана и России, в связи с чем требования к их оформлению максимально приближены к требованиям, предъявляемым к рецензируемым научным изданиям, рекомендуемым Высшими аттестационными комиссиями Республики Таджикистан и Российской Федерации для опубликования результатов диссертационных исследований.

В сегодняшнем мире успех деятельности любого ученого оценивается по востребованности его работ, что подтверждает, в том числе, уровень их цитирования. Поэтому особую актуальность приобретают наукометрические базы учета научных публикаций.

Научный журнал «Юридический вестник» представляет собой пример свободной печатной площадки для опубликования научных достижений ученых-юристов, что позволит каждому автору раскрыть свои научные способности, представить разработанную им научную идею или концепцию, популяризировать свои научные исследования, чтобы использовать юридические знания во благо общества и государства.

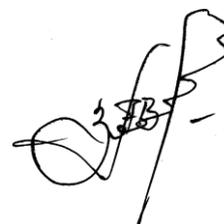
При этом следует подчеркнуть, что публикационное поле деятельности нашего журнала будет охвачено не только научными трудами отечественных ученых и специалистов, но также и зарубежных исследователей. Это возможно благодаря нашему тесному сотрудничеству с иностранными коллегами, круг которых, естественно, гораздо шире, чем список учёных, вошедших в состав редакционной коллегии журнала «Юридический вестник». Информировав наших читателей о новейших достижениях зарубежной юридической науки и практики, мы исходим из принципа актуальности интеграции науки и научного познания. Ведь развитие отечественной правовой мысли невозможно без учета современного состояния мировой юридической науки.

Я призываю всех наших коллег активнее участвовать в научной деятельности. Мы приглашаем к сотрудничеству ведущих ученых и специалистов Республики Таджикистан и зарубежных стран. Именно Ваши научные труды являются основой новых направлений исследований для аспирантов и соискателей, начинающих ученых.

Мы верим, что с помощью и при поддержке наших авторов и читателей наш журнал станет одним из лидирующих периодических научных изданий в области юриспруденции как в Республике Таджикистан, так и за его пределами.

Хочу пожелать мира, благополучия и достижения поставленных целей!

Главный редактор
доктор юридических наук, доцент,
А.В. Золотухин



**СРЕДНЕВЕКОВАЯ ПРАВОВАЯ МЫСЛЬ О СУБСИДИАРНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ДОЛГАМ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО
ЛИЦА**

Вохидов Мухаммаджон Аскарбекович

преподаватель кафедры гражданского права юридического факультета,
Российско-Таджикский (Славянский) университет,
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. МирзоТурсундазе, 30
тел.:+(992)888855154 e-mail:vohidov.m8@gmail.com

История правового развития Западной Европы, начиная с первого Возрождения 12-го в., являет нам уникальный случай параллельного формирования правовых систем, что влияет на развитие модели субсидиарной ответственности по долгам несостоятельного юридического лица. К XIV в. с развитием общественных отношений усложняются формы социального взаимодействия. Под влиянием учений каноников и глоссаторов формируется институт юридического лица, корпорации становятся полноправными участниками гражданского оборота. Вместе с тем, этот период характеризуется острой проблемой правовых коллизий. Дело в том, что в Европе на тот момент по сути сложились три независимые друг от друга правовые системы. В данной работе рассматриваются формирование и поэтапное развитие модели субсидиарной ответственности по долгам несостоятельного юридического лица и сделаны выводы по каждому этапу исследования.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность, несостоятельность, юридическое лицо, долги, Западная Европа.



История правового развития Западной Европы, начиная с первого Возрождения 12-го в., являет нам уникальный случай параллельного формирования трех правовых систем, распространяющихся одновременно

на одну и ту же территорию. С одной стороны, начинается рецепция римского права, которая, первоначально имея исключительно доктринальный характер, впоследствии сообщает Своду Юстиниана регулятивные свойства¹. С другой стороны, колоссальное влияние Церкви на социальное устройство Западной Европы приводит к становлению отдельной системы норм, образующих каноническое право. Наконец, продолжается формирование национальных законодательств и городского права, состоящего из сеньориальных указов нормативного характера. В результате один и тот же гражданин мог одновременно находиться в праворегулятивном поле ре-

цепируемого римского, канонического и светского права, положения которых объективно не могли не противоречить друг другу. Такое положение дел требовало устранения соответствующих противоречий, которое не могло быть достигнуто иным способом, кроме установления системы *коллизионных правил*. Так средневековая Европа приходит к идее *международного частного права*.

В силу изложенного, свое внимание в настоящем аспекте исследования мы сосредоточим на следующих моментах. Во-первых, рассмотрим генезис концепции юридического лица. Его изучение позволит нам сформулировать характерную для того времени модель

©М.А.Вохидов,2021

¹ Можно утверждать, по крайней мере, что к 12-му в. Европа не рассматривает Свод Юстиниана как социальный регулятор. Его изучение, начатое в итальянской Болонье и продолженное также во Франции и Германии, было подчинено совершенно иным соображениям. Профессор Боннского университета Эрнст Ландсберг указывает, что Свод

интересовал глоссаторов как источник истины в общем смысле, отыскание которой носило характер самоцели и было бесконечно далеко от практико-прикладной ориентации римских юридических разработок. См.: Landsberg, E. Die Glosse des Accursius um ihre Lehre vom Eigenthum: rechts- und dogmengeschichtliche Untersuchung. Leipzig, 1883. S. 11.

отношений «внутри» корпорации, в контексте которой могли быть реализованы механизмы субсидиарной ответственности. Во-вторых, мы обратимся к средневековым представлениям о конкурсе, чтобы изучить их на предмет наличия идей субсидиарной ответственности других лиц по долгам несостоятельной корпорации. В-третьих, мы исследуем процесс разработки коллизионных правил в правовых учениях того времени, что даст нам возможность обозначить основные подходы к коллизионному регулированию субсидиарной ответственности по долгам несостоятельного юридического лица. Отметим дополнительно, что в данном аспекте нашего исследования концентрация внимания именно на доктринальных разработках связана с тем, что, в отсутствие собственных национальных правовых систем (которые завершают свое становление только к 19-му в.), европейские государства в целях регулирования социальных отношений обращаются к доктринальным положениям. Как замечает профессор М.А. Покровский, в Европе «реципировано было римское право в таком виде, в каком оно преподавалось с кафедры глоссаторами и комментаторами. Вследствие этого все то, что было выброшено ими, не имеет значения и для судов – “quod non agnoscit glossa, non agnoscit curia” [что не признает глосса, того не признает и суд]»¹. Разумеется, в средневековой Европе

действовало государственное и городское позитивное право, но и то, и другое было несистематизированным, казуистичным и состояло из множества источников, содержательно противоречащих друг другу, вследствие чего, по оценке зарубежных авторов, их применение к отношениям частных лиц было сопряжено с рядом затруднений, предопределивших впоследствии выбор судов в пользу глоссированного Свода Юстиниана².

Прежде всего, обратимся к разработке теории юридического лица в средневековой юриспруденции. Заслуга в разработке этой концепции принадлежит юристам канонической школы, по роду деятельности – богословам, занимавшимся разработкой вопросов права в папских декретах. Первоначально само слово «коллегия» (*collegium*), являющееся историческим предшественником термина «юридическое лицо», появляется в декретах Папы Григория IX, однако Великий понтифик оставил его без разъяснения, отметив лишь, что оно означает объединение лиц. В 1245 г. появляются комментарии к этим декретам, в которых, в частности, содержится следующая важная максима: «Cum collegium in causa universitatis fingatur una persona». С латыни этот текст переводится так: «Коллегия, что выступает в качестве сообщества, да будет единым лицом». Адриана Кам-

пителли, анализируя это положение комментария, пишет следующее: слово «universitas» пришло в каноническое право из Рима, где под ним подразумевали любые объединения лиц, но в тексте декретов оно стало использоваться для обозначения всякого вообще правового образования; в свою очередь, «collegium» есть профессиональное объединение лиц – юристов, купцов, ремесленников и т.п.³ Таким образом, в учениях декреталистов закладываются представления о коллегии как о самостоятельном субъекте права, признаваемом таковым в конкретных практических целях, то есть по существу являющемся юридической фикцией⁴. По нашему мнению, однако, отождествлять коллегию и юридическое лицо было бы неверно, поскольку коллегия выступала одной из разновидностей юридических лиц, к числу которых декреталисты относили Церковь, государство и иные самостоятельные объединения лиц.

В этой интерпретации учение о фиктивных юридических субъектах, образуемых при объединении лиц, проникает в доктрины глоссаторов. Необходимо подчеркнуть, что глоссаторы не привносят в это учение принципиальной новизны, однако поднимают весьма важный вопрос: каково содержание правосубъектности юридического лица и каков характер взаимных отношений и ответственности их участни-

¹ Покровский И. А. История римского права. СПб., 1998. С. 275.

² См.: Hallam, H. View of the State of Europe during the Middle Ages. New York, 1872. P. 82; Padoa-Schioppa, A. A History of Law in Europe: From the Early Middle Ages to the Twentieth Century. Cambridge, 2017. P. 31 ff.

³ См.: Campitelli, A. “Cum Collegium in Causa Universitatis Fingatur Una Persona”: Riflessioni Sul Commento Di

Sinibaldo Dei Fieschi (c. Praesentium, De Testibus E Attestationibus, 57 X, 2, 20) // Apollinaris. 1990. Vol. 63. P. 125.

⁴ См.: Юсифова Р. Т. Личный закон и национальность юридического лица: понятие и соотношение в современном международном частном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 18 – 19.

ков? Комментируя Свод Юстиниана, глоссаторы приходят к выводу, что римские представления о корпорациях базировались на идее того, что корпоративное объединение есть сумма субъектов, а значит – сумма их прав и обязанностей, из чего был выведен следующий тезис: юридическое лицо имеет те же права и обязанности, что и его участники как лица физические, с учетом специфики его сферы деятельности. Отмечая это, представители западного правоведения характеризуют правоспособность корпорации в доктринах глоссаторов как специальную¹.

Важно понимать, что образование корпорации, коллегии и т.д. не прекращало правосубъектность ее участников; более того, глоссаторы приходили к выводу, что данный факт обуславливал появление у них новых прав и обязанностей, непосредственно вытекающих из факта их участия в объединении. В числе них выделялись право на участие в управлении корпорацией и обязанность воздерживаться от такого поведения, которое может принести вред корпоративным интересам. Последняя и становится предтечей субсидиарной ответственности участников корпорации по ее долгам: глоссаторы, как пишет Гарольд Ласки, сформулировали положение о том, что если большинство участников корпорации выскажется за принятие такого решения, которое в последующем повлекло ее неспособность расплатиться с кредиторами, то последние

имеют право предъявить свои имущественные требования к этой группе участников².

Изложенное показывает, что глоссаторы, исходя из заложенного декреталями представления о фиктивном характере корпорации как субъекта права, развили их применительно к специфике внутрикорпоративных отношений. В результате этого глоссаторы формируют важное положение о том, что участники корпорации могут нести ответственность по ее долгам. Отметим при этом, что в интерпретациях глоссаторов корпорация не является исключительно частнопровым феноменом, поскольку соответствующая конструкция применялась ими в описании деятельности публичных субъектов в том числе. Здесь проявляет себя отсутствие разработанной теории о разделении права на частное и публичное в их трудах. Тем самым глоссаторы говорят об ответственности по корпоративному долгу *в максимально широком смысле*, например, в ситуации, когда действие участника или главы корпорации имело такие последствия, которые в современной теории принято характеризовать как публично-правовые. В частности, указывалось, что управляющие городов (*communitas*) несут ответственность за всякий вред, причиненный ими городскому населению в контексте исполнения должностных обязанностей³.

Итак, концепция ответственности по долгам корпорации, утвердившаяся в работах

глоссаторов, в значительной мере отличается от современных нам представлений о субсидиарной ответственности по долгам несостоятельного юридического лица.

Во-первых, если в современных представлениях речь идет о юридическом лице и о долге как о феноменах *частного права*, то глоссаторы распространяли этот подход на максимально широкий круг явлений. Корпорация, а равно иной фиктивный субъект в интерпретации глоссаторов представляет собой не только коммерческую организацию, основанную на принципах членства, но и всякое юридическое лицо вообще, включая юридические лица публичного права.

Во-вторых, понятие долга в теориях глоссаторов охватывало две группы случаев. Первый – это случай ответственности участников объединения по его долгам, имеющий место в ситуации, когда действия этих участников привели к возникновению задолженности, превышающей размер собственного имущества объединения. Второй же имел место, когда лицо, возглавляющее соответствующее сообщество, своим поведением причинило ему вред, притом вред как в собственно цивилистическом понимании этого термина, так и в смысле всякого неблагоприятного последствия, не обязательно имеющего частный имущественный характер (например, ненадлежащее управление городом); в такой ситуации его ответственность подразумевала обязанность

¹ См., к примеру: Mousourakis, G. Roman Law, Medieval Jurisprudence and the Rise of the European Ius Commune: Perspectives on the Origins of the Civil Law Tradition // Housei Riron. 2014. Vol. 47. P. 50.

² Laski, Harold J. The Early History of the Corporation in England // Harvard Law Review. 1917. Vol. 30. P. 576.

³ См.: Canning, J. P. The Corporation in the Political Thought of the Italian Jurists of the Thirteenth and Fourteenth Centuries // History of Political Thought. 1980. Vol. 1. P. 9 ff.

компенсировать (возместить) этот вред другим членам сообщества. В силу этого, лишь в отношении первой группы случаев допустимо говорить о субсидиарном характере ответственности; в отношении второй группы следует говорить об ответственности руководителя сообщества перед его участниками, которая субсидиарного характера не имеет.

Здесь стоит отметить, что при этом учение о банкротстве не было разработано в теориях глоссаторов. Это было связано с тем, что римскому праву, положения которого вошли в Свод Юстиниана, были известны лишь отдельные и не систематизированные в единое целое процедуры конкурсного характера. Соответственно, и та система правил, которую в современной теории относят к конкурсному праву, не была разработана в римской юриспруденции. По этой причине, как замечал профессор Г.Ф. Шершеневич, «средневековые торговые города... принуждены были самостоятельно разрабатывать этот институт»¹. Как следует из изложенного, городское конкурсное право было всецело результатом развития *практики*, а не доктрины. Поэтому, в частности, им не была воспринята ни теория корпорации (правового сообщества), ни теория субсидиарной ответственности, но были заимствованы худшие идеи римского права (например, личное обеспечение долга и наличие у кредиторов «права на должника»), а зарождающийся судебный

порядок банкротства носил выраженный уголовный характер (по причине установленной в городском праве общей презумпции преступного намерения лица, объявлявшего себя банкротом)².

Следует ли однозначно утверждать, что доктрина глоссаторов и комментаторов не оказала влияния на средневековое конкурсное право? С нашей точки зрения, нет. Известно, что одним из предметов изучения глоссаторов стала римская конструкция «*cessio bonorum*», состоящая в публичной продаже имущества должника с целью удовлетворения требований кредиторов. К Новому времени учение о *cessio bonorum* проникает из учений глоссаторов в позитивное конкурсное право, окончательно вытесняя архаические идеи личного обеспечения³. Но, в то же время, этот пример, по-видимому, следует считать скорее исключением, чем общим правилом формирования европейских систем конкурсного права, которое наименее из всех институтов гражданского права испытало на себе влияние доктрины глоссаторов⁴.

Публично-правовой характер конкурсных процедур в средневековом праве препятствовал рецепции и другой значительной идеи глоссаторов и их последователей комментаторов – идеи коллизионных правил. С точки зрения методологии, ее разработка стала исключительной новацией, поскольку, как было отмечено ранее, коллизионные нормы в

римском праве не содержались. Потому глоссаторы 12-го в., всецело следующие «букве и духу» Свода Юстиниана, практически не затрагивали эту проблему. Исключением, в этом смысле, являются лишь их представления о *lex fori*, но и те полностью соответствовали римским представлениям о том, что по месту производства суда (каковым могла быть только территория Рима) подлежит применению римское право⁵.

Потребность в развитии коллизионных норм была обусловлена запросами трансграничной торговой практики между городами, для регулирования которой с 13-го в. начинает применяться Свод Юстиниана. Тогда же знаменитый глоссатор Аккурсий систематизирует все известные к тому времени глоссы в единую *Glossa Ordinaria*. В числе прочих, она содержала глоссу к фрагменту первой книги Свода Юстиниана – Конституции Грациана, Валентина и Феодосия (380 г.), из толкования которой неизвестный глоссатор сделал вывод о том, что гражданин Модены не может судиться по городскому праву Болоньи, так как последнее обязательно лишь для болонских граждан. По точному выражению Б. И. Нефедова, «здесь можно вести речь... о рождении коллизионной нормы»⁶, однако цитируемый нами ученый делает важную оговорку, что «единичная норма... не создает международного частного права». Вме-

¹ Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. Т. IV. СПб., 1912. С. 86 – 87.

² См.: Там же. С. 88, 92, 109 и др.

³ См.: Treiman, I. The Law and the Insolvent Debtor // Washington University Law Review. 1927. Vol. 12. P. 193.

⁴ См.: Малышев К. Исторический очерк конкурсного процесса. СПб., 1871. С. 63 и др.

⁵ См.: Treiman, I. Acts of Bankruptcy: A Medieval Concept in Modern Bankruptcy Law // Harvard Law Review. 1938. Vol. 52. P. 201 – 203.

⁶ Нефедов Б. И. Возникновение международного частного права. Ч. 1 // Московский журнал международного права. 2016. № 1 (101). С. 15.

сте с тем, для дальнейших разработок в соответствующей области появление данной глоссы стало важнейшим событием, поскольку ею, по сути, было положено начало теории статутов в международном частном праве (далее также – МЧП).

Следует отметить, что развитие европейской торговли, центром которой стали итальянские города-государства, сделало коллизионный вопрос наиболее актуальным. Существенную роль в его решении сыграл моденский профессор Вильгельм (Гильоме) Дурантис, который в своих комментариях к Своду Юстиниана сформулировал коллизионные привязки *lex loci actus* и *lex loci contractus*¹. В то же время, наибольшего успеха на пути разработки коллизионных правил достигли последователи глоссаторов – комментаторы.

Как было сказано выше, глоссаторы относились к тексту Свода Юстиниана как к «писаному разуму», который содержит в себе исчерпывающий набор знаний о праве. Методологический подход комментаторов был иным: в центр их внимания была поставлена уже не византийская кодификация, а сама глосса, и это дало им существенно больший уровень свободы в построении своих теорий. Кроме того, потребности практического применения Свода Юстиниана побуждали их к тому, чтобы соотносить свои концепции с реалиями повседневной социальной

действительности, в том числе и банкротства.

Постглоссаторы не разрабатывают понятия конкурса. Вместе с тем, в их разработках прослеживается понимание его природы как в первую очередь процессуально-процедурной. Отсюда комментаторы приходят к идее *lex loci concursus*, в силу которой правовое положение иностранного должника определяется не его личным статутом (что, между тем, прямо следовало из обозначенного выше фрагмента *Glossa Ordinaria*), а правом того города (государства), где осуществляются конкурсные процедуры². Параллельно знаменитый комментатор Бальд разрабатывает учение о коллизионном регулировании деликтных обязательств, которое представляло существенную важность для практики банкротства (поскольку последнее в большинстве случаев само по себе считалось деликтом, пусть и не всегда имеющим уголовный характер). Здесь Бальду принадлежит безусловная заслуга в формировании учения об извинительном незнании иностранного закона, которое позже станет основой для разрешения трансграничных деликтных споров во Франции и Германии³. Бальд считал, что лицо, совершившее деликт на территории иностранного государства, будет отвечать по его закону в следующих случаях: во-первых, если совершенное им со всей очевидностью явля-

ется правонарушением; во-вторых, если он длительное время проживает на территории этого государства, и в силу этого не мог не знать о том, что содеянное им запрещено⁴.

Таким образом, в теориях комментаторов закладываются концептуальные основы, которые позднее (в период европейских кодификаций конкурсного права 17-го – 19-го вв.) будут учтены европейскими законодателями при построении как конкурсного права вообще, так и первичных позитивно-правовых моделей субсидиарной ответственности по долгам несостоятельного должника в частности. К концу 15-го века на смену постглоссатором приходит историко-филологическая школа Франции и гуманистическая школа Италии, которые, однако, не приносят ничего нового в развитие прежних юридических теорий. С этого же времени начинается процесс становления национальных законодательств о банкротстве.

Завершая данный аспект нашего исследования, сформулируем следующие промежуточные выводы:

1. Разработанная декрета-листами теория корпорации как фиктивного, но вместе с тем самостоятельного субъекта права положила начало доктрине юридического лица, развиваемой далее глоссаторами. Последние, в свою очередь, заложили основу представлений о субсидиарной ответственности

¹ См.: Dauchy, S, Martyn, G., Musson, A., Pihlajamäki, H., Wijffels, A. *The Formation and Transmission of Western Legal Culture. Studies in the History of Law and Justice*. Cham, 2016. P. 31 ff.

² См.: Frank, J. *Civil Law Influences on the Common Law. Some Reflections on “Comparative” and “Contrastive” Law* // *University of Pennsylvania Law Review*. 1956. Vol. 104. P. 894.

³ См.: Пучков В. О. Извинительное незнание иностранного закона как основание освобождения от гражданско-правовой ответственности в российском и зарубежном праве // *Арбитражные споры*. 2018. № 1. С. 151 – 152.

⁴ См.: Брун М. И. *Очерки истории конфликтного права*. М., 1915. С. 36 – 37.

по долгам несостоятельного юридического лица.

2. Специфика понимания корпорации, утвердившаяся в исследованиях глоссаторов, состоит в том, что, согласно их представлениям, корпорация представляет собой не только коммерческую организацию, основанную на принципах членства, но и всякое юридическое лицо вообще, включая юридические лица публичного права.

3. Применительно к внутрикорпоративным отношениям глоссаторы формируют особую концепцию долга, имеющего двойственную природу. С одной стороны, долг понимался в качестве имущественной обязанности перед другим лицом, возникающей из договора, деликта или сделки иного рода (*debtum externus*). С другой стороны, долгом считался и тот случай, когда лицо, возглавляющее корпорацию, своим поведением причинило ей вред (*debtum internus*); в такой ситуации его ответственность подразумевала обязанность компенсировать (возместить) этот вред другим членам

сообщества. При этом лишь ответственность участников корпорации по *debtum externus* в случае банкротства носила субсидиарный характер.

4. Отсутствие в Своде Юстиниана систематизированных положений о банкротстве обусловило фрагментарный характер соответствующих разработок в учениях глоссаторов. В связи с этим торговые города-государства создают собственные корпуса норм, регулирующих отношения в сфере банкротства. Их архаичский характер обусловил следующие специфические черты городских конкурсных статутов. Во-первых, сам факт банкротства признавался деликтом, преимущественно уголовно-правовым. Во-вторых, должником мог признаваться лишь гражданин, а не корпорация (несмотря на фактическое участие корпораций в коммерческих отношениях). В-третьих, были распространены разноплановые механизмы личного обеспечения долга перед кредиторами.

5. С развитием европейской торговли и общей системы социально-экономического устройства европейских государств возникает потребность в приспособлении Свода Юстиниана для целей правового регулирования, в том числе и в случаях банкротства, осложненного иностранным элементом. С этой целью глоссаторами формируется учение о статутах, создаются первые коллизионные привязки *lex loci actus* и *lex loci contractus*. В последующем, применительно к вопросам банкротства комментаторы выводят из текстов глосс коллизионную привязку *lex loci concursus*, а также создают теорию извинительного незнания иностранного закона, в дальнейшем использованную в законодательстве европейских государств при построении нормативных моделей субсидиарной ответственности по долгам несостоятельного юридического лица в МЧП.

Библиографический список

1. Брун М. И. Очерки истории конфликтного права: 1. Конфликтное право постглоссаторов (XIII – XV вв.). 2. Теория статутов (XVI – XVIII вв.). – М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1915. – 106 с.
2. Малышев К. Исторический очерк конкурсного процесса. – СПб: Типография товарищества «Общественная польза», 1871. – 455 с.
3. Нефедов Б. И. Возникновение международного частного права. Ч. 1 // Московский журнал международного права. - 2016. - № 1 (101). – С. 3 – 18.
4. Покровский И. А. История римского права / вступ. ст., пер. с лат., науч. ред. и коммент. А. Д. Рудокваса. – СПб.: Издательско-торговый дом «Летний сад», 1998. – 560 с.
5. Пучков В. О. Извинительное незнание иностранного закона как основание освобождения от гражданско-правовой ответственности в российском и зарубежном праве // Арбитражные споры. - 2018.- № 1. – С. 151 – 162.
6. Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. Т. IV. Торговый процесс. Конкурсный процесс. – Изд. 4-ое. – М.: Изд-во Бр. Башмаковых, 1912. – 596 с.
7. Юсифова Р. Т. Личный закон и национальность юридического лица: понятие и соотношение в современном международном частном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Юсифова Рена Теймуровна. – М., 2018. – 213 с.
8. Campitelli A. “Cum Collegium in Causa Universitatis Fingatur Una Persona”: Riflessioni Sul Commento Di Sinibaldo Dei Fieschi (с. Praesentium, De Testibus E Attestationibus, 57 X, 2, 20) // *Apollinaris*. 1990. Vol. 63. – P. 125 – 131.

**12.00.01 - ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА;
ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ**

9. Canning J. P. The Corporation in the Political Thought of the Italian Jurists of the Thirteenth and Fourteenth Centuries // History of Political Thought. 1980. Vol. 1. – P. 9 – 32.
10. Dauchy, S, Martyn, G., Musson, A., Pihlajamäki, H., Wijffels, A. The Formation and Transmission of Western Legal Culture. Studies in the History of Law and Justice. – Cham: Springer, 2016. – XIX, 571 pp.
11. Frank, J. Civil Law Influences on the Common Law. Some Reflections on “Comparative” and “Contrastive” Law // University of Pennsylvania Law Review. 1956. Vol. 104. – P. 887 – 926.
12. Hallam, H. View of the State of Europe during the Middle Ages. – New York: Harper & Brothers, 1872. – VIII, 568 pp.
13. Landsberg, E. Die Glosse des Accursius um ihre Lehre vom Eigenthum: rechts-und dogmengeschichtliche Untersuchung. – Leipzig: Brockhaus, 1883. – XXI, 348 s.
14. Laski, Harold J. The Early History of the Corporation in England // Harvard Law Review. 1917. Vol. 30. – P. 561 – 588.
15. Mousourakis, G. Roman Law, Medieval Jurisprudence and the Rise of the European Ius Commune: Perspectives on the Origins of the Civil Law Tradition // Housei Riron. 2014. Vol. 47. – P. 22 – 84.
16. Treiman, I. Acts of Bankruptcy: A Medieval Concept in Modern Bankruptcy Law // Harvard Law Review. 1938. Vol. 52. – P. 189 – 215.
17. Treiman, I. The Law and the Insolvent Debtor // Washington University Law Review. 1927. Vol. 12. – P. 189 – 195.

**MEDIEVAL LEGAL THOUGHT ON SUBSIDIARY LIABILITY FOR THE DEBTS OF AN
INSOLVENT LEGAL ENTITY**

Vohidov Muhammadjon Askarbegovich

Lecturer of the department of civil law of the faculty of law
Russian-Tajik (Slavonic) University,
M. Tursundaze 30, 734025, Dushanbe, Republic of Tajikistan
Tel.: + (992) 888855154, e-mail: vohidov.m8@gmail.com

The history of the legal development of Western Europe, starting from the first Renaissance of the 12th century, shows us a unique case of the parallel formation of legal systems, which influences the development of the model of subsidiary liability for the debts of an insolvent legal entity. By the XIV century with the development of social relations, the forms of social interaction become more complicated. Under the influence of the teachings of canons and glossators, the institution of a legal entity is formed; corporations become full participants in civil circulation. At the same time, this period is characterized by an acute problem of legal conflicts. The fact is that in Europe at that time, in fact, there were three legal systems independent of each other. This paper discusses the formation and phased development of a model of subsidiary liability for the debts of an insolvent legal entity and draws conclusions for each stage of the study.

Keywords: *subsidiary liability; insolvency; legal entity; debts; Western Europe.*

**АФКОРИ ХУКУКИИ АСРИМИЁНАГӢ ДАР БАРОИ ЧАВОБГАРИИ СУБСИДИАРИ ОИД БА ҚАРЗХОИ
ШАХСИ ХУКУКИИ МУФЛИС**

Воҳидов Муҳаммадҷон Аскарбеғович

Муаллими кафедраи ҳуқуқи граждани
Донишгоҳи Славянии Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, к. МирзоТурсунзода, 30
тел. : + (992) 888855154 e-mail: vohidov.m8@gmail.com

Таърихи рушди ҳуқуқи Аврупои Ғарбӣ, ки аз эҳёи аввали асри 12 оғоз шуда, ба мо як мисоли беназири ташаккули мувозинати системаҳои ҳуқуқиро пешкаш мекунад, ки ба рушди модели масъулияти субсидиарӣ барои қарзҳои шахси ҳуқуқи муфлис таъсир мерасонад. То асри XIV. бо инкишофи муносибатҳои ҷамъиятӣ шаклҳои муносибатҳои сотсиалӣ мураккабтар мешаванд. Дар зери таъсири таълимоти канонҳо ва глоссаторҳо институти шахси ҳуқуқи ташаккул меёбад, корпоратсияҳо иштирокчиёни комилҳуқуқи

**12.00.01 - ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА;
ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ**

муомилоти граждани мегарданд. Дар баробари ин, ин давра бо мушкилоти тезутунди низоъҳои ҳуқуқӣ ҳос аст. Гап дар сари он аст, ки дар Аврупо он вақт дар ҳақиқат се системаи ҳуқуқии аз ҳамдигар новобаста вучуд дошт. Дар ин мақола ташаккул ва зина ба зина модели масъулияти субсидиарӣ барои қарзҳои шахси ҳуқуқии муфлис баррасӣ карда шуда, барои ҳар як марҳилаи тадқиқот хулоса бароварда шудааст.

Калидвожаҳо: *чавобгари субсидиарӣ, муфлисӣ, шахси ҳуқуқӣ, қарзҳо, Аврупои Ғарбӣ*

СТАНОВЛЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНОЛОГИИ В РОССИИ

Умедов Кадридин Миходжидинович

старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: (+992) 2278648; (+992) 909131356 e-mail: kadridin1979@mail.ru

Юридическая деятельность многогранна и разнообразна и является одной из разновидностей социальной деятельности, которая требует к себе научного подхода. Она выступает содержанием, а юридическая технология является формой. Сегодня невозможно представить себе правовую деятельность без юридической технологии, юридическая технология упорядочивает правоотношения по созданию права, интерпретации права, систематизации права, применению права и т.д. Данная работа посвящена становлению и развитию юридической технологии как научной категории. Автор в основном использует научные труды В.М. Баранова, В.Н. Карташова и Н.А. Власенко. Методологическая часть работы включает такие методы, как: структурный, логический, сравнительно-правовой аналитический, формально-юридический.

Ключевые слова: юридическая технология, нормотворческая технология, правотворческая технология, законодательная технология, законодательная деятельность.



Статья 20 Конституции

Для всех государств, входивших в состав СССР, после его распада начинается новый период, который можно охарактеризовать как «переходной период». Все государства, где происходит качественная трансформация политики, экономики и социальных систем, принято называть переходными, к таким странам можно отнести Россию.¹

В.М. Барановым,² В.Н. Карташовым³ и Н.А. Власенко⁴ предложены концепции (подходы) юридической технологии. Данные концепции отражают реальную правовую природу «юридической технологии». В настоящий период, который можно воспринимать как «переходной период» общественной жизни, во всех её отраслях, в том числе и в праве,

© Умедов К.М., 2021

¹ Нисневич Ю.А., Платонов В.М., Слизовский Д.Е. Законодательная деятельность: Политико - правовой анализ: Учеб. пособие для студентов вуза / Ю.А. Нисневич, В.М. Платонов, Слизовский Д.Е. М.: Аспект Пресс, 2007. С.22.

² Баранов Владимир Михайлович - Предисловие // Проблемы юридической техники: сб. статей / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000; Юридическая техника, Том 1 : учебник для вузов / под ред. В. М. Баранова. М. : Изд. Юрайт, 2016; вступительное слово профессора В.М. Баранова. // «Коллизии законодательных, интерпретационных, правоприменительных актов: доктрина, практика, техника преодоления». сб. статей / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород. 2017. № 11.; Нормы-принципы в механизме правового регулирования. Вестник Томского государственного университета // Право. 2016. №4 (22).

³ Картошов В.Н. Законодательная технология субъектов Российской Федерации / В.Н. Карташов, С.В. Бахвалов; ЯрГУ, Ярославль, 2010; Юридическая деятель-

ность: понятие, структура, ценность / под ред.: Матузов Н.И. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1989; Юридическая техника, тактика, стратегия и технология (к вопросу соотношения). Проблемы юридической техники: сб. статей / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000; Юридическая технология или юридическая техника? Некоторые методологические аспекты исследования // Юридическая техника: сб. статей / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород. 2007. №1; Качественный нормативный правовой акт как компонент правотворческой технологии. Выступление на круглом столе. // Юридическая техника: сб. статей / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород. 2012. №6; Технология юридической аргументации. Выступление на круглом столе. Юридическая техника. 2013. № 7 (ч. 1); Юридическая техника, тактика, стратегия и технология (к вопросу соотношения). Проблемы юридической техники: сб. статей / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000.

⁴ Власенко Н.А. Нормотворческая юридическая техника / под ред. Н.А. Власенко: Юстиц-информ; Москва; 2013;

происходит процесс формирования правовых концепций, идей, стратегий, подходов и принципов правовой системы и системы права. Можно предположить, что предложенная вышеперечисленными учеными концепция юридической технологии в юриспруденции постсоветских стран будет лидирующей.

Методологии для продвижения по определенным направлениям исследования являются неотъемлемой частью исследования.¹

Автор придерживается системного подхода.

Правовая (юридическая) технология рассматривается как единая система, состоящая из подсистем, которые взаимосвязаны и взаимно дополняют друг друга. Системность является одним из основных признаков правовой (юридической) технологии, означая, что она упорядоченная и внутренне согласованная организация. Правовая (юридическая) технология как юридический феномен - это целостное образование, имеющее внутреннюю структуру. Данный подход позволит рассмотреть и определить положение законодательской технологии как

структурной единицы в целостной системе под названием правовая (юридическая) технология.

В работе также были использованы структурный метод, который тесно связан с системным подходом и позволяет структурировать в более мелкие структуры одну целостную систему, аналитический метод, состоящий из совокупности таких частных методов исследования, как анализ, синтез, абстрагирование, индукция и дедукция. С помощью формально – юридического метода мы выстроим внутреннее строение, признаки и свойства системы и подсистем правовой (юридической) технологии. Стратегия и тактика будет построена с помощью логического метода.

В США юридическими технологиями понимается искусственный интеллект в таких областях, как инновационные правовые исследования, прогнозный анализ судебных процессов, электронные открытия и обзор контрактов.² Юридическую технологию можно понять в качестве материальной технической инфраструктуры (компьютеры, программы, системы, различного рода технические устройства и т.д.).

Например, в криминалистике используются приборы, устройства, вещества, а при правотворчестве и законотворчестве используются средства оповещения, радио и телевидение, интернет-сайты и другая компьютеризованная техника для ведения подсчетов или иных юридических технологических действий. Но такой подход не отражает всю сущность юридической технологии.

Профессор В.Н. Карташов отмечает, что Ф. Бекон, И. Бентам, И. Иеринг, Л.А. Цветаева, Ш. Монтескье, Ф. Жени, Е.В. Васильковский, Л. Успенский, И.Л. Брауде употребляли понятие «юридическая техника» довольно широко, отождествляя ее с понятием «юридическая технология».³ Юридическая технология – это знания о средствах, способах и методах наиболее эффективной и планомерной практики (наука).⁴ Это научная дисциплина, которая в системе правовых дисциплин занимает особое место.⁵

Профессор В.М. Баранов пишет о том, что юридическая технология применяется во всех видах юридической практики, она преобразовывает и фиксирует общественно значимую информацию в новооб-

Кризис права: проблемы и подходы к решению. Журнал российского права № 8. 2013; Коллизии в праве как объект современного научного познания. // Юридическая техника: «Коллизии законодательных, интерпретационных, правоприменительных актов: доктрина, практика, техника преодоления». сб. статей / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород. 2017. № 11; Избранное. М.: Норма, 2015; Законодательная технология (Теория. Опыт. Правила): уч. пособие. Иркутск: Восточно-Сибирская издательская компания, 2001; Доктринальные основы юридической техники / отв. ред. Н.А. Власенко. М.: ИД «Юриспруденция», 2010; Конкуренция принципов права. Доклады на пленарном заседании. Юридическая техника. 2020. № 14; «Юридическая конструкции в правотворчестве, реализации, доктрине» // Юридическая техника. сб. статей / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород. 2013. №7 (ч. 2).

¹ Synne, S. M. (2017) Pursuing Legal Research. Journal Law and Method.

² Ran, W. (2020) Legal technology in contemporary USA and China. Computer Law & Security Review. Volume 39.

³ Карташов В.Н. Юридическая технология или юридическая техника? Некоторые методологические аспекты исследования // Юридическая техника: сб. статей / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород. 2007. №1. С. 19.

⁴ Карташов В.Н. Юридическая техника, тактика, стратегия и технология (к вопросу соотношения). Проблемы юридической техники: сб. статей / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород. 2000. С. 22.

⁵ Вантеева Н.В. Юридические технологии: методические указания / Н.В. Вантеева, В.Н. Карташов; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. Ярославль: ЯрГУ. 2014. С. 3.

разованный качественный правовой акт, она создает «правовую техносферу».¹

Профессор Н.А. Власенко рассматривает понятие юридической технологии как порядок применения и использования методов и приемов по подготовке и принятию юридического решения (акта), под которым в широком смысле понимается итог, результат юридической деятельности² (Vlasenko, 2001:7–8; 2010:162; 2015:209).

В работе автора данной статьи³ было предложено объединить понятия «юридическая технология» и «юридическая техника» в одну категорию «Юридическая технология» и убрать из правового оборота понятие «юридическая техника». В настоящем исследовании я намерен исправить предложение, которое было сделано в вышеуказанной статье, и отказаться от такого подхода.

Для практики и теории очень важным является разграничение понятий «юридическая технология» и «юридическая техника», что создаст условия для конкретизации правового категориального аппарата.

Очевидно, что не могут два термина нести одно содержание, за исключением случаев, если они синонимы. Если представить, что данные термины-синонимы, то вопрос содержания юридической технологии и техники становится еще сложнее.

Вся сущность *techne* состоит в том, что это знание о закономерностях создаваемого предмета деятельности и правилах, требованиях, методах и принципах создания этого предмета.

Хайдеггер переводит *techne* как «*Sichauskennen*», «умение разбираться в каком-то деле» — например в том, как происходит и каким результатом должно завершиться изготовление кровати.⁴

Когда мы сопоставляем понятия «юридическая технология» и «юридическая техника», представляется, что они влетены друг в друга, и бывает трудно провести грань между ними. Такое сходство объясняется родством этих понятий. Думается, что этимологическая проблема составляет преграду для выявления истинного содержания понятий «юридическая техника» и «юридическая технология». Ученый мир понимает, что понятие «юридическая технология» фактически поглощает понятие «юридическая техника», но не может решить вопрос о содержании, форме и соотношении вышеуказанных понятий.

Технология (от греч. *techne* — искусство, мастерство, умение и *lygos* — слово, учение) - область научного знания, выявляющая и исследующая физические, химические, механические и др. закономерности с целью определения и использования на практике

наиболее эффективных и экономичных производственных процессов.⁵

Можно предположить, что техника и технология - однокоренные слова, но не синонимы, где корнем является термин «*techne*». Для практики и теории целесообразно под юридической технологией понимать искусство или мастерство осуществления юридической технологии, а под юридической техникой понимать совокупность юридических и неюридических средств, с помощью которых осуществляется юридическая деятельность.

Каждая юридическая деятельность осуществляется в рамках определенных правил, что является залогом её результативности. Юридическая технология как система, состоящая из подсистем, структур, подструктур, устанавливает требования к юридической деятельности, нормативным правовым актам и иным документам, находящимся в официальном документообороте конкретного государства. Она является обязательным руководством для каждой юридической деятельности. Юридическая технология - это социальное явление и элемент цивилизованного общества, является неотъемлемой частью правовой культуры общества.

Юридическая технология создает культурное и высокотехнологическое право, документирует и систематизирует законы,

¹ Баранов В.М. Предисловие // Проблемы юридической техники: сб. статей / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород. 2000.

² Власенко Н.А. Законодательная технология (Теория. Опыт. Правила): учеб. пособие. Иркутск: Восточно-Сибирская издательская компания, 2001. С. 7-8; Власенко Н.А. Доктринальные основы юридической техники / отв. ред. Н.А. Власенко. М.: ИД «Юриспруденция». 2010. С. 162; Власенко Н.А. Избранное. М.: Норма, 2015. С. 209.

³ Умедов К.М. Юридическая технология // *Universum: Экономика и юриспруденция: электрон. научн. журн.* 2018. № 12(57). С. 32.

⁴ Михайловский А.В. Хайдеггер и Аристотель о *techne* и *physis*. Статья первая. Герменевтическое значение Аристотеля для формирования хайдеггеровской мысли о технике // *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»*. 2016, № 3 (5). С. 37 – 51.

⁵ Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. 2-е изд., доп. М.: Мегатрон XXI, 2000. — 334 с.

реализует и интерпретирует правовые нормы. Разрешает «конфликты права» – коллизии, пробелы, дублирования, неопределенности и другие юридическо – технологические ошибки. Устанавливает требования к порядку реализации института аналогии права и закона и т.д.

В итоге можно сказать, что юридическая технология –

это философская, политическая, социальная, правовая категория, реализующая цели и принципы права, это научная, практическая категория основанная на принципах права, правотворчества, и собственных принципах деятельности. Она обладает юридически – технологическим инструментарием, это правовая политика,

правотворческая политика, принципы права, принципы правотворчества, законотворчества и собственно юридически – технологические принципы и подходы, прогнозирование, стратегия; тактика; мониторинг; средства (юридическая техника).

Библиографический список

1. Баранов В.М. Предисловие // Проблемы юридической техники: сб. статей / под ред. В.М. Баранова. – Н. Новгород, 2000.
2. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. – 2 –е изд. доп.— М.: Мегатрон XXI, 2000. – 334 с.
3. Вантеева Н.В. Юридические технологии: методические указания / Н.В. Вантеева, В.Н. Карташов; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль : ЯрГУ, 2014. – 56 с.
4. Власенко Н.А. Доктринальные основы юридической техники / отв. ред. Н.А. Власенко. – М. : ИД «Юриспруденция», 2010. – 368 с.
5. Власенко Н.А. Законодательная технология (Теория. Опыт. Правила): учеб. пособие. – Иркутск: Восточно-Сибирская издательская компания, 2001. – 144 с.
6. Власенко Н.А. Избранное. – М. : Норма, 2015. – 688 с.
7. Карташов В.Н. Юридическая техника, тактика, стратегия и технология (к вопросу соотношения). Проблемы юридической техники: сб. статей / под ред. В.М. Баранова. – Н. Новгород, 2000.
8. Карташов В.Н. Юридическая технология или юридическая техника? Некоторые методологические аспекты исследования // Юридическая техника: сб. статей / под ред. В.М. Баранова. – Н. Новгород, 2007. – №1. –С. 16–24.
9. Михайловский А.В. Хайдеггер и Аристотель о *techne* и *physis*. Статья первая. Герменевтическое значение Аристотеля для формирования хайдеггеровской мысли о технике. // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». – 2016. – № 3 (5). – С. 37 – 51.
10. Нисневич Ю.А., Платонов В.М., Слизовский Д.Е. Законодательная деятельность: Политико - правовой анализ: учеб. пособие для студентов вуза / Ю.А. Нисневич, В.М. Платонов, Слизовский Д.Е. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 285 с.
11. Умедов К.М. Юридическая технология // *Universum: Экономика и юриспруденция: электрон. научн. журн.* – 2018. – № 12(57). – С. 32.
12. Ran, W. (2020) Legal technology in contemporary USA and China. *Computer Law & Security Review*. Volume 39. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2020.105459>
13. Synne, S. M. (2017) Pursuing Legal Research. *Journal Law and Method*. DOI: 10.5553/REM/.000022

Umedov Kadridin Mikhodjidinovich

Senior lecturer of the department of state and legal disciplines
Russian-Tajik (Slavonic) University
M. Tursunzade 30, 734025, Dushanbe. Republic of Tajikistan
Tel.: (+992) 2278648; (+992) 909131356
E-mail: kadridin1979@mail.ru

Legal activity is multifaceted and diverse and is one of the varieties of social activity that requires a scientific approach. It is the content, and legal technology is the form. Today it is impossible to imagine legal activity without legal technology; legal technology streamlines legal relations in the creation of law, interpretation of law, systematization of law, application of law, etc. This work is devoted to the formation and development of legal technology as a scientific category. The author mainly uses the scientific works of V.M. Baranov, V.N. Kartashov and N.A. Vlasenko. The methodological part of the work includes such methods as structural, logical, comparative legal analytical, formal legal methods.

Key words: *legal technology; rule-making technology; law-making technology, law-making activity.*

ПАЙДОИШИ ТЕХНОЛОГИЯИ ХУКУКИ ДАР РУСИЯ

Умедов Қадриддин Минходҷидинович

муаллими калони кафедраи фанҳои давлатӣ - ҳуқуқӣ
Донишгоҳи Славянии Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, х. 30
Тел.: (+992) 2278648; (+992) 909131356, e-mail: kadridin1979@mail.ru

Фаъолияти ҳуқуқӣ бисёрҷанба ва гуногунранг буда, яке аз навъҳои фаъолияти ҷамъият аст, ки муносибати илмиро талаб мекунад. Он мундариҷа аст ва технологияи ҳуқуқӣ шакл аст. Имрӯз фаъолияти ҳуқуқиро бе технологияи ҳуқуқӣ тасаввур кардан ғайриимкон мебошад, технологияи ҳуқуқӣ муносибатҳои ҳуқуқиро дар эҷоди ҳуқуқ, тафсири ҳуқуқ, ба низом даровардани ҳуқуқ, татбиқи ҳуқуқ ва ғайраҳо. Ин асар ба ташаккул ва рушди технологияи ҳуқуқӣ ҳамчун категорияи илмӣ бахшида шудааст. Муаллиф асосан аз корҳои илмӣ В.М. Баранова, В.Н. Карташова ва Н. Власенко истифода мебарад. Қисми методологии кор чунин усулҳоро дар бар мегирад: усулҳои сохторӣ, мантиқӣ, муқоисавии таҳлили ҳуқуқӣ, усулҳои расмию ҳуқуқӣ.

Калидвожаҳо: технологияи ҳуқуқӣ, технологияи меъёрэҷодкунӣ, технологияи ҳуқуқэҷодкунӣ, технологияи қонунгузорӣ, фаъолияти ҳуқуқэҷодкунӣ, фаъолияти қонунгузорӣ.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Холзода Алибек

преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: (+992) 903 02 22 11 e-mail: alibek_0001@mail.ru

Наиболее актуальной сферой современных судебных реформ является защита прав человека и гражданина. Реализация поставленных целей и задач на этом направлении осуществляется в различных отраслях деятельности государства и общества, в том числе в уголовном производстве. От качества применения норм права со стороны субъектов уголовного производства зависят уровень и культура уголовного производства, что непосредственно сказывается на качестве защиты прав и свобод человека и гражданина. Процесс доказывания – достаточно ёмкая и сложная процедура, требующая к себе особого внимания. Доказывание – это целое направление в уголовном производстве и является подинститутом уголовного судопроизводства. В ходе исследования были использованы диалектический, исторический, сравнительно-правовой, логический, системный и структурные методы.

Ключевые слова: доказывание, уголовный процесс, вероятность, достоверность.



Древнейшим видом судопроизводства считался общинный суд, субъекты которого обладали равноправием в судебном процессе. Русская Правда образовалась из многих законов князей, изданных в период XI по XIII вв., где преступления назывались «обида».

Доказательства имели формальную характеристику, их изыскание и предоставление в суд реализовались непосредственно пострадавшим.

Основным видом доказательства были показания свидетелей. Свидетели делились на две группы: «видоки» – очевидцы преступления и «послухи» – свидетели факта преступления.

В Русской Правде говорится о таком виде доказательства, как свод. Держатель украденного предмета должен был доказать, что предмет у него находится правомерно и что он обладает теми или иными правами относительного этого предмета. Русской Правдой разрешалось использование поединка, ордалий, если доказательства отсутствовали. Спор между обвинителем и обвиняемым разрешался через судопроизводство.

Основными источниками российского права в Средневековье являются «Судебник 1497 г.», «Судебник 1550 г.», «Соборное уложение 1649 г.», «Краткое изложение процессов».

Судебник 1550 г. заложил основу расследования наиболее опасных деяний, которое для феодальной собственности производилось разыскной деятельностью. Видами доказательства можно было признать показания обвиняемого, полевой обыск, захват с поличным, свидетельские показания.

В середине XVI в. в России актуализируется сословно-представительная монархия. Уголовный процесс делился на «розыск» и «суд».

Эволюционным периодом в сфере доказывания в уголовном судопроизводстве можно считать время царствования Петра I. В этот период формируется система доказательств. Была построена иерархия и характеристика доказательств.

При Иване Грозном практиковались пытки для получения признания, этот способ применялся в делах, характеризующихся как особо тяжкие преступления. Доказательства

были двух видов: совершенные и несовершенные. Доказательством признавалось собственное признание, свидетельские показания, документы, повальный обыск, допрос соседей о поведении подсудимого.

Новеллой для России было то, что доказательства оценивались по внутреннему убеждению судей, что можно проследить в нынешнем законодательстве России и Таджикистана.

Письменными доказательствами можно было считать документы, содержащие определенную информацию, но они не имели обязательного характера для судопроизводства.

В 1917 г. был принят Декрет о суде № 1, этот Декрет упразднил царскую судебную систему. Однако Декрет о суде № 2 от 7 марта 1918 г. ссылался на судебный устав 1864 г.

Доказывание осуществляют следователь, дознаватель, прокурор и суд и направлено на получение конкретных, правовых фактов по делу. Это целенаправленная деятельность, устанавливающая круг обстоятельств совершения преступления, мотивы и характер, которые в итоге создают почву и возможность рассмотреть дело объективно¹.

Доказывание можно понять как разновидность правовой деятельности, которая направлена на выявление, систематизацию, применение

фактов и аргументов, раскрывающих или способствующих раскрытию всех обстоятельств конкретного преступления.

Процесс доказывания осуществляется конкретными субъектами, предусмотренными соответствующим законодательством. Данная деятельность обладает совокупностью приемов, методов, тактики, стратегии с целью планомерной, научной и продуманной деятельности по доказыванию или выявлению истины обстоятельства конкретного дела.

Доказывание – это процедура выявления истины в судебном процессе, её познание, научное обоснование версий и предположений. Данная деятельность заключается в собирании, познании, оценке и использовании выявленных фактов. Это процесс носит познавательный характер, где в итоге выявляются аргументы и факты, которые способствуют раскрытию истинного содержания конкретных предметов или явлений².

Условно процесс доказывания можно разделить на досудебную и судебную стадии.

Доказывание в юридической практике – это искусство систематизации фактов, в котором они взаимно выясняются, отмечает английский философ, юрист И. Бентам³.

Процесс доказывания обладает обособленной спецификой как самостоятельная разновидность юридической практики и теории, в связи с

чем имеет специальные методы и подходы, способствующие качественной работе и минимизирующие риски – ошибки, которые могут плачевно сказаться на реализации и защите прав и свобод человека и гражданина.

Доказывание – это деятельность, познавательная и удостоверительная, компетентных государственных органов.

Доказывание состоит из пяти элементов:

- 1) собирание доказательств;
- 2) исследование доказательств;
- 3) проверка доказательств;
- 4) оценка доказательств;
- 5) использование доказательств⁴.

Все перечисленные структурные частицы процесса доказывания не просто выстроены в иерархию, а осуществляются в строгой последовательности, что позволяет достичь конкретных результатов по делу, где основной целью является выявление истины (правды).

Успешное производство экспертизы документов непосредственно зависит от того, насколько своевременно и качественно будут осуществлены процессуальные (следственные или судебные) действия, связанные с собиранием и представлением соответствующих вещественных доказательств, для проведения комплексного

¹ Шаров Д.В. Предмет доказывания в уголовном судопроизводстве: исторический опыт и современные проблемы. // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 11 (48). С. 2606.

² Белкин А. Р. Теория доказывания: научно-методическое пособие. М.: Изд-во НОРМА, 1999. С. 3 – 4.

³ Бентам И. О судебных доказательствах / под изд. Дюмана, пер. с фр. И. Горюновичем Е. Киев : тип. М. П. Фрица, 1876. С.- 9.

⁴ Россинский С.Б. О собирании, формировании, исследовании, и использовании доказательств в уголовном процессе (продолжая дело профессора С.А. Шейфера) // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т.3, №4. С. 54.

криминалистического исследования¹.

Кроме того, что процесс доказывания имеет свои обособленные методы, с помощью которых осуществляется весь вышеперечисленный процесс, он должен осуществляться в соответствии с процессуальными нормами уголовного права. Так, доказательство может быть бесспорным, но суд может отклонить доказательства, представленные на рассмотрение в судебном процессе, если они были добыты незаконно. Поэтому в целом для процесса доказывания имеет значение не только то, что он осуществляется с применением юридического инструментария, также необходимо проводить его строго в соответствии с установленными нормами уголовного процесса или иными нормами, регулирующими данную область правоотношений.

Собирание доказательств это:

1) деятельность, направленная на сбор необходимого количества доказательств;

2) этап накопления количества доказательств, окончанием которого является переход к качественной их обра-

ботке – оценке и проверке в соответствии со свойствами доказательств².

В итоге нашего исследования можно сделать вывод, что институт доказывания в уголовном судопроизводстве имеет исторические истоки, можно предположить, что доказывание зародилось вместе с уголовным правом и/или с уголовным процессуальным правом.

Сегодня процесс доказывания эволюционировал, как и в целом уголовное право и уголовно – процессуальное право.

Процесс доказывания – сложная юридическая деятельность, осуществляемая как в уголовном, так и в гражданском, административном и экономическом производстве, она может быть досудебной и судебной, и направлена на выявление истины в каждом конкретном обстоятельстве.

Круг субъектов доказывания в уголовном судопроизводстве ограничен и предусматривается в специальных законах. Данные субъекты в ходе процесса доказывания обладают правами и обязанностями.

Доказывание можно рассматривать как подинститут уголовного процессуального права, которое способствует

осуществлению правосудия. Доказывание руководствуется нормами права, принципами права, принципами уголовно – процессуального права. Имеет специальные методы и приёмы осуществления деятельности, производится в рамках планирования и тактики.

Некоторые аргументы и факты, используемые в качестве доказательства по истечении определенного периода времени, могут видоизменяться или вообще потерять свои качества. Поэтому процесс доказывания в некоторых случаях должен производиться в скоростном режиме.

Доказывание в уголовном процессе – это искусство по обнаружению, выявлению отпечатка фактов и аргументов, которые позволят рассмотреть дело рационально и справедливо.

Мы считаем, что в уголовном процессуальном доказывании как особый элемент выступает «тактика доказывания», так как правильно спланированная тактика позволит идти верным путем и в конечном итоге реализовать цели, поставленные субъектом доказывания.

Библиографический список

1. Белкин А. Р. Теория доказывания: науч.-метод. пособие. — М.: Издательство НОРМА, 1999. — 429 с.
2. Бентам И. О судебных доказательствах / по изд. Дюмана; пер. с фр. И. Гороновича Е. Киев : тип. М. П. Фрица, 1876. - 421 с.
3. Бочинин С.А. Собирание доказательств в следственных действиях // Актуальные проблемы российского права. – 2011. - № 1. - С. 246 – 252.
4. Гаврилин С.А. Собирание доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Московского университета МВД России. - 2012. – № 10. - С. 163 – 168.
5. Россинский С.Б. О собирании, формировании, исследовании, и использовании доказательств в уголовном процессе (продолжая дело профессора С.А. Шейфера) // Юридический вестник Самарского университета. - 2017. – Т. 3, №4. – С. 49 – 57.

¹ Гаврилин С.А. Собирание доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 10. С. 163.

² Бочинин С.А. Собирание доказательств в следственных действиях // Актуальные проблемы российского права. 2011. – №1. С. 252.

6. Шаров Д.В. Предмет доказывания в уголовном судопроизводстве: исторический опыт и современные проблемы. // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 11 (48). – С. 2603 – 2606.

**ORIGIN AND DEVELOPMENT OF THE PROOF THEORY
IN CRIMINAL PROCEEDINGS**

Kholzoda Alibek

Lecturer of the department of criminal procedure and criminalistics
Russian-Tajik (Slavonic) University
M. Tursunzade 30, 734025, Dushanbe, Republic of Tajikistan
Ph.: (+992) 903 02 22 11, e-mail: alibek_0001@mail.ru

The most urgent area of modern judicial reforms is the protection of human and civil rights. The implementation of the set goals and objectives in this area is carried out in various branches of the state and society, including in criminal proceedings. The level and culture of criminal proceedings depend on the quality of application of the rules of law by the subjects of criminal proceedings, which directly affects the quality of protection of the rights and freedoms of man and citizen. The process of proving is a rather capacious and complex procedure that requires special attention. Proof is a whole direction in criminal proceedings and is a substitution of criminal proceedings. In the course of the study, dialectical, historical, comparative legal, logical, systemic and structural methods were used.

Keywords: *proof; criminal procedure; probability; accuracy.*

ПАЙДОИШ ВА ИНКОШОФИ НАЗАРИЯИ ИСБОТ ДАР РАВАНДИ ҶИНОЯТӢ

Холзода Алибек

муаллими кафедраи муурофияи ҷиноятӣ в криминалистика
Донишгоҳи Славянии Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, х. 30
тел.: (+992) 903 02 22 11 e-mail: alibek_0001@mail.ru

Самтҳои муҳимтарини ислоҳоти муосири судӣ масъалаи ҳимояи ҳуқуқҳои инсон ва шахрванд мебошанд. Татбиқи ҳадафҳо ва вазифаҳо дар бахшҳои гуногуни давлат ва ҷомеа, аз ҷумла дар муурофияи ҷиноятӣ сурат мегирад. Сатҳ ва фарҳанги муурофияи ҷиноятӣ аз сифати татбиқи меъёрҳои ҳуқуқӣ аз ҷониби субъектҳои муурофияи ҷиноятӣ вобаста аст, ки бевосита ба сифати ҳимояи ҳуқуқи озодиҳои инсон ва шахрванд таъсир мерасонад. Раванди исбот як тартиби нисбатан васеъ ва мураккаб аст, ки диққати махсусро талаб мекунад. Исбот як самти пурраи муурофияи ҷиноятӣ мебошад ва таҳти муурофияи ҷиноятӣ қарор дорад. Дар ҷараёни таҳқиқот усулҳои диалектикӣ, таърихӣ, муқоисавии ҳуқуқӣ, мантиқӣ, системавӣ ва сохторӣ истифода шуданд.

Калидвожаҳо: *далел, муурофияи ҷиноятӣ, эҳтимолият, эътимодноки.*

УДК 342.4(470)

РОЛЬ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РФ В ВОПРОСАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИЛ И СРЕДСТВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Авидзба Рубэн Сократович

старший преподаватель кафедры

государственно-правовых дисциплин

Российско-Таджикский (Славянский) университет

734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30

тел.: 907-71-84-05, e-mail: avidzba_ruben@yahoo.com

В статье раскрывается механизм участия Федерального Собрания РФ в различных аспектах деятельности, связанной с обеспечением национальной безопасности России. В соответствии с законодательством РФ Федеральное собрание Российской Федерации по представлению Президента РФ и Правительства РФ формирует законодательную базу в сфере регулирования национальной безопасности РФ, а также в случае необходимости принимает решение по использованию Вооруженных сил вне пределов территории страны. Кроме того, Федеральное Собрание утверждает указы Президента РФ, относящиеся к вопросам введения военного или чрезвычайного положения в целом в стране или на ее отдельных территориях.

Ключевые слова: Федеральное Собрание, национальная безопасность Вооруженные Силы РФ, военное положение, чрезвычайное положение, Парламентская Ассамблея ОДКБ.



Согласно правовому анализу, вопросы использования сил и средств национальной безопасности Российской Федерации тесно связаны с вопросами ее обеспечения. Под этим понимается целенаправленная деятельность государственных и общественных институтов, в том числе и Федерального Собрания РФ, а также граждан по выявлению, предупреждению

угроз безопасности личности, общества и государства и противодействию им в качестве обязательного и неперемennого условия защиты национальных интересов России. Эта деятельность определяется политикой обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации - это деятельность не только государства, но и всего общества и каждого гражданина в отдельности, направленная на защиту национальных интересов, их практическую реализацию¹. Большую роль в этом вопросе играет парламент Российской Федерации – Федеральное Собрание.

В Концепции национальной безопасности РФ четко определена роль Федерального собрания РФ в формировании и реализации обеспечения

национальной безопасности России. В ней указано, что Федеральное собрание Российской Федерации - на основе Конституции Российской Федерации по представлению Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации формирует законодательную базу в области обеспечения национальной безопасности государства.

В Федеральном законе Российской Федерации «О безопасности» четко определена роль парламента в данном вопросе. В частности, в Статье 9 вышеуказанного закона определены основные полномочия палат Федерального Собрания Российской Федерации в области обеспечения безопасности.

Согласно этой статье, Совет Федерации – верхняя палата российского парламента об-

¹ Актуальные проблемы национальной безопасности России. Учебное пособие/Под общей

редакции В.Ф.Ницевича, В.А.Труханова. Саратов: СВирХБЗ. 2002. С224.

суждает и утверждает федеральные законы в области обеспечения безопасности, которые были приняты нижней палатой Федерального Собрания – Государственной Думой.

Кроме того, верхняя палата Федерального собрания, в соответствии с федеральным законом, рассматривает и утверждает указ российского президента о введении чрезвычайного положения.

Что касается роли Государственной Думы – нижней палаты российского парламента, то она принимает все законы, затрагивающие различные стороны национальной безопасности страны, в том числе и в направлениях, связанных с использованием сил и средств, нацеленных на обеспечение национальной безопасности.

Под политикой обеспечения национальной безопасности понимается деятельность политического руководства государства по определению целей и постановке принципиальных задач по защите национальных интересов страны, а также выработке приемлемых форм, методов и способов для реализации этих целей, в которой наряду с Президентом Российской Федерации определенную роль играет и Федеральное Собрание Российской Федерации.

Политика национальной безопасности реализуется на основе принципов строгой законности; соблюдения баланса интересов личности, общества и государства; взаимной ответственности личности, общества и государства за состояние

национальной безопасности, а также интегрированности с имеющимися международными системами коллективной безопасности, и в свою очередь эти принципы отражаются и в дальнейшем вносятся в федеральные законы, которые принимаются Федеральным Собранием Российской Федерации.

Что касается основных направлений политики в области национальной безопасности России, то они определяются на основе жизненно важных интересов личности, общества и государства, а также необходимостью выработки и использования эффективных средств в противодействии внутренним и внешним угрозам этим интересам¹.

Достижение долгосрочных целей политики национальной безопасности осуществляется путем решения комплекса подчиненных им задач во всех сферах жизнедеятельности. Для эффективного осуществления политики национальной безопасности государством разрабатываются соответствующие федеральные целевые программы, в рамках которых определяются и решаются главные задачи политики обеспечения национальной безопасности².

Наиглавнейшей целью обеспечения национальной безопасности Российской Федерации определено создание и поддержание такого уровня защищенности жизненно важных интересов всех объектов безопасности, который смог бы создать наиболее благоприятные условия для развития

личности, общества и государства и не допускал ослабления роли и значения Российской Федерации как субъекта международного права, а также исключал возможность подрыва потенциала структуры государства по реализации национальных интересов России.

Кроме того, можно отметить, что основные угрозы в международной сфере обусловлены такими факторами, как опасность ослабления политического, экономического и военного влияния России в мире, расширение НАТО на Восток и появление в непосредственной близости от границ Российской Федерации иностранных военных баз и крупных воинских континентов; распространение оружия массового уничтожения и средств его доставки; возникновение и эскалация конфликтов вблизи государственной границы Российской Федерации и внешних границ государств-участников Содружества Независимых Государств. Поэтому значение деятельности всех ветвей государственной власти, включая законодательную, имеет особую значимость.

Одновременно необходимо отметить, что понятие национальной безопасности вбирает в себя все виды безопасности личности, общества и государства. Она выражается в потребности личности, общества и государства в устойчивом развитии; имеет свою историю, а также закономерности и законы развития. Безопасность личности наряду с безопасностью общества и государства,

¹ Правовые основы обеспечения национальной безопасности: Учебное пособие. В.Д. Самойлов. - М.: МИЭМП, 2008. С. 56.

² Актуальные проблемы национальной безопасности России. Учебное пособие/Под общей редакции В.Ф.Ницевича, В.А.Труханова. Саратов: СВРХБЗ. 2002. С.121.

одним из частей которого выступает парламент, являются основополагающими элементами национальной безопасности Российской Федерации.

Стратегическими целями государственной и общественной безопасности являются защита конституционного строя, суверенитета, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, основных прав и свобод человека и гражданина, сохранение гражданского мира, политической и социальной стабильности в обществе, защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Кроме того, одним из главных направлений обеспечения национальной безопасности в области экономики на долгосрочную перспективу является повышение уровня энергетической безопасности, которая включает в себя устойчивое обеспечение внутреннего спроса на энергоносители стандартного качества, рост энергоэффективности и энергосбережения, конкурентоспособности отечественных энергетических компаний и производителей энергоресурсов, предотвращение дефицита топливно-энергетических ресурсов, создание стратегических запасов топлива, резервных мощностей, производство

комплектующего оборудования, стабильное функционирование систем энерго- и тепло-снабжения. Одной из главных основ обеспечения вышеуказанных направлений является законодательная база, в создании которой большую роль играет Российский парламент.

В заключение необходимо также отметить, что в настоящее время Российская Федерация встречается с новыми вызовами и угрозами в связи с тем, что изменилась международная обстановка, и поэтому все государственные органы- и исполнительные, и законодательные- укрепляют все направления национальной безопасности.

Библиографический список

1. Актуальные проблемы национальной безопасности России: учеб. пособие/под общ. ред. В.Ф.Ничевича, В.А.Труханова-. Саратов: СВРХБЗ, 2002. – 325 с.
2. Правовые основы обеспечения национальной безопасности: учеб. пособие. В.Д. Самойлов. - М.: МИЭМП, 2008. – 230 с.
3. Стратегия национальной безопасности: Утверждена Указом Президента Российской Федерации 400 от 2 июля 2002 года №400.

THE ROLE OF THE FEDERAL ASSEMBLY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE USE OF FORCES AND MEANS OF NATIONAL SECURITY

Avidzba Ruben Sokratovich

Senior lecturer of the department state and legal disciplines
Russian-Tajik (Slavonic) University
M. Tursunzade 30, 734025, Dushanbe, Republic of Tajikistan
Tel.: (+992) 907-71-84-05, e-mail: avidzba_ruben@yahoo.com

In the article, the mechanism of participation of the Federal Assembly of the Russian Federation in various aspects related to ensuring the national security of Russia is revealed. In accordance with the legislation of the Russian Federation, the Federal Council of the Russian Federation, on the proposal of the President of the Russian Federation and the Government of the Russian Federation, maintains a protective base in the field of regulation of the national security of the Russian Federation, and also, if necessary, takes decisions on the use of the Armed Forces outside the territory of the country. In addition, the Federal Assembly approves decrees of the President of the Russian Federation related to the introduction of military or emergency state in the country itself or in its individual territories.

Keywords: *Federal Assembly; national security Armed Forces of the Russian Federation; martial law; state of emergency; CSTO Parliamentary Assembly.*

**МАВКЕИ МАДЖЛИСИ ФЕДЕРАТИВИИ ФР ДАР САВОЛХОИ ИСТИФОДА
БУРДАНИ КУВВАИ АРТИШИ ВА ТАТБИРХО ДАР ТАЪМИНИ АМНИЯТИ МИЛЛӢ**

Авидзба Рубэн Сократович

муалими калони кафедраи илмҳои давлат ва ҳуқуқ
Донишгоҳи Славянии Россияву Тоҷикистон
кӯч. М. Турсунзода, 30, 734025, Душанбе, Ҷумҳурии Тоҷикистон
тел.: 2278648, E-mail: avidzba_ruben@yahoo.com

Дар мақола механизми иштироки Маҷлиси Федералии Федератсияи Русия дар ҷанбаҳои мухталифи таъмини амнияти миллии Русия нишон дода шудааст. Мутобиқи қонунгузори Федератсияи Русия, Маҷлиси Федералии Федератсияи Русия дар бораи намоёндагии Президенти Федератсияи Русия ва Ҳукумати Федератсияи Русия барои ҷаҳон заминаҳои ҳуқуқӣ дар соҳаи танзими амнияти миллии Русия. Федерация, инчунин дар мавридҳои зарурӣ дар бораи берун аз ҳудуди мамлакат истифода бурдани Қувваҳои Мусаллаҳ қарор қабул мекунад.

Калидвожаҳо Ассамблеяи федералӣ, амнияти миллии Қувваҳои Мусаллаҳи Федератсияи Русия, ҳолати ҳарбӣ, вазъияти ғавқулӯдда, Ассамблеяи парлумони, ТШКА.

УДК 342:364:355-056.26(47+57)

РАЗВИТИЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ И РЕАБИЛИТАЦИИ УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ СТРАН СНГ

Алимов Суробшо Юсуфшоевич¹

Доктор юридических наук, профессор
кафедры государственно-правовых дисциплин
Российско-Таджикский (Славянский) университет,
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
e-mail: s-alimov@yandex.ru

В статье рассматривается механизм реализации социально-правовой защиты участников боевых действий и инвалидов. Система государственного регулирования социально-правовой поддержки и защиты участников боевых действий представляет собой разветвленную совокупность нормативных правовых актов различной юридической силы и регламентирующих разнообразные вопросы правоприменительной практики в сфере социального обеспечения защиты данной категории граждан. Основу выявления правозащитных проблемных ситуаций составляет мониторинг состояния практики реализации действующих нормативных правовых актов, направленных на законодательное регулирование прав и свобод ветеранов и участников боевых действий. В результате проведенного конституционно-правового анализа государственного регулирования прав ветеранов боевых действий автор обосновывает общую концепцию совершенствования в государствах Содружества законодательства по вопросам социально-правовой защиты и реабилитации участников боевых действий.

Ключевые слова: *Страны Содружества, органы государственной власти, права и свободы, ветераны, участники боевых действий, концепция, юридические гарантии, законодательное регулирование, социально-правовая защита.*



Объективным условием эффективности государственной политики в социальной сфере является наличие соответствующей нормативной базы. В частности, в настоящее время в Российской Федерации правовой статус лиц, постра-

давших при исполнении воинского (служебного) долга, регулирует 2829 законодательных актов – из них 1113 (это около 40%) непосредственно связаны с решением социальных вопросов инвалидов – военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов и спецслужб. В правовой оборот введены понятия «социальная и правовая защита», «правовой статус», «реабилитация ветеранов и инвалидов военных действий».

Ежегодно в государствах Содружества при формировании бюджетов на эти цели выделяются соответствующие финансовые средства. Это позволяет в целом позитивно характеризовать современный уровень развития законодательной базы стран СНГ в данной сфере.

В странах СНГ можно говорить о мощном представительстве ветеранов боевых действий в законодательных органах власти, особенно это характерно для России, Республики Беларусь, Украины. В этих странах ключевые комитеты и комиссии по ветеранским делам занимают ветераны военной службы, ветераны боевых действий, в частности, ветераны афганской войны.

Даже в рамках межгосударственных связей и международных организаций имеются контакты в сфере социальных вопросов ветеранов.

Действующие законодательства государств Содружества о гарантиях социальной защиты участников боевых действий, ветеранов в технико-

юридическом аспекте представляют собой систему нормативно-правовых актов, имеющих различную юридическую силу. В настоящее время они характеризуются значительными пробелами. В частности, в них отсутствуют юридически закрепленные экономические и социальные гарантии, конкретные правовые механизмы обеспечения и защиты многих прав участников боевых действий. Наиболее сложные проблемы связаны с экономическим обеспечением прав данной категории граждан.

Современный американский политолог Р.Даль обоснованно подчеркивает: «Если мы верим в добросовестность или справедливость, то справедливость нашего политического строя при общей несправедливости экономического строя оказалась досадным недоразумением».¹

Важную роль в процессе осуществления государственного регулирования социально-правовой поддержки и защиты участников боевых действий играют механизмы и институты, деятельность которых закреплена в международном и внутригосударственном праве.

Законодательства стран Содружества, регулирующие социальную защиту ветеранов, участников боевых действий, включают в себя базовые государственные законы, другие законы и нормативные правовые акты.

Важное значение имеют межгосударственные акты в рамках СНГ. Так, страны-члены Содружества Независимых Государств приняли ряд

документов, которые способствуют осуществлению на их территории личных имущественных прав граждан всех государств – членов СНГ. Например, Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г., Декларация о международных обязательствах в области прав человека и основных свобод от 24 сентября 1993 г., Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 г. и другие.

Концепция экономического интеграционного развития Содружества Независимых Государств, принятая в 1997 году, закрепляет правовую норму: социальная защита граждан государств – участников СНГ должна базироваться на общих принципах предоставления социальных гарантий малообеспеченным слоям населения, лицам, нуждающимся в социальной поддержке, в том числе пострадавшим от воздействия радиации.

Развивающиеся в последние годы интеграционные процессы в двусторонних связях России и Белоруссии предопределили дополнительное закрепление гарантий прав граждан этих государств. В частности, подписанный Договор между этими странами провозглашает, что они в своей законодательной деятельности выравнивают условия пенсионного обеспечения, уровни пособий и льгот ветеранам войны и труда, инвалидам и малообеспеченным семьям.

Особое место в системе правового регулирования прав ветеранов участников боевых

действий в рамках СНГ занимает Соглашение о социальных и правовых гарантиях военнослужащих, лиц, уволенных с военной службы и членов их семей от 1992 года. Принятие данного нормативного правового акта было основано на необходимости осуществления согласованных мер для обеспечения социальной и правовой защиты военнослужащих, лиц, уволенных с военной службы, инвалидов военной службы и членов их семей.

Правовая основа гарантирования этих мер зафиксирована в ряде нормативных установлений. В частности, за военнослужащими, лицами, уволенными с военной службы, проживающими на территории государств – участников Содружества, а также за членами их семей сохраняется уровень прав и льгот, установленных ранее законами и другими нормативными правовыми актами бывшего СССР.

Государства – участники Содружества вправе принимать меры по усилению социальной защиты населения, в том числе ветеранов.

В пакет нормативно-правовых актов по гарантиям прав ветеранов участников боевых действий также входит Соглашение об организации медицинского обеспечения военнослужащих и членов их семей, рабочих и служащих Вооруженных Сил государств – участников Содружества, Объединенных Вооруженных Сил Содружества Независимых Государств и Соглашение об обеспечении жильем помещениями военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы и членов их семей в государствах

¹ Даль Р. Введение в экономическую демократию. М., 1991. С.67.

– участниках Содружества Независимых Государств (Москва, 28 марта 1997 г.)

Нормы международного права, гарантирующие права лиц, уволенных с военной службы, с точки зрения их юридической силы, можно подразделить на три группы:

Первая группа – конституционные нормы.

Контроль за соблюдением конституционных положений и защита прав граждан входят в компетенцию Конституционных Судов стран Содружества, Комиссий по правам человека, уполномоченных по правам человека, а также органов судов и прокуратур стран Содружества.

В пункте 2 статьи 7 Конституции Российской Федерации закреплены основные направления социальной политики российского государства. Одно из направлений определено как установление «... иных гарантий социальной защиты». По своей природе гарантии являются чаще всего юридическими гарантиями, хотя могут быть они организационными, и экономическими, и политическими¹.

Вторая группа – правовые нормы, содержащиеся в законах и других нормативно-правовых актах государственных органов власти, местных органов самоуправления государств СНГ.

В странах Содружества в соответствии с Конституциями созданы законодательные основы гарантий лиц, уволенных с военной службы. основополагающими законодательными актами в данной сфере являются: Федеральные Законы

Российской Федерации «О статусе военнослужащих» и «О ветеранах», Закон «О статусе участника боевых действий», Закон Республики Таджикистан «О ветеранах», Закон Республики Беларусь «О ветеранах», Закон Республики Украина «О статусе ветеранов войны, гарантиях их социальной защиты».

В странах Содружества реализация прав и социальных гарантий лиц, уволенных с военной службы, возложена на соответствующие органы государственной власти, органы местного самоуправления, суды, правоохранительные органы.

Федеральный Закон Российской Федерации «О статусе военнослужащих», устанавливает, что военнослужащим и гражданам, уволенным с военной службы, ветеранам Великой Отечественной войны и ветеранам службы, а также ветеранам, исполнявшим обязанности военной службы в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах, федеральными конституционными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации устанавливаются дополнительные льготы, гарантии и компенсации.

Особые гарантии реализации прав военнослужащих закреплены в различных государственных программах, посвященных жилищной проблеме переподготовке социальной адаптации данной категории граждан.

Третья группа – акты применения норм права, к которым

относятся нормативно-правовые акты, издаваемые ведомствами, индивидуальные (ненормативные) правовые акты, судебные решения и др.

Можно сделать вывод, что система государственного регулирования социально-правовой поддержки и защиты участников боевых действий представляет собой разветвленную совокупность нормативных правовых актов различной юридической силы и регламентирующих разнообразные вопросы правоприменительной практики в сфере социального обеспечения защиты данной категории граждан.

В Российской Федерации в соответствии с Конституцией созданы законодательные основы гарантий лицам, уволенным с военной службы, основополагающими актами в данной сфере являются Федеральные Законы «О статусе военнослужащих» и «О ветеранах». В них предусмотрены права, льготы, гарантии и компенсации в различных сферах жизнедеятельности лиц уволенных с военной службы. Реализация прав и социальных гарантий лиц, уволенных с военной службы, возложена на соответствующие органы государственной власти, органы местного самоуправления, федеральные суды, правоохранительные органы.

Закон Российской Федерации «О статусе военнослужащих» устанавливает, что военнослужащим и гражданам, уволенным с военной службы, ветеранам Великой Отечественной войны и ветеранам боевых действий на территории других государств, ветеранам военной

¹ Воеводин Л.Г. Юридические гарантии конституционных прав и свобод личности в социалистическом обществе. М., 1987. С. 57-58.

службы, а также ветеранам, исполнившим обязанности военной службы в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации устанавливаются дополнительные льготы, гарантии и компенсации.

Механизм реализации социально-правовой защиты участников боевых действий и инвалидов включает следующие элементы:

- определение правовых средств, которые необходимо использовать в процессе защиты прав и свобод;
- информирование участников боевых действий и инвалидов об их правах, заключенных в действующих законодательствах стран Содружества;
- установление органа, от действий которого в рамках закона зависит реализация прав указанной категории лиц;
- выделение круга вопросов, связанных с точным установлением правовых оснований принадлежности участнику боевых действий и инвалидов соответствующего права, его объема, конкретного содержания и пределов использования;
- применение правовых средств защиты от нарушения прав участников боевых действий, инвалидов;
- совершение действий, связанных с реализацией программ медико-социальной, профессиональной, психологической реабилитации в соответствии с законодательством.

В целях реализации данной модели необходимо осуществление комплекса мер, связанных с вопросами эффективного функционирования системы юридических гарантий участникам боевых действий:

- увеличение финансово-экономического обеспечения участников боевых действий;
- в сфере совершенствования законодательства;
- оптимизация структуры, функций и системы взаимодействия органов, реализующих государственную политику в области социальной защиты участников боевых действий;
- научное и информационно-аналитическое обеспечение правовой теории и практики в данной сфере.

В целях совершенствования системы социально-правовой защиты участников боевых действий в СНГ необходима выработка на уровне государственной политики общей концепции совершенствования законодательства.

В этой связи, обоснованным представляется разработка проектов законодательных и иных нормативных правовых актов в области социальной защиты участников боевых действий.

Анализ существующей правовой практики стран Содружества свидетельствует, что повышение юридической силы нормативных актов о социальной защите участников боевых действий и существенное ограничение ведомственного нормотворчества имеют важное значение для реализации и защиты их прав.

Обеспечение правовых гарантий реализации прав участников боевых действий в странах Содружества требует комплексных усилий со стороны всех органов государственной власти, а также усиления мер контроля за реализацией принятых законов и выделением достаточных материальных ресурсов для их осуществления.

Необходимо определять круг органов и должностных лиц, на которые возлагается обязанность создавать условия для реализации прав и свобод, принимать меры к их безусловному обеспечению, а также предусматривать ответственность должностных лиц, за ущемление прав граждан и за несвоевременное принятие мер к их защите¹.

В последние годы основу для выявления правозащитных проблемных ситуаций составляет постоянный мониторинг состояния практики реализации комплекса законодательных норм, направленных на конституционно-правовое регулирование прав и свобод ветеранов и участников боевых действий².

Важным условием совершенствования системы социально-правовой защиты и реабилитации участников боевых действий является высокая организация работ по совершенствованию законодательства в сфере социального обеспечения и реабилитации. Она призвана обеспечить:

- объединение усилий участников указанных работ;

¹Мурзин В. А. Правовой статус инвалидов военной службы. М., 2001. С. 110 -112.

² Лайков В.П. Правовые основы государственной защиты граждан Российской Федерации - участников

боевых действий: Дис. ...канд. юрид. наук. М.: РАГС, 2001. С. 165 - 167.

- анализ имеющейся информации; выявление актуальных вопросов и проблем, требующих решения;

- подготовку необходимых обоснований и предложений;

- интеграцию и использование данных практики и науки.

В общую концепцию совершенствования в государствах СНГ законодательства по вопросам социально-правовой защиты и реабилитации участников боевых действий целесообразно включить следующие компоненты:

- повышение юридической силы нормативных актов законодательства о механизмах социально-правовой защиты и реабилитации участников боевых действий, существенное

ограничение ведомственного нормотворчества, закрепление экономических, социальных, организационных и правовых гарантий, законных интересов указанной категории граждан;

- обоснование системной модели и уровней нормативного регулирования в связи с государственной и правовой реформой, совершенствованием общего военного и социального законодательства;

- приведение системы социально-правовой защиты участников боевых действий в соответствие с требованиями международного и конституционного законодательства;

- разработку конкретных проектов законодательных и иных нормативных правовых актов, отражающих социаль-

ные нормы жизни и правовые гарантии реализации прав участников боевых действий;

- обеспечение плановых начал в совершенствовании законодательства о юридических основах системы социально-правовой защиты и реабилитации участников боевых действий;

- закрепление прав и гарантий участников боевых действий в комплексных актах общего законодательства.

Таким образом, реализация предлагаемой концепции совершенствования законодательства о социальной защите и реабилитации участников боевых действий получит свое логическое завершение в систематизации нормативного материала.

Библиографический список

1. Воеводин А.Г. Юридические гарантии конституционных прав и свобод личности в социалистическом обществе. - М., 1987. – 154 с.
2. Даль Р. Введение в экономическую демократию. - М., 1991. – 203 с.
3. Лайков В.П. Правовые основы государственной защиты граждан Российской Федерации - участников боевых действий: дис. ...канд. юрид. наук. - М.: РАГС, 2001. – 180 с.
4. Мурзин В. А. Правовой статус инвалидов военной службы.-М.,2001.-154 с.

DEVELOPMENT OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL REGULATION OF SOCIAL AND LEGAL PROTECTION AND REHABILITATION OF PARTICIPANTS OF COMBAT ACTIONS OF THE CIS COUNTRIES

Alimov Surobsho Yusufshoevich

Doctor of Juridical Sciences.

professor of the department of state and legal disciplines

Russian-Tajik (Slavonic) University

M. Tursunzade 30, 734025, Dushanbe, Republic of Tajikistan

e-mail: s-alimov@yandex.ru

The article deals with the mechanism for the implementation of social and legal protection of combatants and disabled people. The system of state regulation of social and legal support and protection of combatants is an extensive set of normative legal acts of various legal forces and regulating various issues of law enforcement practice in the field of social security for the protection of this category of citizens. The basis for identifying human rights problematic situations is monitoring the state of the practice of implementing existing regulatory legal acts aimed at legislative regulation of the rights and freedoms of veterans and combatants. As a result of the constitutional and legal analysis of the state regulation of the rights of combat veterans, the author substantiates the general concept of improving legislation in the Commonwealth states on issues of social and legal protection and rehabilitation of combatants.

Keywords: *Commonwealth countries; public authorities; rights and freedoms; veterans; combatants; concept; legal guarantees; legislative regulation; social and legal protection.*

**РУШДИ ТАНЗИМИ КОНСТИТУТСИОНӢ-ҲУҚУҚИИҲИФЗИ ИҶТИМОИЮ ҲУҚУҚӢ ВА
ОФИЯТБАХШИИ ИШТИРОКЧИӢНИ АМАЛИЁТҲОИ ҶАНГӢ ДАР ДАВЛАТҲОИ ИДМ**

Алимов Суробшо Юсуфшоевич

Доктори илмҳои ҳуқуқ, профессори
кафедраи фанҳои ҳуқуқи давлатӣ

Донишгоҳи Славянии Россия ва Тоҷикистон

кӯч. Турсунзода 30, 734025, Душанбе, Ҷумҳурии Тоҷикистон

тел.: 2278648, e-mail: s-alimov@yandex.ru

Дар мақолаи мазкур механизми татбиқи ҳифзи иҷтимоӣ ва ҳуқуқи иштирокчиёни амалиётҳои ҷангӣ ва маъҷубон баррасӣ мешавад. Системаи танзими давлатии дастгирии иҷтимоӣ-ҳуқуқӣ ва ҳифзи иштирокчиёни амалиётҳои ҷангӣ ҳамчун санадҳои меъёрии ҳуқуқи дорои қувваҳои гуногуни ҳуқуқӣ дошта, масъалаҳои гуногуни амалияи татбиқи ҳуқуқро дар соҳаи таъмини иҷтимоӣ ҷиҳати ҳифзи ин тоифаи шаҳрвандон танзим менамояд. Асоси муайян кардани ҳолатҳои мушкили ҳуқуқи инсон мониторинги ҳолати амалияи татбиқи санадҳои меъёрии ҳуқуқи амалкунанда мебошад, ки ба танзими қонунгузорӣ, ҳуқуқи озодиҳои собиқадорон ва иштирокчиёни амалиётҳои ҷангӣ нигаронида шудаанд. Дар натиҷаи таҳлили конституционӣ-ҳуқуқи танзими давлатии ҳуқуқи собиқадорони амалиётҳои ҷангӣ, муаллиф концепсияи умумии тақмили қонунгузори давлатҳои Иттиҳоди оид ба ҳифзи иҷтимоӣ-ҳуқуқӣ ва офиятбахшии иштирокчиёни ҷанг асоснок кардааст.

Калидвожаҳо: *Давлатҳои Иттиҳод, мақомотҳои давлатӣ, ҳуқуқ ва озодиҳо, собиқадорон, иштирокчиёни амалиётҳои ҷангӣ, концепсия, кафолатҳои ҳуқуқӣ, танзими қонунгузорӣ, ҳифзи иҷтимоӣ ва ҳуқуқӣ.*

УДК 354.5 (577.4)

КОНСТИТУЦИОННАЯ ЮСТИЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН: ИСТОКИ И РАЗВИТИЕ

Эльназаров Давлатшо Ходжаевич

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой
государственно-правовых дисциплин
Российско-Таджикский (Славянский) университет
Ул. М. Турсунзаде, 30, 734025 Душанбе, Республика Таджикистан
Тел.: (+992) 2278648; (992) 918611915 (м.) sabkar@list.ru

Умедов Кадридин Миходжидинович

старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 2278648; (992) 909131356 (м.) kadridin@mail.ru

Статья посвящена проблемам становления и формирования конституционной юстиции в Республике Таджикистан. Предпринимается попытка проанализировать организацию и деятельность конституционной юстиции в современном Таджикистане как элемента системы органов государственной власти Таджикистана и механизм защиты прав и свобод человека и гражданина, выработать системный подход к их правовому регулированию. Изучение и обобщение законодательства о конституционном суде, а также опыт функционирования Конституционного суда на примере аналогичных органов других государств представляет особый интерес для науки таджикского конституционного права в сфере совершенствования института конституционной юстиции.

Ключевые слова: конституционная юстиция, органы государственной власти, разделение властей, органы конституционной юстиции.



Эльназаров Д.Х.

Новая фаза развития Республики Таджикистан тесно связана с процессами реформирования современного таджикского общества, и главная задача государства заключается

в проведении системного правового реформирования.

Конституционная юстиция тесно связана с истоками и особенностями формирования конституционализма в нашей республике и способствует организации конституционной юстиции как своеобразного института правоприменительной деятельности, охватывающего специфику национального законодательства и способствующего эффективному обеспечению защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Основа конституционной юстиции в современных условиях подразумевает дальней-

шее совершенствование правоприменительной и правоприменительной



Умедов К.М.

деятельности, тесно связанной с нормами Конституции Республики Таджикистан, способ-

ствующей формированию нового уровня конституционно-правового механизма в области конституционно-правовой защиты и обеспечения прав и свобод человека в обществе.

Некоторые аспекты несовершенства национального законодательства, наличие в нем пробелов и противоречий, неконституционность ряда правовых предписаний, содержащихся в актах разных субъектов, с одной стороны, и конституционная программа построения правового государства, укрепления основ саморегуляции гражданского общества - с другой требуют создания механизма для достаточно быстрого, адекватного реагирования законодателя на изменения в общественной практике, выявления недостатков действующего законодательства. Основным принципом работы этого механизма должна быть объективность. В связи с этим в системе разделения властей соответствующие полномочия предоставляются судебным органам.

Как отмечает Д.Д. Хошимзода, «появление в Таджикистане института конституционного контроля повлекло существенные изменения в развитии конституционного права страны, касающиеся регламентации статуса Конституционного суда Республики Таджикистан, его взаимоотношений с другими органами государственной власти, конституционного судопроизводства и т.д. Далее говоря о сущности конституционного контроля, автор подчеркивает, что, «признавая неконституционной норму закона, Конституционный суд

обеспечивает конституционную законность в стране, а также стабильность и устойчивость национальной правовой системы и этим получает правовую возможность косвенного участия в нормотворческом процессе. Данный орган в определенном смысле отыскивает, творит право, влияет на волю законодателя и правоприменителя»¹.

Один из наиболее спорных вопросов в сфере конституционного контроля в Таджикистане – роль решений органов конституционной юстиции в правовой системе государства. С момента приобретения независимости в Таджикистане был образован Комитет по конституционному надзору, деятельность которого была направлена на ведение контроля и надзора в сфере соответствия действующих законов и подзаконных актов республики и соответствующих субъектов нормам Конституции СССР. Кроме того, названный Комитет был наделен полномочиями ведения надзора за законодательной инициативой. Важный аспект деятельности Комитета по конституционному надзору заключался в том, что в случае смещения президента с должности требуется заключение Комитета.

Положение о несоответствии того или иного акта нормам Основного закона республики или частичном несоответствии не распространялось на акты, которые в порядке собственных полномочий были изданы Съездом народных депутатов республики. Несоответствия актов других органов

(ведомств) нормам конституции страны должны были быть исправлены в трехмесячный срок. В противном случае Комитет по конституционному надзору имел право вынести представление перед Верховным Советом либо Кабинетом министров о несоответствии конкретного акта, либо его отдельных частей.

Отклонение заключения Комитета по конституционному надзору Верховным Советом было возможно путем вынесения данного вопроса на обсуждение Съезда народных депутатов страны. Процедура отклонения заключения Комитета рассматривалась в процессе голосования депутатами 2/3 голосов от общего количества депутатов.

Субъектами инициации обсуждения и проведения процедур по рассмотрению заключения Комитета могли выступить глава государства, органы государственной власти, а также общественные организации общесоюзного значения.

К полномочиям Комитета по конституционному надзору относилось рассмотрение вопросов о соответствии Конституции актов органов государственной власти. Представление к рассмотрению конкретного акта вносилось либо по инициативе Председателя, либо его заместителем, а также членами Комитета.

Комитет по конституционному надзору за небольшой период существования отменил множество важных актов органов государственной власти, тем самым способствуя упорядочению соответствия актов

¹ Хошимзода Д.Д. Конституционная юстиция в – гарантия законности в Таджикистане // Конституционное правосудие – гарант обеспечения верховенства

Конституции: матер. междунар. конф. посвященной 20 - летию образования Конституционного суда Республики Таджикистан. Душанбе, 2015. С.78-83.

органов государственной власти и иных подведомственных им органов нормам Конституции страны.

Пример 1. Заключение Комитета конституционного надзора РТ «О решении Президиума Кабинета Министров Республики Таджикистан от 9 июля 1991 года “О временном приостановлении до 1995 года выкупа квартир в домах, построенных ХОЗУ Управления делами Совета Министров Республики Таджикистан”» (протокол № 19, разд. XX).

Президиум Кабинета Министров РТ утвердил решение 9 июля 1991г. о временном приостановлении выкупа таких квартир и этим решением запретил продавать в собственность граждан квартиры, находящиеся в домах ХОЗУ Управления делами Кабинета Министров РТ (ст.2). Комитет конституционного надзора РТ, рассмотрев по собственной инициативе указанные нормы, констатировал следующее: согласно ст. 11 Конституции РТ, граждане вправе иметь в собственности жилые дома, квартиры и т.п. Статья 11 Закона «О собственности в Республике Таджикистан» предоставляет нанимателям жилого помещения в доме государственного и общественного жилищного фонда и членам их семей право выкупить у собственника соответствующую квартиру или дом. Законом «О разгосударствлении и приватизации собственности в Республике Таджикистан» никакие ограничения в отношении приватизации жилья фактически не устанавливаются. Комитет конституционного надзора, признавая верховенство Конституции и законов Республики Таджики-

стан, исходя из недопустимости ограничения законных прав граждан подзаконными актами, руководствуясь ст. 114 Конституции РТ и ст. 10, 11, 17, 20 Закона «О конституционном надзоре в Республике Таджикистан», пришел к заключению: ст. 2 решения Президиума Кабинета Министров РТ от 9 июля 1991 г. «О временном приостановлении до 1995 года выкупа квартир в домах, построенных ХОЗУ Управления делами Совета Министров Республики Таджикистан» (протокол № 19, разд. XX) не соответствует Конституции и законам Республики Таджикистан. Это несоответствие подлежало устранению в двухмесячный срок, до его устранения действие ст.2 названного решения приостанавливается.

Пример 2. Заключение Комитета конституционного надзора РТ «О решении Президиума Кабинета Министров Республики Таджикистан о решении Совета народных депутатов Матчинского района от 21 декабря 1991 года за № 104 «Об утверждении Положения об общественном порядке, благоустройстве и санитарии в Матчинском районе». Этим Положением Матчинского районного Совета народных депутатов был установлен ряд штрафных санкций за нарушение общественного порядка, благоустройства и санитарии района, создан фонд благоустройства, куда перечислялись суммы штрафов, а также добровольные взносы предприятий, организаций, учреждений и граждан, при этом фонд был освобожден от всех видов налогов в бюджеты республики и области.

Комитет конституционного надзора РТ, исходя из недопустимости ограничения прав граждан подзаконными актами, считая возможным принятие решений государственными органами только в рамках полномочий, закрепленных законодательством, признавая возможность борьбы с правонарушениями лишь на основе принципа законности, руководствуясь ст. 114 Конституции РТ и ст. 10, 17 Закона «О конституционном надзоре в Республике Таджикистан», пришел к заключению: п. 5, 9 и перечень правонарушений и санкций за них Положения об общественном порядке, благоустройстве и санитарии в Матчинском районе, утвержденного решением Совета народных депутатов Матчинского района от 21 декабря 1991 г. № 104, не соответствуют Конституции и законам Республики Таджикистан. До устранения несоответствий действие указанных норм приостанавливается.

Пример 3. Заключение Комитета конституционного надзора РТ о постановлении Верховного Совета РТ от 2 октября 1991 г. «О приостановлении деятельности Коммунистической партии Таджикистана, ее правопреемницы и ее имущества». Этим постановлением Верховный Совет РТ приостановил деятельность Коммунистической партии Таджикистана и ее правопреемницы до выяснения степени ее вины в августовских событиях 1991 г.; прокуратуре РТ и Министерству юстиции РТ совместно с депутатской комиссией было поручено в двухмесячный срок проверить причастность Коммунистической партии Таджикистана к попытке совершения

государственного переворота со стороны ГКЧП; Кабинету Министров РТ предложено обеспечить охрану имущества Коммунистической партии Таджикистана, а также выплату заработной платы и пособий работникам партийных комитетов за счет средств Коммунистической партии Таджикистана. Комитет конституционного надзора РТ, руководствуясь ст. 22 Закона «О конституционном надзоре в Республике Таджикистан», постановил: для устранения пробелов в законодательстве обратиться к Верховному Совету РТ с предложениями реализовать в соответствии с п. 18 ст. 99 Конституции РТ право Верховного Совета РТ на официальное общеобязательное толкование актов Верховного Совета РТ либо внести изменения и дополнения в Закон «Об общественных объединениях в Республике Таджикистан» в целях определения правового режима приостановления деятельности общественных объединений.

Есть множество других примеров, в том числе заключение Комитета конституционного надзора РТ о ст. 2 Указа Президента РТ от 23 августа 1991г. «О прекращении деятельности организационных структур политических партий и массовых общественных движений в правоохранительных органах и в аппарате Президента Республики Таджикистан»¹; заключение Комитета конституционного надзора РТ

о постановлении Верховного Совета РТ от 6 октября 1991 г. № 13 «О порядке голосования на выборах Председателя Верховного Совета Республики Таджикистан»²; заключение Комитета конституционного надзора РТ о ч. 4 ст. 7 Закона РТ от 26 марта 2009 г. № 489 «О свободе совести и религиозных организациях»³ и другие.

По своей природе Комитет конституционного надзора был квазисудебным органом. До его учреждения функции конституционного контроля в Таджикистане возлагались на Верховный Совет, Президиум Верховного Совета, Правительство, прокуратуру и др.

Следует отметить, что Комитет по конституционному надзору состоялся как самостоятельный орган вследствие тех преобразований, которые происходили не только на территории нашей страны, но и в целом на пространстве всего бывшего Советского Союза.

Первый из ныне действующих конституционных судов постсоветских республик был сформирован в 1993г. в Литве. Примерно в это же время в Эстонии появился орган конституционного контроля, однако это не самостоятельный суд, а Палата конституционного контроля Государственного Суда.

В 1994 г. начал работать Конституционный суд Беларуси. В 1995 г. приступили к работе конституционные суды Грузии, Кыргызстана и Мол-

довы, в начале 1996 г. – Таджикистана и Узбекистана.

В феврале 1996 г. был сформирован Конституционный суд Армении, а в Казахстане вместо ранее действовавшего Конституционного суда согласно Конституции 1995 г. создан Конституционный Совет. Конец 1995 г. ознаменовался политическим кризисом в Беларуси, в результате которого была принята на референдуме новая Конституция. Конституция Беларуси, сохраняя орган Конституционного суда, остается действующим органом, однако количество членов данного суда доводится до 12 человек.

В частности, из 12 членов шестеро проходят через назначение Президента страны, а оставшиеся шесть членов выдвигаются верхней палатой парламента Беларуси.

Таким образом, формирование института конституционной юстиции на постсоветском пространстве обладает собственной спецификой, связанной с различными парадигмами и преобразованиями, сложностями того или иного исторического этапа становления и развития. Определенные преобразования происходили в системе национальных законодательств названных государств. Началось реформирование правовых систем постсоветских государств, которое продолжается и на сегодняшний день, но, тем не менее, вектор становления органов кон-

¹ О прекращении деятельности организационных структур политических партий и массовых общественных движений в правоохранительных органах и в аппарате Президента Республики Таджикистан: Указ Президента Республики Таджикистан от 23 августа 1991г. //Ведомости Верховного Совета Республики Таджикистан. 1991. №23. Ст.254.

²О порядке голосования на выборах Председателя Верховного Совета Республики Таджикистан: заключение Комитета конституционного надзора РТ о постановлении Верховного Совета РТ от 6 октября 1991г., №13 // Ведомости Верховного Совета Республики Таджикистан. 1992. №1. Ст.658.

³Там же. С.14.

ституционного контроля постепенно развивался по восходящей линии. Особый толчок в этом направлении дало принятие новых Конституций рядом бывших советских республик, к числу которых относится и Республика Таджикистан. Далее в Таджикистане был принят Конституционный закон «О Конституционном суде Республики Таджикистан» от 27 июля

2014 года №1083¹, который был призван сформировать правовую регламентацию деятельности и особенностей конституционного судопроизводства в стране, т.е. был учрежден Конституционный суд Республики Таджикистан.

Таким образом, руководствуясь данными проведенного научного анализа, полагаем,

что основная функция конституционной юстиции в Таджикистане – конституционный судебный контроль, направленный на обеспечение верховенства норм конституции, недопущение создания нормативных актов, противоречащих конституционным нормам и т.д.

Библиографический список

1. Диноршоев А.М. Основные направления деятельности Конституционного суда в условиях глобализации // Национальная правовая система стран СНГ в условиях глобализации и региональной интеграции: матер. Междунар. конф. -Душанбе, 2017. –С.132-140.
2. Змиевский Д.В. Осуществление конституционного судопроизводства на постсоветском пространстве // Проблемы в российском законодательстве. -2008. -№2. -С.34-40.
3. Мырзалимов Р.М. Органы конституционной юстиции в странах Центральной Азии: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02. -М., 2013. 359с.
4. О порядке голосования на выборах Председателя Верховного Совета Республики Таджикистан // Ведомости Верховного Совета Республики Таджикистан. - 1992. -№1.- Ст.658.
5. О прекращении деятельности организационных структур политических партий и массовых общественных движений в правоохранительных органах и в аппарате Президента Республики Таджикистан // Ведомости Верховного Совета Республики Таджикистан. - 1991. -№23.- Ст.254.
6. Петрова И. В. Конституционный суд - орган конституционного контроля в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. -М., 2004. -294с.
7. Постановление Правительства РТ от 23 апреля 1990г. «Об образовании Комитета конституционного надзора Республики Таджикистан» // Ведомости Верховного Совета Республики Таджикистан. -1990. -№32. -Ст.114.
8. Холиков К.Н. Конституционный суд и конституционное судопроизводство в Таджикистане. -Душанбе, 2014. -325с.
9. Холиков К.Н. Становление и развитие института конституционного надзора в Таджикистане. -Душанбе, 1998.- 270с..
10. Хошимзода Д.Д. Конституционная юстиция - гарантия законности в Таджикистане // Конституционное правосудие - гарант обеспечения верховенства Конституции: матер. междунар. конф., посвященной 20-летию образования Конституционного Суда Республики Таджикистан (Душанбе, 17-18 сентября 2015г.). -Душанбе, 2015. -С.78-83.

CONSTITUTIONAL JUSTICE IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN: ORIGINS AND DEVELOPMENT

Elnazarov Davlatsho Khojaevich

Doctor of Juridical Sciences, associate professor,
head of the department of state and legal disciplines

Russian-Tajik (Slavonic) University

M. Tursunzade 30, 734025, Dushanbe, Republic of Tajikistan

Tel.: (+992) 2278648; (992) 918611915 (m.)

E-mail: sabkar@list.ru

Umedov Kadriddin Mikhodjedinovich

¹ Закон Республики Таджикистан «О Конституционном суде Республики Таджикистан» от 27.07.2014г., -

№1083 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2014. -№7(ч.1). –Ст.379.

Senior lecturer of the department of state and legal disciplines
Russian-Tajik (Slavonic) University
M. Tursunzade 30, 734025, Dushanbe. Republic of Tajikistan
Tel.: (+992) 2278648; (+992) 909131356
E-mail: kadridin1979@mail.ru

The article is devoted to the problems of formation and development of constitutional justice in the Republic of Tajikistan. An attempt is made to analyze the organization and activities of constitutional justice in modern Tajikistan as an element of the system of public authorities in Tajikistan and a mechanism for protecting the rights and freedoms of man and citizen, to develop a systematic approach to their legal regulation. The study and generalization of the legislation on the constitutional court, as well as the experience of the functioning of the Constitutional Court on the example of similar bodies of other states is of particular interest for the science of Tajik constitutional law in the field of improving the institution of constitutional justice.

Key words: *constitutional justice; public authorities; separation of powers; bodies of constitutional justice.*

**ТАШАККУЛИ АДЛИЯИ КОНСТИТУТСИОНИ ДАР ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН:
ГУЗАШТА ВА ХОЗИРА**

Эльназаров Давлатшо Хочаевич

номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент, мудири кафедраи фанҳои давлатӣ-ҳуқуқии факултаи
ҳуқуқшиносии Донишгоҳи Славянии Россия ва Тоҷикистон
Кӯчаи М.Турсунзода, 30, 734025 Душанбе, Ҷумҳурии Тоҷикистон
Тел.: (+992) 2278648; (992) 918611915 (м.) sabkar@list.ru

Умедов Қадриддин Минходҷидинович

муаллими калони кафедраи фанҳои давлатӣ - ҳуқуқӣ
Донишгоҳи Славянии Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, х. 30
Тел.: (+992) 2278648; (+992) 909131356, e-mail: kadridin1979@mail.ru

Мақолаи илмии пешниҳодуда ба мубримияти ташаккул ва рушди адлияи конституцсионӣ дар Тоҷикистон бахшида шудааст. Муаллиф кӯшиш мекунад, ки ташкилшавии фаъолияти адлияи конституцсиониро дар Тоҷикистон ҳозира таҳқиқ намуда онро ҳамчун унсури системаи мақомоти ҳокимияти давлати ва механизми химояи ҳуқуқ ва озодихои инсон ва шаҳрванд тавсиф дода мавқеи онро дар танзими ҳуқуқи муайян намудааст. Омӯхтан ва коркарди қонунгузори роҷе ба фаъолияти Суди конституцсионӣ дар мисоли мақомоти ҳаммонанди дигар кишварҳо боиси тавачҷӯх буда дар пойдоршавии ва тақмили адлияи конституцсионӣ ва ҳуқуқи конституцсионӣ Тоҷикистон мусоидат хоҳанд кард.

Калидвожаҳо: *адлияи конституцсионӣ, мақомоти ҳокимияти давлати, бастбандии қудрати давлати, мақомоти адлияи конституцсионӣ.*

**ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ УЧАСТНИКОВ
ПРАВООТНОШЕНИЯ ИЗ ДОГОВОРА СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА**

Аминова Фарида Махмадаминовна¹

кандидат юридических наук., доцент
кафедры гражданского права,
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30.
Тел. +992 2276740, e-mail: farida.aminova.2016@mail.ru

Тагаева Санавбар Назиркуловна

доктор юридических наук., профессор
кафедры гражданского права
Татарский институт содействия бизнесу
420012 Республика Татарстан, Россия, г. Казань, ул. Мупшари, 13
s.tagaeva@mail.ru

В статье рассмотрены вопросы, связанные с определением состава субъектов договора суррогатного материнства. Определена авторская позиция касательно отнесения субъектов применения вспомогательных репродуктивных технологий к первичным и вторичным. Проведён анализ доктринальных положений в области определения субъектного состава договора о суррогатном материнстве для выработки предложений по совершенствованию законодательства РТ в сфере договорного регулирования суррогатного материнства. Делается вывод о необходимости установления законодательного запрета на возможность женщины, являющейся генетической матерью ребёнка, выступать в качестве суррогатной матери, а также запрета на участие в программах суррогатного материнства отдельных категорий лиц.

Ключевые слова: искусственное оплодотворение, ребёнок, эмбрион, яйцеклетка, вспомогательные репродуктивные технологии, суррогатная мать, заказчики, родители, плата, аренда, правоотношения, происхождение, договор.



Аминова Ф.М.

Как отношение законодателей различных стран, так и доктринальное отношение к использованию суррогатного материнства не представляется однозначным. Более того, мне-

ния относительно суррогатного материнства кардинально разнятся.

Наряду с ростом спроса на использование такой разновидности ВРТ, как суррогатное материнство, возникает неотложная необходимость в законодательном регламентировании отношений, складывающихся между участниками договора, а также в разработке международно-правовых документов способствующих приведению к единообразию данной сферы.



Тагаева С.Н.

Бесплодие может стать причиной жизненного кризиса из-за появления широкого спектра социально-культурных, эмоциональных и иных

проблем¹. Во втором десятилетии нового тысячелетия бесплодие остается весьма распространенным глобально проблемным состоянием. На самом деле, это одно из самых важных условий в репродуктивной системе². Во многих религиях и конфессиях большое внимание уделяется рождаемости и деторождению. Таким образом, бесплодие определяется как неспособность пары получить доступ к беременности после 12 месяцев регулярного, незащищенного общения³. Хотя нет надежных оценок глобальной распространенности бесплодия. Исследования показали, что распространенность женского бесплодия варьируется от 10% до 20%⁴. Например, в Иране 24,9% иранских пар столкнулись с первичным бесплодием на отдельной стадии семейной жизни⁵. Кроме того, бесплодие, первичное или вторичное, встречается почти у 15% женщин во всем мире. Женское бесплодие встречается примерно в 37% всех бесплодных пар. Оно варьировалось от 0,6% до 3,4% для первичного бесплодия и от 8,7% до 32,6% для вторичного бесплодия⁶. Бесплодие является преобладающей проблемой в репродуктивном возрасте и определяется как неспособ-

ность забеременеть после одного года регулярного незащищенного полового акта без какой-либо известной репродуктивной патологии⁷. Бесплодие также определяется как неспособность забеременеть после попытки в течение по крайней мере 6 месяцев или одного года, для женщин старше 35 лет, без применения противозачаточных таблеток и при нормальном сексуальном контакте⁸.

Фактическая распространенность бесплодия неясна. Это потому, что большинство пар могут успешно забеременеть только после 12 месяцев регулярного, непрерывного незащищенного полового акта. Однако сообщалось, что около четверти всех пар могут быть затронуты бесплодием в развивающихся странах.

В некоторых развивающихся странах, например в Нигерии, бесплодие является ведущей причиной гинекологических консультаций⁹.

Следовательно, бесплодие, или неспособность зачать, кажется универсальной или глобальной проблемой.

Репродуктивная медицина порождает сложные проблемы, когда она позволяет суррогатным матерям получать оплодотворение *in vitro* с помощью ооцитов или желаемой

матери или даже третьей женщины¹⁰.

В обществе формируются различные взгляды на возможность реализации репродуктивных прав. Определенная часть общества относится отрицательно к возможности использования вспомогательных репродуктивных технологий в общем и суррогатного материнства в частности. Другая часть общества признает возможность всех людей реализовать право на репродукцию. Желание иметь ребенка становится доминирующим моментом в споре, как возможность реализации репродуктивной автономии. Понятие «репродуктивной автономии» активно используется в западной научной литературе¹¹. В отечественной литературе этот термин пока не получил широкого распространения.

Репродуктивная автономия выступает как право субъекта самостоятельно решать вопрос реализации прав на деторождение.

Репродуктивная автономия означает самоопределение индивидуума на воспроизводство. В свою очередь, под репродуктивными правами понимаются индивидуальные права, которые учитывают социальные обстоятельства, значение и

¹ Greil A.L., Slauson-Blevins K., McQuillan J. The Experience of Infertility: a Review of Recent Literature // *Sociol Health Illn.* (2010) 32(1). P. 140.

² Moghadam A.D., Delpisheh A., Khosravi A. Epidemiology of Female Infertility; A Review of Literature. *Bio-science Biotechnology Res Asia.* 2013. 10(2). P. 559.

³ Moghadam A. D., Sayehmiri K., Delpisheh A. The Global Trend of Infertility: an Original Review and Meta-Analysis // *International Journal of Epidemiology.* 2014. №1(1). P. 38.

⁴ Там же

⁵ Hasanpoor–Azghdy S.B., Simbar M., Vedadhir A. The Social Consequences of Infertility Among Iranian Women: a Qualitative Study // *International Journal Fertilization Sterilization.* 2015, 8(4), Pp. 409-420.

⁶ Там же

⁷ Rutstein S.O., Iqbal Shah H. Infecundity, Infertility and Childlessness in Developing Countries DHS Comparative Reports, Calverton, Maryland, USA: ORC Macro and the World Health Organization, (2004), N 9. P-56.

⁸ Ombelet W., Cooke, I. Dyer S., Serour G., and Devroey P. Infertility and the Provision of Infertility Medical Services in Developing Countries // *Human Reproduction Update.* 2008. № 14(6). P.98.

⁹ Okonofua F.E. The Case Against New Reproductive Technologies in Developing Countries. *British Journal of Obstetrics and Gynecology.* 1996. P.103.

¹⁰ Mankowski P. *Rechtskultur.* Tübingen: Mohr Siebeck. 2016. P.67.

¹¹ Detloff N. *Reproduktive Autonomie// Autonomie im Recht - Geschlechtertheoretisch Vermessen.* Hrsg. Baer S. und Sacksosky U. Baden-Baden: Nomos. 2018. S.229.

последствия репродуктивного поведения¹.

Посредством закона автономия человека в отношении его собственного тела, сексуальности и репродуктивности защищена от вмешательства со стороны государства и освобождена от вмешательства со стороны государства, а также от возможности косвенного воздействия со стороны других лиц².

В связи с этим, представляет интерес мнение Ф. Ваплер, отмечающей, что реализация репродуктивной автономии зависит от внутренних и внешних условий. Внешние условия для самостоятельного принятия решения не могут рассматриваться в отрыве от внешних условий, при которых должно быть принято такое решение³. Внутренние и внешние условия автономных решений определяются культурными традициями и поэтому являются изменчивыми⁴.

Улучшению внешних условий для принятия тех или иных решений в международной сфере способствуют следующие документы:

- Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 года;

- Конвенция о правах инвалидов 2006 года.

Права человека создают внешние условия для принятия свободных и ответственных решений в отношении своего

тела, сексуальности и сексуальных аспектов, которые служат охране репродуктивного здоровья. Права человека на репродуктивное здоровье обеспечивают полный и недискриминационный доступ к конкретным товарам и услугам, связанным с воспроизводством. Это включает адекватный уход во время беременности, родов и грудного вскармливания, а также доступ к средствам передачи и безопасным, законным абортam.

Актуализация вопроса репродуктивной автономии в Европе обусловлена существующим запретом на использование суррогатного материнства и использование донорства яйцеклеток. То, что мужское бесплодие можно преодолеть путем донорства сперматозоидов, а женское бесплодие путем донорства яйцеклетки, существующий запрет является фактическим неоправданным неравенством полов⁵. Как часть репродуктивной автономии выступает принятие женщиной решения о возможности сделать яйцеклетку доступной для другой женщины и выносить генетически чужого ребенка.

Репродуктивная автономия также распространяется на право женщины рожать чужих детей в качестве суррогатной матери.

Законодательство в сфере здравоохранения должно быть направлено на создание условий для суррогатных матерей,

направленных на нормальное течение беременности и родов, а также противодействие возможным конфликтам интересов. В частности, суррогатная мать не должна быть генетической матерью ребенка, которого она вынашивает, а также должен быть создан механизм судебного контроля или осуществляться обязательное юридическое и психологическое консультирование.

В связи с суррогатным материнством Н.Детлофф отмечает, что основополагающим принципом здесь является ответственность за развитие ребенка. Она отмечает, что «воля к родительству регулярно связана с этим, но в то же время, независимо от этой воли, она устанавливает ответственность, от которой заинтересованное лицо не может отказаться... и наоборот, важно отсутствие этой воли к родительству: ни донор сперматозоидов, ни донор яйцеклеток в принципе не должны быть законными родителями»⁶.

В свою очередь, право ребенка на знание своего происхождения может быть обеспечено другим способом, а именно путем создания соответствующего реестра доноров.

В юридической литературе отмечается: «...использование договоров на применение вспомогательных репродуктивных технологий влечет за собой ряд вопросов правового порядка»⁷.

¹ Wapler F. Reproductive Autonomie: rechtliche und rechtsethische Überlegungen / Autonomie im Recht - Geschlechtertheoretisch Vermessen. Hrsg. Baer S. und Sacksofsky U. Baden-Baden: Nomos, 2018. S. 185.

² Greil A.L., Slauson-Blevins K., McQuillan J. The Experience of Infertility: a Review of Recent Literature // *Sociol Health Illn.* 2010. № 32(1). P. 140.

³ Wapler F. Указ. раб. S. 185.

⁴ Flügge S. Leihmutterchaft ist kein Menschenrecht // *Autonomie im Recht - Geschlechtertheoretisch Vermessen.* Hrsg. Baer S. und Sacksofsky U. Baden-Baden: Nomos, 2018. S.242.

⁵ Detloff N. Familienrecht: ein Studienbuch. München: Verlag C.H. Beck oHG, 2015. S. 305.

⁶ Detloff N. Reproductive Autonomie // *Autonomie im Recht - Geschlechtertheoretisch Vermessen.* Hrsg. Baer S. und Sacksofsky U. Baden-Baden: Nomos, 2018. S.234.

⁷ Тараева С.Н., Амнинова Ф.М. Проблемы применения правопорядка к осложненным иностранным элементам отношениям, возникающим из вспомогательных репродуктивных технологий // *Вестник Пермского университета. Юридические науки.* 2016. С. 198.

В некоторых странах помимо гестационного суррогатного материнства (суррогатное материнство без использования генетических клеток суррогатной матери, суррогатная мать в данном случае является генетически чужой по отношению к ребёнку) применяют так называемый «традиционный» вид, при котором в отношении женщины имеющей целью отдать в дальнейшем ребёнка, производится искусственное осеменение. Суррогатная мать - биологическая мать рожденного ребенка. К примеру, в Нигерии применяется как гестационное, так и традиционное суррогатное материнство¹.

Несмотря на отсутствие в Таджикистане законодательного запрета на использование суррогатного материнства, данное понятие не раскрывается (в отличие от законодательств других стран постсоветского пространства).

Закон Кыргызской Республики «О репродуктивных правах граждан и гарантиях их реализации» от 4 июля 2015 года № 148 в статье первой дает определение договору суррогатного материнства в качестве соглашения между лицами, которые хотят стать родителями, и женщиной, которой дано согласие на применение метода искусственного оплодотворения или имплантации будущего ребёнка с его вынашиванием.

Итак, субъектный состав договора суррогатного материнства связан с его разновидностью.

В доктрине встречаются разные определения договора суррогатного материнства. Ю.В. Павлова, к примеру, отмечает, что договором суррогатного материнства следует считать соглашение между лицами, обладающими правом использования данного метода ВРТ - с одной стороны и суррогатной матерью - с другой². Если рассматривать все виды суррогатного материнства, существующие на сегодняшний день в мире, то следует отметить отсутствие полноты данного определения. Таким образом, на наш взгляд, приведённое определение соответствует только классическому виду суррогатного материнства.

Упомянув субъектный состав договора суррогатного материнства, следует исходить из того, что суррогатное материнство выступает разновидностью одного из методов вспомогательных репродуктивных технологий. Субъекты применения вспомогательных репродуктивных технологий, в свою очередь, подразделяются на основных (медицинская организация; одинокая женщина, либо супруги (заказчики), и дополнительных (суррогатная мать, донор).

В п. 1 ст. 3 Конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. говорится: «Все действия в отношении детей, незави-

симо от того, кем они осуществляются, государственными или частными организациями, занятыми в сфере социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание должно быть направлено на обеспечение интересов ребенка».³

Весьма важным является соответствующее правовое оформление отношений, возникающих между пациентом, донором, медицинской организацией, а также суррогатной матерью.

Зачастую медицинские учреждения, оказывающие услуги в данной сфере, ограничиваются простым письменным согласием на медицинское вмешательство с договором на медицинское обслуживание.

Родители-заказчики на этапе заключения договора суррогатного материнства имеют право на ознакомление с документацией, отражающей состояние здоровья суррогатной матери; на возмещение понесенных расходов в случае невыполнения суррогатной матерью условий договора.

В обязанность суррогатной матери вменяется систематическое прохождение медицинского обследования в соответствующие сроки, соблюдение предписаний врача, предоставление всесторонней информации о состоянии своего здоровья лечащему врачу и родителям - заказчиком.

Договор, который заключён в письменном виде, должен

¹ Umeora O. J, Umeora M.C, et all "Surrogacy in Nigeria: Legal, Ethical, Socio Cultural, Psychological and Religious Musings // African Journal Medical Health Science (2014),13 (2), P.108.

² Павлова Ю.В. Особенности правового обеспечения услуг в сфере оказания медицинской помощи по лечению бесплодия с применением вспомогательных репродуктивных технологий. Юридическое и деонтологическое обеспечение прав российских граждан на охрану здоровья: Материалы Всероссийской научно-

практической конференции с международным участием. Суздаль, 2008. URL: СПС «Гарант» (дата обращения: 10.02.2020).

³ См. п. 2 ст. 25 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г., п. 1 ст. 24 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г., резолюцию 44/25 Генеральной ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 г. и т.д.

устанавливать правила о распределении между сторонами расходов и обязанностей в случае расторжения договора по соглашению сторон либо в одностороннем порядке. Необходимо изменить позицию по отношению к суррогатной матери относительно предоставления ей приоритета в решении вопроса о родительских правах лиц, ожидающих ребенка.

В компетенцию юриста медицинской организации, принимающего участие в программе суррогатного материнства, должно, на наш взгляд, входить всестороннее курирование договорных отношений.

Они должны быть направлены на соблюдение прав и законных интересов ребёнка, который ещё не родился. Не следует забывать о том, что услуги в данной сфере носят сложный, комплексный характер, т.к. вышеупомянутый договор (договор о суррогатном материнстве) охватывает одновременно:

- права ребенка, рожденного в результате применения ВРТ;
- права супругов;
- права суррогатной матери;
- права донора.

Кодекс «Здравоохранения» Республики Таджикистан в статье 52, затрагивает вопросы, касающиеся обязанностей лиц в сфере обеспечения охраны здоровья детей, предусматривает, что родители обязаны соблюдать здоровый и правильный образ жизни, способствующий рождению полноценного ребенка, а после

рождения ребенка выполнять медицинские предписания.

Субъектный состав применения ВРТ на сегодняшний день складывается из первичных и вторичных. К первичным относятся такие субъекты, как медицинская организация, одинокая женщина (супруги-заказчики). К вторичным (дополнительным) относятся на сегодняшний день суррогатная мать и донор.

При вступлении в отношения такого субъекта, как суррогатная мать, презумция материнства лишается смысла. Думается, что в качестве родителей должны быть признаны заказчики, поскольку использовано поддежал именно их генетический материал. Что касается ребёнка, он, на наш взгляд, является именно субъектом, а не объектом договора суррогатного материнства.

При обращении к вспомогательным репродуктивным технологиям актуализируется вопрос о возможности использования донорского материала.

Допустимость использования донорского материала поставлена в зависимость от неспособности женщины забеременеть спермой мужа. Кроме того, муж женщины, для беременности которой планируется использование донорской спермы, должен сначала заявить, что он признает будущего ребенка своим во всех отношениях, включая все обязанности по содержанию и наследованию. Ребенок приобретает такое же правовое положение, как и биологический ребенок мужа¹.

Несмотря на то, что донорский биологический материал мужчины использовался анонимно, существует вероятность обременения донора установлением кровнородственной связи между ним и ребенком, рожденным в результате использования вспомогательных репродуктивных технологий.

При применении вспомогательных репродуктивных технологий в отношении супругов (искусственного оплодотворения) родившийся ребёнок получит все положенные ему в соответствии с действующим законодательством права, однако при использовании генетических клеток человека, который не состоит в зарегистрированном браке с женщиной, в отношении которой производится манипуляции, не может следовать приобретение таких прав.

Некоторые авторы говорят о необходимости закрепления положения о том, что между донором и ребенком, рожденным в результате применения ВРТ, не возникает никаких отношений. Данные изменения они предлагают внести в Семейный кодекс Таджикистана².

Думается, что данное изменение не способно в полной мере исправить ситуацию, так как участие в отношениях воспроизводства донора негативно сказывается на дальнейшем приобретении ребенком некоторых прав, а также влечёт за собой трудности по осуществлению действий, способствующих интересам ребенка.

Очень часто лица пытаются скрыть от общественно-

¹ Ganz A. Israel // Ausländisches Familienrecht. Eine Auswahl von Länderdarstellungen von Jürgen Rick. München: Verlaag C.H. Beck oHG, 2019.URL:<https://beckonline.beck.de> (дата обращения: 15.01.2020).

² Бабаджанов, И.Х. Жизнь и смерть человека в аксиологическом и проприетарном измерении (теоретико-правовой анализ). Душанбе: Эр-граф, 2012.С.257.

сти искусственное оплодотворение, осуществленное при помощи вспомогательных репродуктивных технологий. Обычно это свойственно представителям тех категорий лиц, которые скованы этическими либо религиозными отрицательными предрассудками по отношению к искусственному оплодотворению. В целях скрытия применения указанного метода лица едут за границу.

Использование в процессе репродукции дополнительного субъекта - суррогатной матери вызывает споры ученых всего мира. Некоторые ученые считают использование метода суррогатного материнства совершенно неприемлемым, противоречащим нормам этики, морали и религии. Другие же ученые, напротив, считают подобный метод зачатия, вынашивания и рождения вполне приемлемым.

Огромное количество доктринальных споров вызывает вопрос о возможности рассмотрения зародыша в качестве субъекта договора об использовании ВРТ. Исходя из законодательных положений, действующих на территории РФ, можно сделать вывод, что зародыш считается составной частью организма его матери. С одной стороны, эмбрион представляет собой составную часть организма матери, а с другой – является человеком на раннем этапе своего развития. Итак, можно заключить, что в первом случае эмбрион представляет собой объект права, являясь частью организма матери, приравненный к органам и тканям человека, как вещь, по поводу которой могут возникнуть

правоотношения имущественного характера, а во втором эмбрион приравнен к человеку, он выступает субъектом права, полноправным участником правоотношений.

Следует отметить, что как первая, так и вторая точка зрения не являются идеальными. На сегодняшний день статус человеческого эмбриона остается неопределенным, хотя закрепление права на жизнь человеческого эмбриона предусмотрено еще до момента рождения. Попытки определения правового статуса неродившегося ребёнка не является новшеством современной науки. Ещё в римском праве встречалось такое понятие, как «наситурус». Термин «наситурус» на сегодняшний день активно используется в российской науке¹. К.А. Чернега отмечает: «... характерно, что в некоторых странах, в том числе в России, нормы гражданского законодательства, регулирующие правовой статус наситуруса, императивны, и, таким образом, исключается возможность решения вопроса об охране прав наситуруса в зависимости от соответствия такой охраны интересам последнего»². В то же время, в зарубежном законодательстве, продолжает автор (приводя в пример Нидерланды), предусмотрен другого рода подход к проблеме охраны прав человеческого эмбриона путём признания еще не родившегося ребенка появившимся на свет, если эта презумпция соответствует его интересам.

Думается, что на сегодняшний день назрела объективная необходимость в при-

знании наситуруса своеобразным псевдосубъектом гражданского права в целях охраны его прав.

По нашему мнению, отдельные лица не должны иметь доступа к участию в программах ВРТ. К таковым должны быть отнесены: 1) признанные судом недееспособными или ограниченно дееспособными; 2) супруги, один из которых признан судом недееспособным или ограниченно дееспособным; 3) лишённые или ранее ограниченные судом в родительских правах; 4) отстранённые от обязанностей опекуна (попечителя) за ненадлежащее выполнение возложенных законом обязанностей; 5) бывшие усыновители, если усыновление отменено судом по их вине; 6) не имеющие возможности осуществлять родительские права по состоянию здоровья; 7) не имеющие дохода, обеспечивающего ребёнку прожиточный минимум, на территории которого проживают родители-заказчики; 8) лица без постоянного места жительства либо помещения для жилья, удовлетворяющего установленным санитарным, а также техническим требованиям; 9) имеющие на момент усыновления судимость за умышленное преступление против жизни или здоровья граждан; 10) геи пары, лесбийские пары, трансгендеры, сменившие пол.

На наш взгляд, при помощи данного подхода станет возможной защита прав детей, рожденных в результате заключения договора о суррогатном материнстве.

¹ Weller H. Traditional Versus Gestational Surrogacy. URL: <https://digitalcommons.law.umaryland.edu/jhclp> accessed 8 August, 2017. (дата обращения: 15.01.2020).

² Чернега К.А. Некоторые правовые аспекты искусственного прерывания беременности (аборта) // Гражданин и право, № 9/10, 2002.С.78.

Библиографический список

1. Бабаджанов, И.Х. Жизнь и смерть человека в аксиологическом и проприетарном измерении (теоретико-правовой анализ). – Душанбе: Эр-граф, 2012.- 592 с.
2. Павлова Ю.В. Особенности правового обеспечения услуг в сфере оказания медицинской помощи по лечению бесплодия с применением вспомогательных репродуктивных технологий // Юридическое и деонтологическое обеспечение прав российских граждан на охрану здоровья: матер. Всероссийской науч.-практ. конф. с международным участием.- Суздаль, 2008. URL: СПС «Гарант» (Дата обращения: 10.02.2020).
3. Тагаева С.Н., Аминова Ф.М. Проблемы применения правопорядка к осложненным иностранным элементом отношениям, возникающим из вспомогательных репродуктивных технологий // Вестник Пермского университета. 2017. – №36. – С.192 - 202.
4. Чернега К.А. Некоторые правовые аспекты искусственного прерывания беременности (аборта) // Гражданин и право - 2002. – №9/10.- С.78-86.
5. Detloff N. Familienrecht: ein Studienbuch. München: Verlag C.H. Beck oHG, 2015. – 570 s.
6. Detloff N. Reproduktive Autonomie // Autonomie im Recht - Geschlechtertheoretisch Vermessen. Hrsg. Baer S. und Sacksofsky U. Baden-Baden: Nomos, 2018. – S. 229-239.
7. Flügge S. Leihmutterchaft ist kein Menschenrecht // Autonomie im Recht - Geschlechtertheoretisch Vermessen. Hrsg. Baer S. und Sacksofsky U. Baden-Baden: Nomos, 2018. S. 239-249.
8. Ganz A. Israel // Ausländisches Familienrecht. Eine Auswahl von Länderdarstellungen von Jürgen Rick. München: Verlaag C.H. Beck oHG, 2019. URL: https://beckonline.beck.de/?vpath=bibdata%2Fkomm%2FRieckKoAuslFamR_18%2Fcont%2FRieckKoAuslFamR%2EIsrael%2Eglud7%2Egl4%2Ehtm (дата обращения: 15.01.2020).
9. Greil A.L., Slauson-Blevins K., McQuillan J. The Experience of Infertility: a Review of Recent Literature // Sociol Health Illn. 2010. №32 (1). P.140-158.
10. Hasanpoor–Azghdy S.B., Simbar M., Vedadhir A. The Social Consequences of Infertility Among Iranian Women: a Qualitative Study // International Journal Fertilization Sterilization.- 2015. - № 8(4). P.409-420.
11. Mankowski P. Rechtskultur. Tübingen: Mohr Siebeck. - 2016. - 211p.
12. Moghadam A.D, Delpisheh A, Khosravi A. Epidemiology of Female Infertility; A Review of Literature. Bio-science Biotechnology Res Asia. - 2013.- №10 (2).
13. Okonofua F.E. The Case Against New Reproductive Technologies in Developing Countries. British Journal of Obstetrics and Gynecology. 1996. P. 102-110.
14. Ombelet W., Cooke, I. Dyer S., Serour G., and Devroey P. Infertility and the Provision of Infertility Medical Services in Developing Countries // Human Reproduction Update. -2008.- № 14 (6). – P. 94-101.
15. Rutstein S.O., Iqbal Shah H. Infecundity, Infertility and Childlessness in Developing Countries DHS Comparative Reports , Calverton, Maryland, USA: ORC Marco and the World Health Organization, 2004. - N 9. P. 50-58.
16. Umeora O. J, Umeora M.C, et all “Surrogacy in Nigeria: Legal, Ethical, Socio Cultural, Psychological and Religious Musings // African Journal Medical Health Science 2014, №13 (2). - P.105-109.
17. Wapler F. Reproduktive Autonomie: rechtliche und rechtsethische Überlegungen / Autonomie im Recht - Geschlechtertheoretisch Vermessen. Hrsg. Baer S. und Sacksofsky U. Baden-Baden: Nomos, 2018. - 323p.
18. Weller H. Traditional Versus Gestational Surrogacy. URL: <https://digitalcommons.law.umaryland/jhclp> accessed 8 August, 2017. (дата обращения: 15.01.2020).

**PROBLEMATIC ASPECTS OF DETERMINING PARTICIPANTS OF THE LEGAL
RELATIONSHIP FROM THE SURROGATE MOTHERHOOD CONTRACT**

Aminova Farida Makhmadaminovna

Candidate of juridical sciences,
associate professor of the department of civil law
Russian-Tajik (Slavonic) University
M. Tursunzade 30, 734025, Dushanbe, Republic of Tajikistan
Tel.: (+ 992) 2276740, e-mail: farida.aminova.2016@mail.ru

Tagaeva Sanavbar Nazirkulovna

Doctor of Juridical Sciences,
professor of the department of civil law
Tatar Institute for Business Assistance
420012 Republic of Tatarstan, Russia, Kazan, st. Mushtari, 13
s.tagaeva@mail.ru

The article deals with issues related to the definition of the composition of the subjects of the contract of surrogate motherhood. The author's position regarding the assignment of subjects of the use of assisted reproductive technologies to primary and secondary is determined. An analysis of the doctrinal provisions in the field of determining the subject composition of the contract on surrogate motherhood was carried out in order to develop proposals for improving the legislation of the Republic of Tajikistan in the field of contractual regulation of surrogate motherhood. It is concluded that it is necessary to establish a legislative ban on the possibility of a woman who is the genetic mother of a child to act as a surrogate mother, as well as a ban on participation in surrogate motherhood programs for certain categories of persons.

Key words: *artificial insemination; child; embryo; egg cell; assisted reproductive technologies; surrogate mother; customers; parents; payment; rent; legal relationship; origin; contract.*

**ЧАНБАҲОИ ПРОБЛЕМАВИИ МУАЙЯН КАРДАНИ ИШТИРОКЧИЁНИ МУНОСИБАТҲОИ ҲУҚУҚИИ
ШАРТНОМАИ МОДАРИИ МАСНУӢ**

Аминова Фарида Махмадаминовна

номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, муаллими калони
кафедраи ҳуқуқи граждани
Донишгоҳи славянии Русияву Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, шаҳри Душанбе, кӯчаи М.Турсунзода, 30
Тел. +992 2276740, e-mail: farida.aminova.2016@mail.ru

Тагаева Санавбар Назиркуловна

доктори илмҳои ҳуқуқ, профессори кафедраи ҳуқуқи шаҳрвандӣ
Институти ёрии тичоратии Тотористон
420012 Ҷумҳурии Тотористон, Русия, Қазон, ул. Муштарӣ, 13
s.tagaeva@mail.ru

Дар мақола масъалаҳои марбут ба муайян кардани таркиби субъектҳои шартномаи модарии маснӯӣ баррасӣ шудаанд. Муаллиф субъектҳои истифодабарандаи технологияҳои ёрирасони репродуктивиро ба яқумдараҷа ва дуввумдараҷа ҷудо намудааст. Барои коркарди пешниҳодҳо оид ба мукамалгардонии қонунгузори Ҷумҳурии Тоҷикистон дар самти танзими шартномавии модарии маснӯӣ таҳлили муқаррароти доктринавӣ оиди муайян кардани таркиби субъектҳои шартномаи модарии маснӯӣ анҷом гирифтааст. Муаллиф зарур мешуморад, ки дар сатҳи қонунгузорӣ имкони ба сифати модари маснӯӣ (модари ҷойгузин) баромад намудани модари генетикии қӯдак ва инчунин иштироки категорияҳои алоҳидаи ашхос дар барномаҳои модарии маснӯӣ манъ карда шавад.

Калидвожаҳо: *бордоркунии маснӯӣ, қӯдак, ҷанин, тухмдон, технологияҳои ёрирасони репродуктивӣ, модари маснӯӣ, фармоишгарон, волидон, пардохт, иҷора, муносибатҳои ҳуқуқӣ, пайдоиш, шартнома.*

ОТКАЗ ОТ ВЫПОЛНЕНИЯ РОДИТЕЛЬСКИХ ОБЯЗАННОСТЕЙ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ЛИШЕНИЯ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ

Имомова Нилуфар Махмайсифовна¹

Доктор юридических наук, доцент,

Заведующая кафедрой международного права и сравнительного правоведения, Российско-Таджикский (Словянский) университет

734025, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде 30.

Тел.: (+992)904200400, e-mail: nilufar-2010@mail.ru

В данной статье рассматриваются особенности отказа от выполнения родительских обязанностей как основание для лишения родительских прав в Таджикистане. Обращается внимание на массив законодательных актов по лишению родительских прав, принятых в условиях государственной независимости. Отмечается, что при наличии тяжелых условий жизни государство предоставляет родителям возможность поместить ребенка в специализированные интернаты временно, причем посещать его регулярно, не теряя связь с ним. Отказ от ребенка не освобождает родителя от обязанностей по содержанию ребенка

Ключевые слова: *ребёнок, родители, выполнения родительских обязанностей, система законодательства, правовые средства, подзаконные акты.*



учреждения, учреждения социальной защиты населения или других аналогичных учреждений.

Семейное законодательство Республики Таджикистан впервые предусмотрело такое основание для лишения родительских прав².

Отказ от ребенка может проявляться: во-первых, когда родители обладают этим правом по закону, во-вторых, когда родители еще не приобрели это право в установленном законом порядке.

Родители могут отказаться от ребенка, материнство и отцовство в отношении которого установлено органами загса или судебными органами. В данном случае родитель отказывается от исполнения обязанности, которая возложена на него законом, моралью и религиозными нормами.

Следует отметить, что Закон РТ «Об охране здоровья» 1997 г. не относит к отказу от

ребенка помещение родителями детей с дефектами физического и психического развития в специализированные детские дошкольные учреждения, школы-интернаты, дома ребенка и дома-интернаты для детей за государственный счет (С.34). Эти действия родителей реализуются в связи с тем, что закон предоставил им право на медицинскую помощь и на социальное обеспечение. Эти учреждения содержатся за счет республиканского бюджета. Но, как справедливо отмечают М.А. Махмудов и Б.Т. Худоёров, в случае постоянного посещения детей и заботы о детях, несмотря на то, что дети находятся в государственных специализированных учреждениях для детей с дефектами физического и психического развития, родителей нельзя лишить родительских прав, так как отсутствует их вина.³ В связи с этим напрашивается вопрос, а в каких случаях можно

Лишение родительских прав в Республике Таджикистан является самой строгой мерой ответственности для родителей за ненадлежащее воспитание детей.

Одним из оснований лишения родительских прав является отказ родителя забрать ребенка без уважительных причин из родильного дома (отделения) либо из иного лечебного или воспитательного

©Имомова Н.М., 2021

² Махмудов М., Худоёров Б. Комментарий к Семейному кодексу Республики Таджикистан. Душанбе: Эр-граф, 2011. С.168.

³ Махмудов М., Худоёров Б. Комментарий к Семейному кодексу Республики Таджикистан. Душанбе: Эр-граф, 2011. С. 168.

лишить родительских прав лиц, которые не заботятся о своих детях? По нашему мнению, закон не совсем четко определяет, какое действие в отношении детей, находящихся в вышеуказанных учреждениях, является основанием для лишения родительских прав. Сформулированное в Семейном кодексе действие «отказываются взять» не совсем ясно. Подразумевается, что отказ от проблемных детей с дефектами физического и психического развития осуществляется письменно. Предоставление такого права на отказ от ребенка несправедливо. По нашему мнению, несмотря на наличие государственного обеспечения таких детей, родители обязаны выплачивать алименты на их содержание. Эта обязанность вытекает из факта родства с ребенком, причем она не должна зависеть от наличия у него определенного заболевания.

Кроме того, законом не решен вопрос о лишении родительских прав при оставлении ребенка без заботы и внимания на определенное время. Данный вопрос обязательно должен быть решен, поскольку позволяет недобросовестным родителям ненадлежаще относиться к родительским обязанностям и злоупотреблять предоставленным правом на воспитание детей. Родственные отношения не строятся лишь на правах и обязанностях, дети нуждаются в любви, заботе, психологической поддержке, которую не всегда могут дать в специальных учреждениях. Кроме того, например, Закон «Об ответственности родителей за воспитание и обучение

детей» обязывает родителей быть в курсе о состоянии своих детей, обучающихся и воспитывающихся в школах-интернатах и других специализированных учреждениях, независимо от организационно-правовой формы, сотрудничать с ними и контролировать процесс их обучения, что свидетельствует о необходимости посещения ими своих детей. Родители, зачастую годами не посещая своих детей, формально считаются их законными представителями. По нашему мнению, такое положение вещей несправедливо. Нарушение прав ребенка на общение с матерью или отцом должно повлечь лишение всех прав, основанных на родстве с ними.

В связи с этим считаем необходимым установление срока, отсутствие в течение которого лишает родителя прав на ребенка. Данный срок целесообразно приравнять к шести месяцам.

Особенность лишения родительских прав при отказе взять из родильного дома (отделения) своего ребенка без уважительных причин заключается в том, что лицо лишается родительского права до того, как оно получило его официально, и до совершения семейного правонарушения. Ведь наличие кровнородственной связи недостаточно для привлечения к ответственности родителя. Происхождение ребенка должно быть удостоверено соответствующими государственными органами. Как мы ранее указывали, возможность привлечения родителя к

ответственности напрямую зависит от обладания определенными правами и обязанностями по отношению к ребенку.

Как отмечает А.А. Демичев, если одинокая мать оставляет своего новорожденного ребенка в родильном доме, не выразив при этом намерения устроить его в другую семью либо детское учреждение на государственное попечение и это обусловлено серьезными объективными причинами, ее поведение следует расценивать как неправомерное и дающее основания для лишения родительских прав¹. В связи с этим следует поддержать М.А. Махмудова и Б.Т. Худоёрова, которые предложили при отказе родителей от ребенка после его рождения возложить на них выплату единовременных алиментов².

Семейное законодательство в качестве основного признака лишения родительских прав в случае отказа от ребенка, находящегося в родильном доме (отделении), в лечебном и воспитательном учреждении, учреждении социальной защиты населения или других аналогичных учреждениях, называет наличие уважительной причины. В законе перечень уважительных причин не определен. Признание причины отказа от ребенка уважительной осуществляется судом. М.Ю. Ильичева указывает, что суд может признать уважительными такие причины для отказа, как тяжелая болезнь, инвалидность, отсутствие всякого жилья³. Л.М. Пчелинцева, в свою очередь, к уважительным

¹ Семейное право: учебник / под ред. А.А. Демичева. М.: ИД «Форум»: ИНФА-М, 2013. С.136.

² Махмудов М., Худоёров Б. Комментарий к Семейному кодексу Республики Таджикистан. Душанбе: Эр-граф, 2011. С. 168.

³ Ильичева М.Ю. Семейные споры. Ростов-на-Дону, 2012. С.281.

причинам относит: тяжелое материальное положение родителей (например, одинокой матери), отсутствие жилья, средств для содержания и лечения ребенка, болезнь родителя и т.п.¹ К сожалению, категория «уважительные причины» относится к оценочной, и каждый раз суд критично подходит к каждой конкретной ситуации.

Следует признать справедливым замечание П.Н. Мардахаевой, отмечавшей, что само по себе наличие тяжелых бытовых условий априори не может быть уважительной причиной, без надлежащего исполнения всех обстоятельств². При наличии тяжелых условий жизни государство предоставляет родителям возможность поместить ребенка в специализированные интернаты временно, причем посещать его регулярно, не теряя связь с ним. Отказ от ребенка не освобождает родителя от обязанности на содержание ребенка (ч.2 ст.71 СК РФ). К сожалению, это право ребенка очень часто нарушается. Отказываясь от детей, родители перекладывают свою обязанность на государство и забывают о существовавшем в их жизни ребенке.

Указание на необходимость уважительной причины для отказа от ребенка «продиктовано не стремлением законодателя и правоприменителя заставить родителей во что бы то ни стало взять ребенка домой, а напротив, максимально защитить интересы ребенка»³. Ведь,

как известно, в младенческий период развития ребенок всецело зависит от родителей, особенно от матери, в которой обязанность по заботе о ребенке заложена самой природой в процессе эволюции. Отказ от ребенка представляет собой отклоняющееся от нормального поведение.

Следует иметь в виду, что, если ребенка оставила мать, имеющая документы, удостоверяющие ее личность, орган опеки и попечительства должен контролировать осуществление родительницей обязанностей по отношению к ребенку. В случае долгого ее отсутствия (более 6 месяцев) предпринять меры по уведомлению о возможности применения к ней санкций, выражающихся в лишении всех прав, основанных на родстве с ребенком в будущем. Конечно же, речь идет об отсутствии связи с ребенком, которая выражается в отсутствии телефонных переговоров, переписки, личного контакта с ним, в силу чего ребенок чувствует себя брошенным, уязвимым. Исходя из интересов ребенка, с целью возможности предоставления ему возможности на получение семейного уюта и воспитания целесообразно лишить такого родителя прав на воспитание ребенка. От активности осуществления органами опеки и попечительства своих профессиональных функций зависят дальнейшая возможность устройства ребенка в семью и

реализация его права на семейное воспитание.

Зачастую женщины, отказывающиеся от ребенка, не представляют документы, удостоверяющие личность. В данном случае работники медицинского учреждения должны оформить акт об оставлении ребенка с указанием со слов матери ее данных, но с пометкой «документально не подтверждены». Нет необходимости оформления отказа от ребенка, поскольку отсутствует возможность установления ее личности. Безусловно, отсутствие документов исключает возможность записи ее в качестве родителя в свидетельстве о рождении, поэтому нет необходимости лишения ее родительских прав, поскольку она ими не обладает. На самом деле передача ребенка в семью (на иные формы устройства, помимо усыновления) возможна в любой момент после того, как ребенок признан оставшимся без попечения родителей (вот это, пожалуй, и стоит называть его статусом) вне зависимости от того, лишены или нет его родители родительских прав⁴. Ребенок, оставшийся в родильном доме или отделении с пустой графой о родителях в свидетельстве о рождении, имеет право быть усыновленным в любое время.

Библиографический список:

1. Жаров, А.А. Лишение родительских прав в отношении детей, оставшихся без попечения родителей // Вопросы ювенальной юстиции. - М.: Юрист, 2010. - № 4 (30). - С. 9-10.
2. Ильичева, М.Ю. Семейные споры. - Ростов-на-Дону: Феникс, 2012. - 319 с.

¹ Пчелинцева Л.М. Комментарий к Семейному кодексу РФ. М.: Комментарии Нормы. 2007, С.349.

² Мардахаева П.Н. Лишение родительских прав как мера семейно-правовой ответственности: дис. ...канд.юрид.наук. М., 2006. С.87-88.

³ Там же.

⁴ Жаров А.А. Лишение родительских прав в отношении детей, оставшихся без попечения родителей // Вопросы ювенальной юстиции. М.: Юрист, 2010. № 4 (30). С. 9.

3. Махмудов, М.А. Комментарий к Семейному кодексу Республики Таджикистан / М.А. Махмудов, Б.Т. Худоёров. – Душанбе: Эр-граф, 2011. – 432 с. (на тадж. яз).
4. Мардахаева, П.Н. Лишение родительских прав как мера семейно-правовой ответственности: дис... канд. юрид. наук: 12.00.03/Мардахаева Полина Николаевна. – М., 2005. – 189 с.
5. Пчелинцева, Л.М. Комментарий к Семейному кодексу РФ. – М.: Комментарии Нормы, 2007. – 703 с.
6. Семейное право: учебник/ под ред. А.А. Демичева. – М.: ИД «Форум»: ИНФА-М, 2013. – 272 с.

REFUSAL TO FULFILL PARENTAL DUTIES AS A BASIS FOR DEPRIVATION OF PARENTAL RIGHTS

Imomova Nilufar Makhmaisufovna

Doctor of Juridical Sciences, associate professor,
head of the department of international and comparative law
Russian-Tajik (Slavonic) University
M. Tursunzade 30, 734025, Dushanbe, Republic of Tajikistan
Ph.: (+992) 904200400, e-mail: nilufar-2010@mail.ru

The article deals with the features of refusal to fulfill parental duties as a basis for deprivation of parental rights in Tajikistan. Attention is paid to the array of legislative acts on the deprivation of parental rights, adopted in the conditions of state independence. It is noted that in the presence of difficult living conditions, the state provides parents with the opportunity to place the child in specialized boarding schools temporarily, and visit him regularly without losing contact with him. Abandonment of a child does not release the parent from the obligation to support the child.

Keywords: child; parents; fulfillment of parental duties; system of legislation; legal means; by-laws.

РАД КАРДАНИ ИЧРОИ ҶҲДАДОРИҶОИ ПАДАРУ МОДАРИ ҲАМЧУН АСОС БАРОИ МАҲРУМ КАРДАН АЗ ҲУҚУҚИ ПАДАРУ МОДАРИ

Имомова Нилуфар Махмаисуфовна

доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ,
мудири кафедраи ҳуқуқи байналмилалӣ ва ҳуқуқи муқоисавӣ
Донишгоҳи Славянии Россия ва Тоҷикистон
734025, Душанбе, к. М. Турсунзода 30.
Тел.: (+992) 900 200 400, e-mail: nilufar-2010@mail.ru

Дар мақола хусусиятҳои рад кардани иҷрои ҷҳдадориҳои падару модарӣ ҳамчун асос барои маҳрум кардан аз ҳуқуқи падару модарӣ дар Тоҷикистон баррасӣ шудааст. Таваҷҷӯҳи хоса ба як қатор санадҳои қонунгузорӣ оид ба маҳрум кардан аз ҳуқуқи падару модарӣ, ки дар шароити истиқлолияти давлатӣ қабул гардидаанд равона карда шуда, ба меъёрҳои мушаххасе, ки муносибатҳои муайяни оилавино танзим менамоянд, истинод карда мешавад. Зимнан зикр мегардад, ки дар сурати мавҷуд будани шароити вазнини зиндагӣ давлат ба волидон имкон медиҳад, ки кӯдакро муваққатан дар интернатҳои махсусгардонидашуда ҷойгир намуда, пайваста бо ӯ тамос бигиранд. Даст кашидан аз кӯдак падару модарро аз ҷҳдадориҳои таъмини кӯдак озод наменаояд.

Калидвожаҳо: кӯдак, волидайн, иҷрои ҷҳдадориҳои волидайн, низоми қонунгузорӣ, воситаҳои ҳуқуқӣ, санадҳои зерқонунӣ.

ПРАВОВАЯ СУЩНОСТЬ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПОРУЧИТЕЛЯ

Одинаева Нилуфар Мухамадиевна

преподаватель кафедры предпринимательского права
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, Ул. М. Турсунзаде, 30
тел.:(+992) 223 04 60 e-mail: nilufar.odinaeva93@gmail.com

В настоящей статье рассматривается правовая сущность ответственности поручителя. Автор высказывает точку зрения, согласно которой ответственность поручителя за долги должника должна возникать при невозможности привлечь к ответственности основного должника. Таким образом, автор ставит под сомнение правильность ст. 392 ГК РТ, в соответствии с которой ответственность поручителя в случае неисполнения либо ненадлежащего исполнения обязательства должником первый и последний отвечают перед кредитором солидарно, если в договоре поручительства не предусмотрена субсидиарная ответственность поручителя. Делается вывод, что на стадии неисполнения либо ненадлежащего исполнения обязательства основным должником к такому исполнению можно привлечь поручителя. Однако в данном случае речь еще не идет о несении ответственности поручителя, поскольку ответственность может наступить только в результате противоправного поведения. В свою очередь наличие противоправности в поведении поручителя может быть установлена только в судебном порядке.

Ключевые слова: поручительство, кредитор, должник, субсидиарная ответственность, солидарность.



Гражданско-правовая доктрина включает в себя множественные исследования в области юридической ответственности. Несмотря на это, В.А. Ойгензихтом был правильно подмечен тот факт, что чем больше исследований, тем

больше спорных вопросов возникает². На сегодняшний день как в российской, так и таджикостанской науке ответственность рассматривается в перспективном [позитивном] и ретроспективном [негативном] смыслах. Позитивная ответственность подразумевает требование к должному выполнению активных правомерных действий в будущем, в то время как негативная ответственность выступает следствием правонарушения. А.В. Золотухин и Т.И. Султонова по данному поводу отмечают, что именно негативную ответственность следует признать сугубо юридической, говоря же о позитивной ответственности, авторы указывают, что она больше приближена к моральным нормам, нежели юридическим³.

Говоря об ответственности поручителя, следует разобрататься, возможно ли вообще использование категории «ответственность» применительно к личности поручителя.

На сегодняшний день в юридической литературе сформированы две основные концепции относительно того, какую функцию выполняет поручитель, вступая в отношения с участием кредитора и должника. В качестве таковых концепций выступают поручительство-ответственность, поручительство-исполнение⁴.

Приверженцем концепции поручительство-ответственность выступает К.Д. Кавелин, который отмечает, что поручитель принимает на себя именно денежную ответствен-

©Одинаева Н.М.

² Ойгензихт В.А. Санкции и ответственность по советскому праву теоретические проблемы // Правоведение. 1982. №6. С.111. Рецензия на книгу О.Э. Лейста

³ Золотухин А.В., Султонова Т.И. Предпринимательское право Республики Таджикистан: учебник. Душанбе: «ЭР-граф», 2018. С.555,556.

⁴ Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики: в 2т. Т.2 / под общ. ред.В. А. Белова.- 2-е изд., стер. М.: Изд.-во «Юрайт», 2017. С.267.

ность при неисполнении обязательства должником¹. Аналогичную позицию в своё время занимал Я.М. Магазинер².

А.М. Ширвиндт и Н.Б. Щербаков, придерживаясь позиции поручительство-исполнение, считают, что «содержанием обязательства поручителя является тот же самый долг, что и у должника, другими словами, поручитель обязан предоставить кредитору то же самое, что и должник»³.

Сегодня, учёные – правоведы, как правило, рассматривают юридическую ответственность в качестве санкции за правонарушение⁴. Однако в данном случае возникает рациональный вопрос о том, можно ли признать поручителя лицом, совершившим правонарушение. Позиции в юридической литературе по данному поводу разнятся. Если исходить из того, что условия наступления юридической ответственности напрямую зависят от неправомерности поведения, наличия вредных последствий, а также причинной связи между неправомерным поведением и наступившими последствиями, то следует задаться вопросом, можно ли признать поведение поручителя противоправным. Так, противоправность в праве, по

мнению В.А. Ойгензихта, следует понимать как поведение, которое противоречит нормам права либо правилу, санкционированному определенной нормой права⁵.

М.К. Сулейменов делит случаи применения субсидиарной ответственности на три группы 1. договорная; деликтная; статутная. В качестве примера договорной субсидиарной ответственности автор называет отношения поручительства, когда одно лицо-поручитель берёт на себя обязательство по исполнению обязательства в полном размере или в части перед кредитором.⁶

В.А. Белов указывает, что поручитель, вступая в договорные отношения, принимает на себя бремя по двум обязательствам. В качестве таковых автор называет регулятивную и охранительную обязанность. К регулятивной обязанности, по мнению В.А. Белова, относится обязанность поручителя сделать всё возможное для достижения цели, т.е. для выполнения обязанностей должника перед кредитором. В случае же недостижения цели поручитель считается правонарушителем, не выполнившим свою регулятивную функцию, в связи с чем на него ложится охранительная

обязанность по несению ответственности за правонарушение⁷. В.А. Белов в данном случае считает вполне оправданным применение к поручителю ретроспективной ответственности.

По всей видимости, Гражданский кодекс Республики Таджикистан также придерживается позиции о применении негативной ответственности в отношении поручителя. В соответствии со статьёй 392 ГК РТ ответственность поручителя в случае неисполнения либо ненадлежащего исполнения обязательства должником первый и последний отвечают перед кредитором солидарно. Исключением выступают случаи, когда в законе либо договоре поручительства предусмотрена субсидиарная ответственность поручителя. Причём поручитель отвечает перед кредитором в том же объеме, как и должник, включая уплату процентов, возмещение судебных издержек по взысканию долга и других убытков кредитора, вызванных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства должником, если иное не предусмотрено договором поручительства⁸.

¹ Кавелин К.Д. Права и обязанности по имуществам и обязательствам // Избранные произведения по гражданскому праву. М., 2003. С.336.

² Магазинер Я.М. Советское хозяйственное право. Л., 1928. С.313.

³ Ширвиндт А. М., Щербаков Н. Б. Опыты цивилистического исследования: сб. ст. М., 2016. С. 87.

⁴ Галагин И.А. Административная ответственность в СССР. Процессуальное регулирование. Воронеж, 1976. С.27-28; Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., 1961. С.9; Самощенко Н.С., Фарукшин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. М., 1971. С.6.

⁵ Цит. по Золотухин А.В., Султонова Т.И. Указ.раб. С.562.

⁶ Сулейменов М.К. Гражданское право Республики Казахстан опыт теоретического исследования. Т.3.

ч.2. Теоретическая. Раздел 2. Гражданское правоотношение. Алматы. С. 201.

⁷ Белов В.А. Гражданское право в 2т. Том II. Особенная часть учебник для академического бакалавриата. М.: Изд.-во Юрайт, 2019. С.361.

⁸ Гражданский кодекс Республики Таджикистан от 30 июня 1999 г., № 802. Ч. 1 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 1999 г., №6, ст. 153; ст. 154; 2001 г., №7, ст. 508; 2002 г., №4, ч. 1, ст. 170; 2005 г., №3, ст. 125; 2006 г., №4, ст. 193; 2007 г., №5, ст. 356; 2010 г., №3, ст. 156; №12, ч. 1, ст. 802; 2012 г., №7, ст. 700; №12, ч. 1, ст. 1021; 2013 г., №7, ст. 504; 2015 г., №3, ст. 200; Законы РТ от 23.07.2016 г., №1334; от 02.01.2019 г., № 1557; от 02.01.2020 г., №1656; от 02.01.2020 г., №1657.

На Западе относительно природы ответственности поручителя было сформировано два разносторонних научных взгляда. Если быть точнее, можно сказать, что были представлены две интерпретации – одна в традиции частного права, другая в традиции публичного права. Данные концепции помогают нам понять природу ответственности поручителя по долгу, который ему не принадлежит. В традиции частного права дуалистическая концепция обязательств была разработана немецкими учеными и получила определенную степень признания во французском праве. Согласно дуалистической концепции, обязательство имеет два аспекта: долг¹ (Schuld) и ответственность за долг (Haftung)². В случае, когда долг погашается добровольно в целях удовлетворения требований кредитора, ответственность не возникает. Таким образом, в данном случае ответственность по долгу не применяется. Под ответственностью по долгу подразумевается, что лицо несет ответственность в случае неисполнения. Затем в отношении этого лица или объекта могут быть применены меры правовой защиты или санкции. Например, ответственному лицу может быть предъявлено требование выполнить обязательство натурой или возместить убытки, представляющие ценность исполнения. При необходимости, на его имущество будет наложен арест для удовлетворения требований кредитора. В современном праве санкция в большинстве

случаев моделируется на основе самого долга; он предназначен для удовлетворения требований кредитора, но не более того. Таким образом, не всегда легко идентифицировать долг и ответственность как два различных аспекта обязательства.

Впервые разработанная Бринцем в качестве теоретической конструкции дуалистическая концепция была применена к старогерманскому и римскому праву и была обнаружена историками права как полезная основа для анализа ряда ситуаций, в которых, по-видимому, существовали отдельные процессы для возникновения долга и ответственности. Дуалистическая концепция также использовалась для объяснения современных институтов, в частности естественного обязательства (т.е. долга без ответственности) и поручительства (т.е. ответственности за чужой долг). Как отмечали многие авторы, поручитель не является должником, а несет ответственность – или несет ответственность – в случае невыполнения должником обеспеченного обязательства.

В традиции общего права проводится аналогичное различие между первичными и вторичными обязательствами. Вторичное обязательство (например, обязательство возместить убытки) возникает при нарушении основного обязательства (например, условий договора). Поручительство обычно понимается как наложение вторичного обязательства на поручителя по выплате убытков, когда должник нару-

шает свое основное обязательство, являющееся обеспеченным основным обязательством. Поручитель не является стороной основного обязательства; однако, должник не выполняет свои обязательства, поручитель становится ответственным в силу вторичного обязательства возместить убытки. Это различие между первичными и вторичными обязательствами отличается от дуалистической концепции, хотя, возможно, они не так далеки друг от друга, как может показаться на первый взгляд. Действительно, сторонники дуалистической концепции не рассматривают ответственность за невыплату долга как «обязательство». Само первичное обязательство состоит из двух аспектов, которые при определенных обстоятельствах могут разделяться. Несомненно, обе концепции отражают взгляд на альтернативные интерпретации поручительства. Достаточно отметить, что оба признают и выражают основную идею о том, что поручитель не является стороной основного обязательства, которое оно взяло на себя обеспечить.

Поручительство на сегодняшний день, как указано в юридической литературе, является способом обеспечения, при котором исполнить обязательство привлекается лицо, не получающее никакой пользы от основного обязательства³. Таким образом, В.В. Кулаков считает, что отдельно обеспечительное обязательство установление обеспечения не порождает. В данном случае, по его мнению, происходит

¹ Michelle Cumyn Responsibility for another's debt: suretyship, solidarity, and imperfect delegation // McGill Law Journal Revue de droit de McGill. Université Laval. 2010. P.227.

² Там же

³ Кулаков В.В. О некоторых актуальных вопросах применения поручительства в практике судов общей юрисдикции // Российская академия правосудия. М., 2013. - №11. - С.11.

усложнение обязательства, которое обеспечивается с целью увеличения вероятности его исполнения. При поручительстве количество обязанных лиц возрастает¹. При этом В.В. Кулаков утверждает, что у поручителя материальный интерес отсутствует. Следует заметить, что подобное утверждение не всегда [но, тем не менее, в преобладающем большинстве случаев] соответствует действительности, поскольку иногда поручитель за свои действия получает денежное вознаграждение. Тем не менее, это не превращает данный договор в возмездный.

В целом, обязательство поручителя заключается в удовлетворении требования кредитора в случае неисполнения должником своего обязательства. В отношении дефолтного должника доступны различные средства правовой защиты. Поручительство также может быть предметом этих средств правовой защиты в пределах предусмотренных соглашением о поручительстве или разрешенных законом. Например, поручитель предположительно может нести ответственность за конкретное исполнение, убытки или уплату штрафа в случае дефолта должника. Однако на практике ответственность поручителя почти всегда принимает форму возмещения убытков, в то время как поручитель также вправе исполнить обязательство должника натурой, где это возможно. Например, если финансовое учреждение гарантирует своевременное и правильное выполнение договора

подряда, оно может принять решение о найме нового подрядчика для компенсации дефолта должника натурой, но это не обязательно. Фактическая ответственность поручителя в таком случае заключается в возмещении кредитору убытков.

Как известно, поручитель может ограничить свою ответственность определенной суммой или таким образом, чтобы кредитор имел право удовлетворить свое требование только в отношении определенного объекта имущества поручителя. В последнем случае кредитору рекомендуется получить *ипотеку под залог* такого имущества (например, реальное поручительство). Ч.4 ст.392 ГК РФ предусматривает несение перед кредитором ответственности в размере, указанном в договоре поручительства, если в качестве поручителя выступают лица, осуществляющие поручительство в рамках профессиональной предпринимательской деятельности [если иное не оговорено договором]. Такими лицами являются банки, иные кредитные учреждения, страховщики и т.д.

Как правило, термины «субсидиарность» и «солидарность» применяются при описании множественности на стороне либо кредитора, либо должника в едином обязательстве. Под солидарностью в данном случае подразумевается наличие прав [обязанностей] в полном объеме у каждой из сторон множественности в обязательстве. Под субсидиарно-

стью, в свою очередь, подразумевается второстепенный характер обязанности второго должника в полном объеме. Р.С. Бевзенко по этому поводу отмечает следующее: «...По всей видимости, именно использование законодателем этих терминов и привело некоторых юристов к мысли о том, что поручитель является солидарным либо субсидиарным содолжником в обеспеченном требовании»².

Обязательство может быть солидарным, только если в нем участвует более двух сторон. Если обязательство имеет двух или более кредиторов, оно предполагает активную солидарность; там, где у него два или более должника, это предполагает пассивную солидарность. Здесь речь идет только о пассивной солидарности. Обязательство, обеспеченное поручительством, также является обязательством, в котором ответственность за его неисполнение несут два или более лица: должник по обязательству и поручитель. Предположим наличие одного должника и одного поручителя.

Поручительство и солидарность имеют много общего. Их историческое развитие позволило им сблизиться: они часто выполняют схожие функции, а правила и средства правовой защиты время от времени переносятся с одного на другое. Действительно, законы солидарности и поручительства предполагают соблюдение баланса между конфликтующими интересами кредитора, с одной стороны (для которого

¹ Там же

² Бевзенко Р.С. Правовые позиции Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по вопросам поручительства и банковской гарантии: Комментарий к Постановлениям Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12 июля 2012 г. N 42 "О некоторых вопросах разрешения

споров, связанных с поручительством" и от 23 марта 2012 г. N 14 "Об отдельных вопросах практики разрешения споров, связанных с оспариванием банковских гарантий." М.: "Статут", 2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа Консультант плюс

поручительство или солидарность обеспечивают обеспечение выплаты долга), и поручителя или созаемщиков, - с другой (которые рискуют погасить долг, не являющийся их собственным или не полностью их собственным). Кредитор имеет право предъявить иск в отношении всей суммы долга либо к содолжнику, либо к поручителю. Содолжник или поручитель, уплативший долг, имеет право на возмещение от основного должника или другого содолжника в пределах его доли. Поэтому неудивительно обнаружить ряд элементов, общих как для поручительства, так и для солидарности, таких как сложный набор правил, касающихся суброгации.

Разница между солидарностью и поручительством заключается в следующем: солидарные содолжники, с одной стороны, являются настоящими должниками. Хотя кредитор может получить платеж в полном объеме от одного или другого содолжника, долг в конечном итоге делится между ними. Поручитель, с другой стороны, не является должником. Он несет ответственность только в случае неисполнения должником обязательства. Поручитель, который исполнил обеспеченное обязательство или возместил кредитору, долг имеет право на полное его возмещение должником. Поручительство определяется как второстепенное, вспомогательное или вспомогательное в отношении основного обязательства должника.

Некоторые особенности положения солидарности и поручительства ставят под сомнение вышеупомянутую прямолинейную точку зрения. Во-

первых, в случае солидарности содолжники не всегда делят долг поровну. В частности, окончательное бремя долга может лежать только на одном содолжнике. В таких обстоятельствах становится неясным, находятся ли созыательные должники в отношениях солидарности или поручительства. Во-вторых, в случае поручительства кредитор не всегда вынужден предъявлять свои претензии сначала к должнику, прежде чем обращаться к поручителю для выплаты или возмещения, поскольку поручители часто отказываются от обсуждения.

На наш взгляд, следует разграничивать такие понятия как «содолжник» и «поручитель», поскольку практика показывает, что ответственность должника и ответственность поручителя за долг не совпадают.

Хотя ответственность поручителя часто ограничивается определенной суммой, должник и поручитель никогда не участвуют в долге одинаково, в отличие от содолжников по солидарному обязательству. В случаях, когда солидарное обязательство также обеспечено поручительством, поручитель, который заплатил, может преследовать любого содолжника в отношении полной суммы долга. Правило, конечно, иное, когда содолжник выплатил долг: он может преследовать каждого из своих содолжников только за их отдельные долги.

Англо-саксонское право, имея схожее регулирование, тем не менее имеет собственные особенности. Отдельного внимания заслуживают положения об обязанности креди-

тора информировать. К примеру, в законодательстве Квебека за последние годы произошло значительное развитие обязанности кредитора информировать, которая может возникнуть либо во время переговоров, ведущих к заключению контракта, либо во время его исполнения¹. Примечательно, что такая обязанность часто возлагается судами на кредиторов в контексте поручительства, но редко, если вообще когда-либо обнаруживается, что она существует в случаях солидарных обязательств. Сам *Кодекс* прямо налагает на кредитора обязанность информировать в статьях 2345 и 2355², тогда как в положениях о солидарных обязательствах такая обязанность не предусмотрена.

Причина введения обязанности информировать в контексте поручительства заключается в том, что поручитель, не являясь стороной основного обязательства, обычно не имеет каких-либо прямых средств контроля над его развитием. Поручитель также не имеет доступа к информации об обеспеченном обязательстве. Поручитель не может предотвратить изменение обязательства, даже если он подвергается большей ответственности за счет увеличения кредитного лимита основного должника, продления срока погашения или повышения процентной ставки. Более того, такое изменение может легко произойти без ведома поручителя. Поручитель часто не знает условий основного обязательства или условий его возобновления или изменения, а также того, погашается ли своевременно долг. Тем не менее, такая информация может иметь

¹ Bank of Montreal v. Bail Ltée, [1992] 2 S.C.R. 554, 93 D.L.R. (4th) 490 [Bail cited to S.C.R.].

² See arts. 7, 1375 C.C.Q.; Trust La Laurentienne du Canada c. Losier (15 January 2001), Montreal 500-09-007838-998, J.E. 2001-254 (C.A.) [Losier].

решающее значение для поручителя не только тогда, когда он первоначально соглашается обеспечить обязательство должника, но также и после этого, поскольку у поручителя могут быть средства влияния на должника, чтобы потребовать выплаты долга должником или полностью прекратить поручительство. Если выясняется, что кредитор нарушил свои обязанности по информированию во время заключения договора, поручитель может аннулировать поручительство по причине ошибки. Если обязанность информировать нарушена после заключения договора, регресс кредитора может быть признан судом неприемлемым.

Так, на наш взгляд, поручитель должен понимать условия не только договора поручительства, но и иметь доступ к информации об условиях исполнения основного обязательства. В частности, поручителю должны быть понятны последствия нарушения как основного обязательства, так и его собственного, способного возникнуть в результате заключения договора поручительства. О.С. Гринь считает, что «...во всех случаях исполнение, осуществленное поручителем, должно квалифицироваться как исполнение того обязательства, в котором участвует он сам — то есть обязательства из договора поручительства, а не основного обязательства»¹.

В солидарных обязательствах оба содолжника являются сторонами долга и любого изменения его условий, в противном случае изменение не может быть противопоставлено отсутствующему содолжнику, в

связи с чем, обязанность информировать может быть не предусмотрена. В поручительстве наличие обязанности информировать компенсирует отсутствие у поручителя знаний и контроля. В случае солидарности оба сообязателя как стороны обязательства обычно обладают такими знаниями и контролем. Конечно, это не означает, что обязанность информировать не могла возникнуть в контексте солидарного обязательства при наличии особых обстоятельств. Наличие обязанности информировать всегда зависит от обстоятельств каждого дела.

Отношения поручительства и отношения в солидарных обязательствах представляют собой разные способы, при которых два или более человека могут нести ответственность по одному и тому же долгу.

Французский учёный А.Хонтбейри, рассматривая структуру солидарных обязательств, сформулировал две конфликтующие точки зрения, которые возникают, когда обязательство имеет более одного должника². Автор даёт описание им как внешним и внутренним, называя их, соответственно, «точкой зрения кредитора» и «точкой зрения содолжников». А.Хонтбейри утверждает, что солидарность является «естественным состоянием» обязательства с несколькими должниками. Вот почему он описывает точку зрения кредитора как внешнюю, а точку зрения содолжников - как внутреннюю по отношению к отношениям между ними. Иначе говоря, А.Хонтбейри обращает

внимание на возможность регулирования отношений путём либо защиты взглядов и интересов кредитора, либо защиты содолжников³.

Возможность защиты прав кредитора преобладает в солидарных обязательствах, тогда как возможности содолжников преобладают в отношении совместных и делимых обязательств (т.е. когда содолжники пользуются преимуществом разделения). Однако всегда присутствуют обе точки зрения в отношении обязательства с несколькими должниками, независимо от того, является ли такое обязательство совместным и делимым или солидарным.

С точки зрения кредитора, отношения между кредитором и созаемщиками рассматриваются таким образом, чтобы избежать возможных негативных последствий для кредитора наличия более чем одного должника.

Ст.349 ГК РФ закрепляет право требования кредитора к любому из должников в полном объеме. С точки зрения кредитора, существует только один долг, и поэтому должна быть возможность получить платеж от любого содолжника. Другими словами, кредитор желает вести себя с каждым содолжником, как если бы он был единственным должником. Таким образом, в солидарном обязательстве, где точка зрения кредитора является доминирующей, кредитор может предъявить иск к содолжнику на полную сумму долга, он может представить одно уведомление о неисполнении обязательств, которое будет адресовано

¹ Гринь О.С. Мониторинг изменений гражданского законодательства о личных обеспечительных конструкциях // Актуальные проблемы российского права. 2015. №3.52. С.89-94.

² Hontebeyrie A. Le fondement de l'obligation solidaire en droit privé français. Paris: Economica, 2004. P.122.

³ Там же

обним созаёмщикам. Предприятие, которое прервано в отношении одного содолжника, прерывается в отношении другого, доля неплатежеспособного со-должника переходит к другому со-должнику и так далее.

С точки зрения кредитора, пропорции, в которых содолжники разделяют между собой окончательное бремя долга, являются строго внутренним вопросом. Например, рассмотрим случай, когда супруги солидарно берут ссуду на покупку недвижимости. Это внутреннее дело между ними, как они разделят собственность на недвижимое имущество и в какой степени каждый из них будет способствовать выплате ссуды; их соответствующие доли и взносы могут фактически меняться со временем. С точки зрения кредитора, это не должно иметь никакого отношения к внешним отношениям между кредитором и содолжниками, в которых каждый содолжник несет ответственность за всю сумму ссуды, а кредитор может иметь дело с содолжником по своему выбору.

Однако с точки зрения содолжников, каждый содолжник имеет задолженность только в размере своей доли в долге. То есть, с точки зрения содолжников, каждый должен будет уплатить только сумму, соответствующую его доле, чтобы избежать необходимости делать какие-либо взносы между ними; каждому из них также должно быть разрешено иметь дело с кредитором, как если бы было несколько долгов. Согласно точке зрения содолжников, их индивидуальные интересы должны быть защищены, и было бы несправедливо предполагать, что на одного из содолжников можно положиться в представлении

интересов другого. Каждый должен получать индивидуальные выгоды от правил давности, когда кредитор не может своевременно реализовать свои права. Наконец, риск того, что один из содолжников станет неплатежеспособным, должен нести кредитор, а не другой содолжник.

В случае солидарного обязательства точка зрения кредитора почти полностью преобладает над точкой зрения содолжников при регулировании отношений кредитора с каждым из содолжников. Перспектива со-должников возникает только для регулирования взносов, которые должны быть сделаны между собой, если один из них заплатил больше, чем его доля долга. Тем не менее, некоторые правила позволяют с точки зрения содолжников создавать ограниченные эффекты в отношениях между кредитором и содолжниками.

Если долг не является солидарным и делимым, сообязатель может потребовать, чтобы кредитор разделил свое требование между состязательными должниками (т.е. посредством разделения). В таком случае точка зрения содолжников превалирует над точкой зрения кредитора. Кредитор может потребовать от каждого содолжника выполнить только свою долю долга, и он также несет риск того, что содолжник станет неплатежеспособным. В таком случае обязательство называется «совместным» (*conjointe*).

По мнению некоторых авторов, выражение «совместный и солидарный» (*conjoint et solidaire*) неверно, поскольку обязательство должно быть совместным или солидарным, но не может быть одновременно и тем, и другим. Возникает вопрос, почему это выра-

жение так широко использовалось до недавнего времени. Ответ кажется очевидным, если обратиться к обычному значению слова «совместно» (*соучастие*): лица, связанные совместно, - это лица, связанные вместе одним и тем же обязательством. Если отношение совместных обязательств к солидарным или делимым обязательствам понимается должным образом, выражение «совместные и солидарные» имеет смысл, как и выражение «совместные и делимые»: совместное обязательство - это такое обязательство, в котором несколько лиц несут совместную ответственность - должники.

Правовой режим, который должен применяться к такому обязательству, открыт для целого ряда возможностей из-за возникновения конфликтующих интересов или перспектив. Чтобы точка зрения кредитора превалировала, обязательство должно быть солидарным. Для того, чтобы возобладала перспектива сообязательства, она должна подлежать разделу. Таким образом, совместное обязательство бывает солидарным, делимым или неделимым. В последнем случае он не может быть разделен, хотя и не обязательно солидарен. Совместные обязательства имеют определенные общие правила, независимо от того, являются ли они солидарными или подлежат разделению. Таким образом, разница между солидарностью и делимостью зависит от степени, а не от фундаментального противостояния, как это обычно предполагается.

Выгода разделения должна быть введена в качестве меры для защиты содолжников в целях противостояния суровым последствиям солидарности. Таким образом, в римском

праве обязательства с несколькими должниками изначально рассматривались как солидарные, и выгода разделения появилась позже в его развитии. Отношения между кредитором и содолжниками могут одинаково хорошо регулироваться идеей, что каждый содолжник может рассматриваться кредитором, как если бы он был единственным должником (то есть с точки зрения кредитора), или идеей что долг должен быть разделен между содолжниками (то есть с точки зрения со-должников). Одно решение не кажется по своей сути более совершенным, более логичным или естественным по сравнению с другим, хотя одно явно выгодно для кредитора, а другое - для сообязателей.

Совершенно очевидно, что существует опасность того, что выгода от разделения будет сведена на нет продолжающимся расширением обязательства *в солидуме*. Подводя итог, солидарное обязательство - это обязательство с участием нескольких должников, в котором точка зрения кредитора преобладает над точкой зрения содолжников. В целом это дает кредитору право относиться к каждому содолжнику так, как если бы он был единственным ответственным за полную сумму долга. Содолжник, который заплатил кредитору, может потребовать взнос от своего содолжника в соответствии с долей последнего в долге.

В случае солидарности содолжники являются сторонами обязательства, ожидается, что любой из них исполнит долг добровольно, и любой из них может нести ответственность в случае неисполнения. Что касается поручителя, то он не является стороной обеспеченного обязательства, он не

должен выполнять это добровольно, но он несет ответственность в случае неисполнения обязательств должником. Для обеспечения защиты интересов поручителя кредитор, как правило, должен информировать поручителя о любых важных изменениях, влияющих на основное обязательство (обязательства), включая ухудшение способности должника выполнять свои обязательства.

В солидарном обязательстве участвуют несколько должников, которые разделяют этот долг, в то время как поручитель отвечает за долг, который ему не принадлежит. Несмотря на это различие, некоторые авторы объединили эти два понятия. Если кредитор может обращаться с поручителем так же, как с должником, можно утверждать, что на самом деле нет никакой разницы между поручительством и солидарным обязательством, в котором один содолжник не имеет интереса к долгу.

Однако поручитель, в отличие от состязательного должника, может использовать все средства защиты, доступные основному должнику. Кроме того, поручитель, в отличие от содолжника, также не является стороной основного обязательства.

Некоторые авторы по-другому объединили поручительство и солидарность, предположив, что солидарные должники имеют задолженность в размере своей доли в долге, но выступают в качестве поручителей друг перед другом в отношении баланса. Действительно, эту точку зрения можно защитить, применяя дуалистическую концепцию к солидарным обязательствам следующим образом: долг каждого содолжника ограничен его индивидуальной долей, но каждый

остается ответственным за целое.

Но солидарность, в отличие от поручительства, не обязательно предполагает разделение долга и ответственности. Описание солидарности в терминах противоречивых взглядов кредитора и содолжников успешно объясняет парадокс, лежащий в основе солидарных обязательств, - что каждый содолжник одновременно является должником в целом и должником по своей доле долга. Он также четко устанавливает солидарные обязательства помимо поручительства. Кредитор солидарного обязательства может предъявлять требования к каждому содолжнику, как если бы он был единственным должником и единственным ответственным за полную сумму долга (т.е. с точки зрения кредитора). Содолжники между собой разделяют как долг, так и ответственность по долгу (т.е. перспектива содолжников). В конечном итоге наиболее важной причиной проведения различия между солидарными обязательствами и поручительством является то, что существуют значительные различия в правилах, по которым они регулируются.

В гражданском праве поручитель *несет ответственность* за долг, хотя этот долг не является его собственным. Если исходить из такой позиции, то из этого следует, что от поручителя не ожидается добровольного исполнения обеспеченного обязательства, в то время как должник и содолжники должны это делать. Поручитель становится ответственным только в случае неисполнения должником основного обязательства. Таким образом, поручитель по отношению к

кредитору обязуется *выполнить* обязательства должника, если последний не выполнит его. Так, *Гражданский кодекс* Франции гласит, что поручитель обязуется *удовлетворить* требование кредитора, если должник этого не сделает¹. Французское определение подчеркивает ответственность поручителя за долг. Ответственность поручителя возникает только в том случае, если должник не выполняет свое обязательство, принятие поручителем ответственности связано с обязательством *должника*, а не с собственным обязательством поручителя.

Поручитель отвечает за обязательство должника таким образом, что все или некоторые из личных средств правовой защиты, обычно доступные в отношении дефолтного должника, могут быть реализованы против поручителя - и, в частности, в случае денежного обязательства, судебного решения, предписывающего поручителю выплатить задолженность. Поручитель может решить оплатить сумму по обязательству должника добровольно, чтобы избежать судебного разбирательства против него самого. Если поручитель добровольно выплачивает долг до вынесения судебного решения в рамках такого производства, поручителем по-прежнему выплачивается обязательство должника, а не его собственное. Примечательно, что поручитель может также принять меры против должника, чтобы принудить к выплате долга – это регресс, недоступный для содолжников по солидарному обязательству. В отличие от поручителя, содолжник выплачивает свой собственный

долг, даже если он выплачивает сумму, превышающую его долю в долге.

Соответственно, должник по основному обязательству не должен иметь дефолта, прежде чем кредитор сможет потребовать поручительство. В случае солидарного обязательства необходимо, чтобы оба содолжника были в дефолте, прежде чем один из них может быть привлечен к ответственности в отношении полной суммы долга. Фактически, дефолт одного содолжника имеет равный эффект по отношению к другому содолжнику.

ГК РФ предусматривает субсидиарный характер выполнения обязательств. В частности, первая половина ст.392 предусматривает обязательство поручителя и должника отвечать перед кредитором при неисполнении или ненадлежащем исполнении должником обеспеченного поручительством обязательства. Налицо требование законодателя о субсидиарном характере исполнения обязательства поручителем. В то же время ответственность поручителя перед кредитором несёт в соответствии с действующим гражданским законодательством солидарно с должником, кроме случаев, когда законом или договором поручительства предусмотрена субсидиарная ответственность. В данном случае до предъявления требования к лицу, которое в соответствии с законодательством или условиями обязательства несет ответственность дополнительно к ответственности другого лица, являющегося основным должником, кредитор должен предъявить требование к основному должнику. В случае, если основной должник

отказался удовлетворить требование кредитора или кредитор не получил от него в разумный срок ответа на предъявленное требование, это требование может быть предъявлено лицу, несущему субсидиарную ответственность, применительно рассматриваемому правоотношению – к поручителю. При солидарной ответственности поручителя и должника платеж по договору поручительства совершается поручителем после получения от кредитора соответствующего требования об оплате.

Более того, при солидарном характере ответственности должника и поручителя для предъявления требования к поручителю достаточно факта неисполнения или ненадлежащего исполнения обеспеченного обязательства, при этом кредитор не обязан доказывать, что он предпринимал попытки получить исполнение от должника. Требование об оплате может быть выражено кредитором в произвольной форме, если в самом договоре поручительства или законодательстве не указано иное.

При субсидиарном характере ответственности поручителя для предъявления требования к нему кредитору необходимо доказать, что должник отказался исполнить обязательство, обеспеченное поручительством либо не ответил в разумный срок на предложение исполнить обязательство.

Ответ на вопрос о размере ответственности поручителя не находит единообразного разрешения ни на практике, ни в доктрине. Однако законодатель не двойственно отражает свой взгляд в п.2. ст.392 ГК РФ, закрепляя положение о

¹ Гражданский кодекс Франции 1804 г. С изм.на 1939 г. (Перевод И. С. Перетерского) [Электронный ресурс] // Российский прав. портал: библиотека

Пашкова. Электрон. дан. М., 2008. URL: <http://www.constitutions.ru/?p=416> (дата обращения: 12.03.201).

том, что «...поручитель отвечает перед кредитором в том же объеме, как и должник, включая уплату процентов, возмещение судебных издержек по взысканию долга и других убытков кредитора, вызванных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства должником, если иное не предусмотрено договором поручительства»¹.

На наш взгляд, размер ответственности поручителя не должен превышать размера ответственности должника, поскольку это бы противоречило общим принципам гражданского законодательства. В частности, принцип «non bis in idem» означает, что за одно и то же правонарушение не могут применяться одновременно две меры гражданско-правовой ответственности должника. Если следовать иному подходу, поручитель фактически должен нести двойную ответственность перед кредитором: оплатить неустойку за просрочку платежей по основному договору и неустойку за просрочку платежей по договору поручительства, что противоречит вышеуказанному принципу.

Представим гипотетическую ситуацию на примере договора поставки. Истец "А" (далее - истец, поставщик) и ответчик "Б" (далее - ответчик-1, покупатель) заключили договор поставки, по которому поставщик принял на себя обязательства по передаче в собственность, покупатель со своей стороны обязался приобрести товары. В качестве обеспечения обязательства по оплате товара между покупателем, продавцом

был заключен договор поручительства с ответчиком-2 (поручитель), по которому поручитель взял на себя обязательства отвечать перед кредитором за выполнение должником (ответчиком-1) его обязательств в полном объеме как существующих, так и тех, которые могут возникнуть в будущем.

В договоре поручительства предусмотрено условие, что при неисполнении обязательства должником по оплате товара начинает начисляться пеня за каждый день просрочки. Итак, если должник в данном примере не сможет произвести своевременно оплату, на поручителя будет возложена двойная ответственность, поскольку кроме суммы основного долга на поручителя будут распространяться не только штрафные санкции, начисленные ответчику-1 по договору поставки, но и штрафные санкции (неустойка) по договору поручительства.

Однако ответственность поручителя в соответствии с действующим гражданским законодательством может возникнуть только при условии не выполнения своих обязательств должником.

В случае нежелания поручителя исполнить обязательства по договору поручительства кредитор может получить удовлетворение своих требований посредством обращения в суд. На имущество поручителя может быть наложен арест с целью удовлетворения требований кредитора. Должно быть вынесено соответствующее судебное решение в отношении поручителя на определенную

сумму. Задолженность по судебному решению - это долг, отличный от основного обязательства. Поручитель действительно становится должником только на основании судебного решения. С этого момента кредитор может требовать компенсации между задолженностью по судебному решению и суммой, причитающейся по поручительству (например, денежные средства на счете поручителя у кредитора). Поручитель должен выплатить долг по судебному решению.

Таким образом, следует резюмировать, что ответственность поручителя за долги должника может возникнуть при невозможности привлечь к ответственности основного должника.

На стадии неисполнения либо ненадлежащего исполнения обязательства основным должником к такому исполнению можно привлечь поручителя. Однако в данном случае речь еще не идет о несении ответственности поручителем, поскольку ответственность может наступить только в результате противоправного поведения, в свою очередь наличие противоправности в поведении поручителя может быть установлена только в судебном порядке. Вина поручителя в данном случае будет заключаться в заверении кредитора в стабильности должника и принятии на себя обязательств по исполнению перед кредитором в случае невозможности добиться такого исполнения от должника.

При отказе поручителя от добровольного исполнения взятых на себя обязательств пе-

¹ Гражданский кодекс Республики Таджикистан от 30 июня 1999 г., № 802. Ч. 1 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 1999 г., №6, ст. 153; ст. 154; 2001 г., №7, ст. 508; 2002 г., №4, ч. 1, ст. 170; 2005 г., №3, ст. 125; 2006 г., №4, ст. 193; 2007 г., №5,

ст. 356; 2010 г., №3, ст. 156; №12, ч. 1, ст. 802; 2012 г., №7, ст. 700; №12, ч. 1, ст. 1021; 2013 г., №7, ст. 504; 2015 г., №3, ст. 200; Законы РТ от 23.07.2016 г., №1334; от 02.01.2019 г., № 1557; от 02.01.2020 г., №1656; от 02.01.2020 г., №1657.

ред кредитором [при неисполнении обязательств должником] на этой стадии мы можем говорить о возможности возложения на него в судебном порядке ответственности за неисполнение.

В то же время следует поставить под сомнение правильность ст. 392 ГК РТ, в соответствии с которой ответственность поручителя в случае неисполнения либо ненадлежащего исполнения обязатель-

ства должником первый и последний отвечают перед кредитором солидарно, если в договоре поручительства не предусмотрена субсидиарная ответственность поручителя.

На наш взгляд, ответственность поручителя безусловно должна носить субсидиарный характер, поскольку при возможности возложения судом ответственности на должника возложение соответственно ответственности на по-

ручителя представляется нецелесообразным, в связи с чем нами предлагается изменить ч.1. ст. 392 ГК РТ следующим образом «..При неисполнении или ненадлежащем исполнении должником обеспеченного поручительством обязательства поручитель несёт перед кредитором субсидиарную ответственность, если законом или договором поручительства не предусмотрено иное».

Библиографический список:

1. Белов В.А. Гражданское право: в 2т. Т.2. Особенная часть: учебник для академического бакалавриата. - М.: Изд.- во «Юрайт», 2019. – 463с.
2. Галагин И.А. Административная ответственность в СССР. Процессуальное регулирование. - Воронеж, 1976. – 198с.
3. Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики: в 2т. Т. 2 / под общ. ред.В. А. Белова.-2-е изд., стер. - М.: Изд.-во «Юрайт», 2017. – 525с.
4. Золотухин А.В., Султонова Т.И. Предпринимательское право Республики Таджикистан: учебник.- Душанбе: «ЭР-граф», 2018. - 596с.
5. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. - М., 1961. -381с.
6. Кавелин К.Д. Права и обязанности по имуществам и обязательствам // Избранные произведения по гражданскому праву. - М.: Центр Юр ИнфоР, 2003. - 736с.
7. Кулаков В.В. О некоторых актуальных вопросах применения поручительства в практике судов общей юрисдикции // Российская академия правосудия. -М., 2013. - №11. - С.9-15.
8. Ойгензихт В.А. Санкции и ответственность по советскому праву теоретические проблемы // Правоведение. - 1982. - №6. - С.111. Рецензия на книгу О.Э. Лейста
9. Сулейменов М.К. Гражданское право Республики Казахстан опыт теоретического исследования. Т.3, ч.2 Теоретическая. Раздел 2.Гражданское правоотношение.- Алматы, 2016. - 464с.
10. Самощенко Н.С., Фаруқшин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. -М., 1971. – 240с.

LEGAL ESSENCE OF THE GUARANTEE'S LIABILITY

Odinaeva Nilufar Mukhamadievna

Lecturer of the department of business law

Russian-Tajik (Slavonic) University

M. Tursunzade, 30, 734025, Dushanbe, Republic of Tajikistan

Tel.: (+992) 223 04 60 e-mail: nilufar.odinaeva93@gmail.com

In this article, the legal nature of the liability of the guarantor is considered. The author expresses the point of view according to which the responsibility of the guarantor for the debts of the debtor should arise when it is impossible to hold the principal debtor liable. Thus, the author questions the correctness of Art. 392 of the Civil Code of the Republic of Tajikistan, according to which the responsibility of the guarantor in case of non-fulfillment or improper fulfillment of the obligation by the debtor, the first and last ones are jointly and severally liable to the creditor, if the guarantee agreement does not provide for subsidiary liability of the guarantor. It is concluded that at the stage of non-performance or improper performance of an obligation by the main debtor, a guarantor can be involved in such performance. However, in this case, we are not yet talking about the liability of the guarantor, since liability can only arise as a result of unlawful behavior. In turn, the presence of unlawfulness in the behavior of the guarantor can be established only in a judicial proceeding.

Keywords: *Guarantee; creditor; debtor; subsidiary liability; solidarity.*

МОҲИЯИ ҲУҚУҚИИ ҶАВОБГАРИИ КАФИЛ

Одинаева Нилуфар Мухамадиевна

Омӯзгори кафедраи ҳуқуқи соҳибқори

Донишгоҳи Славянии Россия ва Тоҷикистон

к. М. Турсунзода 30, 734025, Душанбе, Ҷумҳурии Тоҷикистон

тел. (+992 37) 223 04 60 e-mail: nilufar.odinaeva93@gmail.com

Дар ин мақола моҳияти ҳуқуқи масъулияти кафил баррасӣ карда мешавад. Муаллиф нуқтаи назареро баён кардааст, ки мувофиқи он масъулияти кафил аз рӯи қарзҳои қарздор дар сурати имконнопазирии ба ҷавобгарӣ кашидани қарздори асосӣ ба миён меояд. Ҳамин тариқ, ӯ дурустии Санъатро зери шубҳа мегузорад. Моддаи 392-и Кодекси граждании Ҷумҳурии Тоҷикистон, ки мувофиқи он масъулияти кафил хангоми аз ҷониби қарздор иҷро накардан ё иҷрои номатлуби уҳдадори, аввалин ва охири дар назди кредитор масъулияти муштарак доранд, агар Дар шартномаи кафолат масъулияти субсидиарии кафил пешбинӣ нашудааст. Муаллиф ба хулосае меояд, ки дар марҳилаи иҷро накардан ё иҷрои номатлуби уҳдадорӣ аз ҷониби қарздори асосӣ зомин метавонад ба чунин иҷро ҷалб карда шавад. Аммо, дар ин маврид мо хануз дар бораи масъулияти кафил харф намезанем, зеро масъулият танҳо дар натиҷаи рафтори ғайриқонунӣ ба миён меояд, дар навбати худ, мавҷудияти ғайриқонунӣ дар рафтори кафил танҳо дар суд муқаррар карда мешавад.

Калидвожаҳо: Кафолат, кредитор, қарздор, масъулияти субсидиарӣ, ҳамбастагӣ.

**НЕОБХОДИМОСТЬ РАЗРАБОТКИ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА
ВЕРХОВНОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН, КАСАЮЩЕГОСЯ ВОПРОСОВ
МЕДИЦИНСКО - ФАРМАЦЕВТИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Абдуллаева Рано Абдуалиевна

кандидат юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой уголовного права

Российско-Таджикский (Славянский) университет 734025,
Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: (+99237) 227 85 83, e-mail: abdullaeva.rano2014@yandex.ru

Сегодня назрела ситуация для разработки Постановления Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан, касающегося некоторых вопросов медицинской и фармацевтической преступности. Общественные отношения развиваются достаточно динамично, и порой законодательные органы не могут оперативно отреагировать и внести соответствующие поправки в уголовное законодательство. Все чаще преступления совершаются в медицинско-фармацевтической сфере, но в законодательстве или в судебной системе нет соответствующей нормы для их урегулирования и разъяснения, что можно признать «пробелом» в уголовном законодательстве. По каждой преступной деятельности такие нормы должны разрабатываться и применяться, чего требует юридическая доктрина. Автором разработан проект Постановления Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан «О некоторых вопросах судебной практики по применению законодательства о медицинских и фармацевтических преступлениях», что позволит восполнит существующий правовой пробел.

Ключевые слова: *судебная практика, уголовное законодательство, медицинские и фармацевтические уголовные преступления, локальный нормативный акт, Постановления Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан.*



Необходимость оценки состояния действующего уголовного законодательства и законодательства о здравоохранении обусловлена динамично развивающимся миром в целом, люди вступили в новую IV техническую революцию.

Функции учреждений здравоохранения заключаются в выявлении и принятии мер по социальным детерминантам здоровья для устранения несправедливости в отношении здоровья.²

С одной стороны, существующий правовой пробел в медицинском и фармацевтическом уголовном законодательстве можно воспринять как несправедливость в отношении здоровья человека в целом, с другой стороны является законодательской недоработкой. В общем, юридические недоработки в законодательстве сами по себе являются негативным юридическим феноменом, но, говоря о медицинском законодательстве, мы непосредственно сталкиваемся с челове-

ком и его здоровьем. В правовом государстве человек, его права и свободы являются высшей ценностью, и одной из основных обязанностей государства является защита человека, его здоровья, прав и свобод. Государственный механизм защиты человека, его прав и свобод носит многоуровневый характер и по существу является достаточно сложным. Одним из способов защиты человека и его прав является правотворчество и законотворчество, а также могут быть применены иные методы нормотворчества, в частности, нормотворчество посредством издания Постановлений Пленума Верховного Суда.

Автором данной статьи с целью защиты прав и свобод

© Абдуллаева Р.А., 2021

² Caruso, Gregg. Public Health and Safety: The Social Determinants of Health and Criminal Behavior (October 17,

2017). Gregg D. Caruso. 2017. Public Health and Safety: The Social Determinants of Health and Criminal Behavior. UK: ResearchLinks Books., p. 2.

человека и гражданина разработан авторский проект Постановления Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан **«О некоторых вопросах судебной практики по применению законодательства о медицинских и фармацевтических преступлениях»**. Ниже приводится текст данного проекта Постановления.

**ПРОЕКТ
ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ПЛЕНУМА
ВЕРХОВНОГО СУДА
РЕСПУБЛИКИ
ТАДЖИКИСТАН**

О некоторых вопросах судебной практики по применению законодательства о медицинских и фармацевтических преступлениях

(с учетом авторских изменений и дополнений в уголовное законодательство за медицинские и фармацевтические уголовные преступления)

На основе результатов обобщения судебной практики, в целях единообразного применения судами законодательства Республики Таджикистан об ответственности за медицинские и фармацевтические преступления, пленарное заседание Верховного Суда Республики Таджикистан постановляет дать следующие разъяснения.

1. Медицинские и фармацевтические преступления наносят существенный вред жизни и здоровью человека, подрывают здравоохранение и национальную безопасность, поэтому своевременное и правильное рассмотрение этих категорий дел является одним из важнейших условий обеспечения безопасности государства, защиты прав, свобод и законных интересов граждан, испол-

нения Конституции Республики Таджикистан (далее – Конституция), законов и иных нормативных правовых актов, а также международных договоров Республики Таджикистан.

2. При рассмотрении дел о медицинских и фармацевтических преступлениях судам следует руководствоваться нормами Конституции, Уголовного кодекса Республики Таджикистан (далее – УК), Кодексом здравоохранения Республики Таджикистан, отраслевыми законами в сфере здравоохранения, иными нормативными правовыми актами Республики Таджикистан, а также международными договорами по вопросам охраны здоровья населения, ратифицированными Республикой Таджикистан.

3. Для обеспечения правильного применения уголовного закона при квалификации преступлений, совершаемых медицинскими работниками, и назначении справедливого наказания необходимо во всех случаях устанавливать согласие пациентов на медицинское вмешательство. Только информированное, добровольное, письменное или устное согласие пациента является необходимым предварительным условием для любого медицинского вмешательства. В случае ненадлежащего выполнения профессиональных обязанностей медицинским работником при проведении лечения без согласия пациента, за исключением лиц, указанных в ч. 1 ст. 43 Кодекса здравоохранения Республики Таджикистан, деяние следует квалифицировать на общих основаниях. Если деяние было совершено при превышении пределов крайней необходимости, то при назначении наказания следует признавать это в качестве обстоятельства,

смягчающего уголовную ответственность и наказание.

4. При квалификации противоправных действий медицинских и фармацевтических работников, связанной с разграничением профессиональных функций медицинских работников и их функций в качестве должностного лица, необходимо точно установить, какие именно функциональные обязанности были нарушены: профессиональные или должностные.

Должностными лицами в сфере здравоохранения являются руководители лечебно-профилактических учреждений, главные врачи поликлиник, заведующие отделением поликлиники или стационара (больницы), руководители военных госпиталей, то есть лица, которые наделены полномочиями совершать юридически значимые действия и в функциональные обязанности которых входит руководство служебной деятельностью подчиненных сотрудников, коллективов, различных участков работы.

Медицинские работники, являющиеся должностными лицами, могут быть привлечены к уголовной ответственности в качестве должностного лица лишь в том случае, если ненадлежащее выполнение ими профессиональных обязанностей будет иметь организационно-распорядительный или административно-хозяйственный характер. Действия виновного лица следует квалифицировать по ст. 322 УК «Халатность». Рядовые медицинские сотрудники, в функциональные обязанности которых не входят организационно-распорядительные или административно-хозяйственные полномочия, привлекаются к уголовной ответственности по

ст.129 УК «Неадекватное исполнение профессиональных обязанностей медицинским работником», а не по ст. 322 УК «Халатность».

В случае совершения преступления с участием юридического лица (медицинского учреждения) должностных лиц данного медицинского учреждения (представителей), виновных в преступлении, следует привлекать к уголовной ответственности в соответствии со ст. 322 УК «Халатность».

5. При квалификации деяния по ч. 3 ст. 129 УК следует учитывать, что психическое отношение к последствиям характеризуется только неосторожной формой вины. При наличии умышленной формы вины действия виновного квалифицируются по соответствующим статьям УК. Под иными неизлечимыми особо опасными инфекциями, применительно к ч. 3 ст. 129 УК, следует понимать, кроме ВИЧ/СПИД, следующие болезни: геморрагическая лихорадка Эбола, болезнь Крейтцфельда-Якоба, чума, сибирская язва, вирус Зика, туляремия, свиной грипп, коронавирусная инфекция (COVID-19), лепра, лихорадка Денге, Конго-Крымская лихорадка.

6. При квалификации деяния по **ст. 122-1** «Нарушение порядка проведения клинических исследований и применения новых методов и средств профилактики, диагностики, лечения и медицинской реабилитации» УК следует учитывать, что в случае, если медицинский работник, проводивший клиническое исследование, осознавал, что его действия в ходе проведения исследования создают реальную угрозу жизни и здоровью испытуемого, вследствие недостаточности докли-

нических, клинических испытаний либо других причин, клиническое исследование должно быть прекращено, независимо от наличия добровольного информированного согласия. В противном случае, если противоправные действия медицинского сотрудника повлекли неблагоприятные последствия, уголовная ответственность должна наступать по ч. 2 ст. 122-1 УК.

При наличии добровольного информированного согласия, в котором оговорено возможное причинение легкого вреда здоровью, причиняется более тяжкий вред здоровью либо смерть, а медицинским работником соблюдены все правила и условия проведения клинического исследования, такие действия медицинского работника следует квалифицировать как совершенные по неосторожности, в виде самонадеянности. Такой медицинский работник, проводивший исследование, предвидел возможность наступления более опасных последствий, но без достаточных к тому оснований легкомысленно рассчитывал на их предотвращение.

Под медицинским риском следует понимать действия либо бездействие медицинского работника, совершаемые с целью диагностики, лечения и профилактики заболевания, выполняемые при соблюдении всех необходимых мер предосторожности, а также правил и стандартов, но сопряженные с опасностью причинения вреда. Пределами медицинского риска является то, что клиническое исследование, проводимое медицинским работником, не может быть сопряжено с угрозой жизни или здоровью людей, экологической ката-

строфы, общественного бедствия или иных тяжких последствий (ч. 3 ст. 44 УК).

При квалификации деяния по ч. 2 ст. 122-1 УК следует учитывать, что психическое отношение к последствиям характеризуется неосторожной формой вины.

7. При квалификации деяния по ст. 123 УК следует учитывать, что уголовной ответственности за *незаконное искусственное прерывание беременности* (аборт) подлежит лишь то лицо, которое причинило вред жизни и здоровью беременной женщины, но не плоду.

Для правильной квалификации действий виновного лица по ст. 123 УК необходимо установление факта согласия потерпевшей. При этом согласие потерпевшей должно быть действительным, добровольным и своевременным. Производство аборта считается окончательным с момента начала действий по плодоизгнанию, независимо от способа искусственного прерывания беременности и независимо от того, вышел плод или нет.

В случаях, когда операция по *незаконному искусственному прерыванию беременности* (аборт) будет производиться с согласия беременной с целью дальнейшего использования фетальных продуктов, действия беременной следует квалифицировать по **ст. 106-2** УК «Клонирование человека», а действия лица, производившего операцию, – по соответствующему особо квалифицирующему признаку – *незаконное искусственное прерывание беременности* с целью клонирования или иного использования тканей эмбриона (ч. 3 ст. 123 УК).

В случае, когда незаконное искусственное прерывание беременности совершено без согласия беременной, с целью

дальнейшего использования фетальных продуктов лицом, производившим аборт, действия виновного следует квалифицировать по ст. 122 УК «Принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации».

В случаях, если незаконное искусственное прерывание беременности производится вопреки желанию беременной сохранить плод, без цели дальнейшего использования фетальных продуктов, действия виновного лица следует квалифицировать по ст. 110 УК «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью».

Если несовершеннолетняя обратилась в частную клинику с просьбой о производстве искусственного прерывания беременности (аборта), при этом сама беременная согласна на операцию по искусственному прерыванию беременности, но согласие родителей (законных представителей) отсутствует, такое искусственное прерывание беременности следует считать незаконным. При этом не имеет значения, соблюдены ли другие условия законности для проведения данной операции.

В случаях, когда родители (законные представители) при своем согласии привели несовершеннолетнюю для производства операции по незаконному искусственному прерыванию беременности (аборт) (например, срок свыше 12 недель и нет медицинских или социальных показаний к производству аборта либо есть противопоказания к производству аборта), но сама беременная не согласна на производство аборта, искусственное прерывание беременности (аборт) также следует считать незаконным.

Если искусственное прерывание беременности (аборт), произведенный несовершеннолетней беременной, совершен с соблюдением всех условий законности проведения такого рода операций, в том числе при наличии согласия родителей (законных представителей), но вопреки воле (без согласия) самой несовершеннолетней, таковой будет считаться законным. При этом отсутствие согласия несовершеннолетней не препятствует проведению законной процедуры производства искусственного прерывания беременности (аборта).

В случаях, если искусственное прерывание беременности (аборт) произведен вопреки воле несовершеннолетней, а также без согласия родителей (законных представителей), действия виновного следует квалифицировать с учетом цели содеянного (по ст. 110 либо по ст. 122 УК).

При наступлении неблагоприятных последствий при производстве законного искусственного прерывания беременности (аборта), когда установлено, что в действиях врача акушера-гинеколога усматривается небрежное отношение к своим функциональным обязанностям, действия виновного следует квалифицировать по соответствующей части ст. 129 УК. В случае если неблагоприятные последствия наступили по независящим от врача причинам, медицинский работник уголовной ответственности не несет.

8. При квалификации деяния по ст. 128 УК под термином «больной» следует понимать биологический статус, характеризующий отклонение от нормы в состоянии организма. В медицинской практике человек считается больным, когда

его состояние здоровья исследовано и принят окончательный диагноз. До того момента пока медицинские работники не обследовали лицо и не поставили диагноз, юридически его считать больным невозможно (за исключением случаев, когда признаки кризисной ситуации со здоровьем наличию).

Под иными лицами, применительно к ст. 128 УК, следует понимать: рожениц; лиц, самообратившихся за медицинской помощью, утверждающих, что они больны, при этом без каких-либо подтверждений и признаков болезни; лиц, которые на момент обращения за медицинской помощью являлись здоровыми, но состояние их здоровья находилось на пограничном рубеже при переходе в болезненное; некоторые категории лиц, чья профессиональная деятельность сопряжена со значительными перегрузками для организма (спортсмены, выступающие на профессиональном ринге, военные, сотрудники правоохранительных органов; лица, выполняющие работу в тяжелых условиях труда и т.д.).

При квалификации деяния по ст. 128 УК следует иметь в виду, что речь идет о неоказании больному исключительно медицинской помощи.

Водителей санитарного автотранспорта следует привлекать к уголовной ответственности по ст. 128 УК только в том случае, если ими не была оказана первая медицинская помощь. Лица, на которых законом возложена обязанность оказывать медицинскую помощь больному (сотрудники МЧС, сотрудники государственной охраны, водители, причастные к ДТП (п.п. «н» п. 11 ПДД РФ), сотрудники службы гражданской защиты,

сотрудники органов внутренних дел, военнослужащие специальных формирований и др.), привлекаются к уголовной ответственности за неказание *медицинской* помощи больному только в том случае, если они не оказали именно первую неотложную медицинскую помощь, которую они обязаны оказывать в соответствии с законом или специальным правилом.

Медицинский работник, находящийся на отдыхе, обязан при необходимости оказать медицинскую помощь больному. В случае, если медицинский работник не обладает необходимыми познаниями либо в силу других причин не может оказать необходимую помощь, он обязан вызвать другого медицинского работника, обладающего нужными познаниями, либо доставить больного в лечебное учреждение.

В случае неказания *медицинской* помощи больному, которая позволила бы продлить ему жизнь, медицинский работник подлежит уголовной ответственности по ст. 128 УК «Неказание *медицинской* помощи больному».

9. Под иными неизлечимыми инфекциями применительно к ч. 2 ст. 145 УК РФ следует понимать, кроме ВИЧ/СПИДа, следующие болезни: геморрагическая лихорадка Эбола, болезнь Крейтцфельда-Якоба, чума, сибирская язва, вирус Зика, туляремия, свиной грипп, коронавирусная инфекция (COVID-19), лепра, лихорадка Денге, Конго-Крымская лихорадка.

Действия медицинских работников по разглашению сведений о личной жизни пациента и его семьи квалифицируются по ч. 2 ст. 144 УК «Не-

законное соби́рание и распространение информации о частной жизни» как разглашение сведений с использованием служебного положения.

Разглашение сведений о заболевании или результатах медицинского освидетельствования лица работниками организаций здравоохранения, которые при выполнении своих профессиональных или служебных обязанностей могут располагать сведениями о заболевании или результатах медицинского освидетельствования; студентами медицинских учебных заведений, проходящими практику в организациях здравоохранения; сиделками; регистраторами; лаборантами; водителями медицинского транспорта; сотрудниками администрации организаций здравоохранения; работниками столовых, находящихся в организациях здравоохранения, влечёт уголовную ответственность по ст. 144 УК «Незаконное соби́рание и распространение информации о частной жизни».

При квалификации деяния по ч. 3 ст. 145 УК следует учитывать, что психическое отношение к тяжким последствиям характеризуется неосторожной формой вины.

10. К иным документам, дающим право на получение наркотических средств или психотропных веществ, при квалификации деяния по ч. 1 ст. 210-1 УК, относятся: справки; направления медицинских учреждений; лицензии на занятие определенным видом деятельности, связанным с оборотом наркотических средств или психотропных веществ; выписки из истории болезни больного; товарно-транспортные накладные; заявки медицинского учреждения на получение таких средств и

веществ и т.п. Выдача данных документов является незаконной в случаях, когда отсутствуют материальные основания для их выдачи либо нарушены правила их выдачи.

Незаконная выдача либо подделка рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ, полностью охватывается диспозицией ч. 1 ст. 210-1 «Незаконная выдача либо подделка рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ» УК и дополнительной квалификации по ст. 340 УК «Подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков» не требуется. В случаях, если вышеуказанные действия связаны с похищением рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ, содеянное следует квалифицировать по совокупности ч. 1 ст. 210-1 и ст. 339 УК «Похищение или повреждение документов, штампов, печатей».

Если медицинский работник незаконно выписал рецепт либо подделал его и приобрел наркотические средства или психотропные вещества, действия медицинского работника следует квалифицировать по совокупности ст. 210-1 «Незаконная выдача либо подделка рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ» и ст. 200 УК «Незаконный оборот наркотических средств или психотропных веществ с целью сбыта».

При квалификации деяния по ч. 1 ст. 210-1 УК следует иметь в виду, что она является специальной по отношению к

ст. 323 «Служебный подлог» УК.

11. При квалификации деяния по ст. 210-1 УК следует обратить внимание на то, что речь идет только о некачественных, поддельных и не отвечающих установленным требованиям стандартов медикаментах; биологически активные добавки (БАДы) и медицинская техника не охватываются диспозицией этой статьи.

12. Судам следует обратить внимание на важность предупредительно-профилактической работы по устранению причин и условий совершения медицинских и фармацевтических преступлений, в этих целях принимать предусмотренные законом действенные меры, направленные на обеспечение неотвратимости наказания. В необходимых случаях судам в соответствии со

статьей 411 УПК надлежит выносить частные определения (постановления) для принятия мер, направленных на устранение причин и условий, которые способствовали совершению медицинских и фармацевтических преступлений.

13. Настоящее нормативное постановление вводится в действие с момента принятия. Постановление Пленума Верховного Суда РТ принимает Пленум Верховного Суда РТ.

Следует отметить, что закон об общественном здравоохранении определяется как полномочия и обязанность государства обеспечивать условия для здоровья людей и ограничения полномочий государства по ограничению автономии, неприкосновенности частной жизни, свободы и имущественных интересов отдельных лиц и предприятий.¹

Суды больше всех могут сталкиваться с недостатками, противоречиями, пробелами, коллизиями,

Поэтому данную проблему мы предлагаем решить иным образом, то есть говорим не о законе, а об авторском проекте Постановления Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан, который носит обязательный характер только для судей при рассмотрении дел медицинско-фармацевтического толка и восполнит существующий пробел в этом вопросе.

Несмотря на то, что Постановление Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан не является законом, а лишь внутренним локальным актом, он может осуществлять политику государства по защите прав и свобод человека и гражданина.

Библиографический список

1. Карузо Грегг, Общественное здравоохранение и безопасность: социальные детерминанты здоровья и преступного поведения (17 октября 2017 г.). Грегг Д. Карузо. 2017 год. Общественное здоровье и безопасность: Социальные детерминанты здоровья и преступного поведения. Великобритания: Книги по исследованиям., доступно на SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3054747>
2. Гостин Лоуренс О., Теория и определение закона об общественном здравоохранении. 2000. Доступно по адресу <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.242580>
3. Умедов К.М. Технология законодательной инициативы в Таджикистане //Материалы VII Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию Конституции Республики Таджикистан национальная правовая система Республики Таджикистан и стран СНГ: анализ тенденций и перспектив развития. Республика Таджикистан, г. Душанбе: Российско-Таджикский (славянский) университет. С. 445- 449.
4. Умедов К.М. Субъекты законодательной инициативы в Республике Таджикистане. Материалы IX Международной научно-практической конференции, посвященная 30-летию независимости Республики Таджикистан и 25-летию Российско-Таджикского (Славянского) университета. Национальная правовая система Республики Таджикистан и стран СНГ: анализ тенденций и перспектив развития. Республика Таджикистан, г. Душанбе: Российско-Таджикский (славянский) университет. С. 271 – 273.

¹ Gostin, Lawrence O., A Theory and Definition of Public Health Law. 2000. Available at <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.242580>

THE NEED TO DEVELOP A RESOLUTION OF THE PLENUM OF THE SUPREME
COURT OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN CONCERNING THE ISSUES OF MEDICAL
AND PHARMACEUTICAL CRIMES

Abdullaeva Rano Abdualievna

Candidate of of juridical sciences,
associate professor, head of the department of criminal law
Russian-Tajik (Slavonic) University
M. Tursunzade 30, 734025, Dushanbe, Republic of Tajikistan
Ph.: (+99237) 227 85 83, e-mail: abdullaeva.rano2014@yandex.ru

Today the situation is ripe for the development of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Tajikistan concerning some issues of medical and pharmaceutical crime. Public relations are developing quite dynamically and sometimes the legislature cannot respond quickly and make appropriate amendments to the criminal law. Increasingly, crimes are committed in the medical and pharmaceutical field, but there is no relevant rule in the legislation or in the judicial system to regulate and explain them, which can be considered a “gap” in the criminal law. For each criminal activity, they must be developed and applied, which is required by legal doctrine. The author has developed a draft Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Tajikistan “On some issues of judicial practice in the application of legislation on medical and pharmaceutical crimes”, which will fill the existing legal gap.

Key words: judicial practice; criminal law; medical and pharmaceutical criminal offenses; local regulations; Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Tajikistan.

ЗАРУРАТИ ТАҲИЯИ ҚАРОРИ ПЛЕНУМИ СУДИ ОЛИИ
ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН ОИД БА МАСЪАЛАҲОИ ҶИНОЯТҲОИ ТИББӢ ВА ФАРМАСЕВТӢ

Абдуллаева Рано Абдуалиевна

номзади илмҳои ҳуқуқ, дотсент,
мудири кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, к. М. Турсунзода, 30
тел: (+99237) 227 85 83, e-mail: abdullaeva.rano2014@yandex.ru

Имрӯз барои таҳияи Қарори Пленуми Суди Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон оид ба баъзе масъалаҳои ҷинояткории тиббӣ ва фармасевтӣ вазъият фаро расидааст. Муносибатҳои ҷамъиятӣ хеле босуръат инкишоф меёбанд ва баъзан мақомоти қонунгузор имкони саривақт воқуниш нишон дода, ба қонунгузориҳои ҷиноятӣ ислоҳоти дахлдор ворид карда наметавонанд. Бештар ва бештар ҷиноятҳо дар соҳаи тиб ва фармасевтӣ содир мешаванд, дар қонунгузорӣ ва ё дар низоми судӣ меъёри мувофиқ барои батанзимдарорӣ ва шарҳи онҳо вуҷуд надорад, ки онро дар қонунгузориҳои ҷиноятӣ «холӣ» ҳисобидан мумкин аст. Барои ҳар як амали ҷиноятӣ онҳо бояд таҳия ва татбиқ карда шаванд, ки онро доктринаи ҳуқуқӣ талаб мекунад. Муаллиф лоиҳаи Қарори Пленуми Суди Олии Ҷумҳурии Тоҷикистонро «Дар бораи баъзе масъалаҳои таҷрибаи судӣ оид ба татбиқи қонунгузорӣ оид ба ҷиноятҳои тиббӣ ва фармасевтӣ» таҳия кардааст, ки барои пур кардани холигии мавҷудаи ҳуқуқӣ имкон медиҳад.

Калидвожаҳо: амалияи судӣ, қонунгузориҳои ҷиноятӣ, ҷиноятҳои тиббӣ ва фармасевтӣ, санади меъёрии локалӣ, Қарорҳои Пленуми Суди Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДОВЕДЕНИЮ ДО САМОУБИЙСТВА

Абдуллаева Рано Абдуалиевна

кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного права
Российско - Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 2278583, e-mail: abdullaeva.rano2014@yandex.ru

Абдухамитов Валиджон Абдухамитович

доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: (+992 37) 227 85 83, e-mail: valijon.abduhamitov@mail.ru

Аннотация. В статье раскрываются особенности такого состава преступления, как доведение до самоубийства и его признаки. На основе анализа норм уголовного законодательства зарубежных стран предлагается ряд мер по противодействию данному преступлению. По мнению авторов статьи, в УК РТ необходимо предусмотреть основные и дополнительные квалифицирующие признаки: в отношении женщины, находящейся в материальной и иной зависимости от виновного; группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть интернет) и т.д.

Ключевые слова: Уголовный кодекс; уголовное законодательство; зарубежные страны; доведение до самоубийства; состав преступления .



Абдуллаева Р.А.

В последние годы участились случаи доведения до самоубийства, которые ранее не были известны (либо данные деяния редко совершались) таджикстанскому обществу.

В Таджикистане не проводилось комплексного исследования, посвященного проблемам противодействия доведению до самоубийства, не давалось глубокой оценки сути и направленности данного преступления, не выявлена высокая степень его опасности для таджикстанского



Абдухамитов В.А.

общества, а также не изучен вопрос их соотносимости с нормами зарубежного уголовного законодательства. В этой связи настоящее исследование, проведенное нами, актуально как в

научном, так и в практическом плане. Данное исследование выполнено в рамках научного проекта кафедры уголовного права юридического факультета Российско-Таджикского (Славянского) университета «Предупреждение доведения до самоубийства: уголовно-правовой и криминологический аспект» (2020 - 2024 гг.)

Проблему противодействия доведению до самоубийства и основные пути ее решения можно отнести к одной из самых лакунарных в теории уголовного права и криминологии, а также в правоприменительной практике. В настоящее время в Таджикистане наблюдается только осознание всей глубины имеющейся проблемы, к сожалению, глубокие научные исследования, как нами отмечено выше, посвященные вопросам борьбы с данным преступлением, отсутствуют.

Следует отметить, что суицид по действующему законодательству России и Таджикистана уголовно не наказуем, за исключением доведения до самоубийства (ст. 109 Уголовного кодекса Республики Таджикистан)¹.

Вместе с тем, в некоторых уголовных законодательствах отдельных зарубежных стран за

доведение до суицида установлена уголовная ответственность. К таким странам относятся: Индия (ст. 309 УК), Судан (ст. 133 УК), Нигерия (ст. 327 УК), Бруней (ст. 309 УК), Сингапур (ст. 309 УК). Анализ санкций УК вышеуказанных стран показал, что в них за доведение до суицида предусматриваются наказания в виде либо лишения свободы, или же штрафа².

Следует отметить, что зарубежный опыт противодействия и применения норм об ответственности за доведение до самоубийства весьма интересен в качестве наилучшей практики для отдельных зарубежных уголовных законодательств в деле реализации уголовно-правовых норм, предусматривающих наказание за данное преступление.

Отметим, что в УК РТ 1998 года ответственность за доведение до самоубийства размещена в разделе VII «Преступления против личности» в главе 16 «Преступления против жизни и здоровья»: ст. 109 «Доведение до самоубийства».

Что же касается УК РФ³, то в нем предусматривается уголовная ответственность за деяния, направленные на доведение до самоубийства, в трех статьях: ст.110 (доведение до

самоубийства); ст.110.1. (склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства); ст.110.2. (организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства)⁴.

Специалисты в области юриспруденции России и Таджикистана стали исследовать данную проблему лишь в последующие годы: Н.С. Абдуллаев⁵, А.М. Бабиев⁶, Е.К. Волконская⁷, Д.И. Эльмурзаев⁸, А.А. Цыркалюк⁹, Э.В. Рыжов¹⁰ и др.

В деле противодействия исследуемому нами преступлению важное место занимают нормы некоторых отдельных зарубежных уголовных законодательств, запрещающие данный вид преступления во всех его проявлениях.

Рассмотрим и проанализируем их.

В параграфе 240 УК Дании помощь в самоубийстве признается уголовно-наказуемым деянием¹¹. Названная статья устанавливает такой квалифицирующий признак, как деяние, который предполагает оказание помощи по мотивам личной заинтересованности.

В ст. 115 УК Швейцарии предусматривается норма об ответственности за склонение

¹ Далее по тексту УК РТ

² Ястребов А.В. Особенности уголовной ответственности за преступную причастность к самоубийству в зарубежном уголовном законодательстве // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2018. №2 (26). С.93.

³ Далее по тексту УК РФ

⁴ Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Т. 2. Особенная часть. Разделы VII—VIII / В. М. Лебедев [и др.]; отв. ред. В. М. Лебедев. М.: Изд-во «Юрайт», 2020. С.60-66.

⁵ Абдуллаев Н.С. Проблемы законодательной регламентации ответственности за доведение до самоубийства и склонение к самоубийству // Юридический вестник. Душанбе., 2020 №1 (1). С.102-106.

⁶ Бабиев А.М. Понятие объекта доведения до самоубийства по уголовному законодательству Республики

Таджикистан // Юридический вестник. Душанбе., 2020 №3 (3). С.97-102.

⁷ Волконская Е.К. Предупреждение доведения до самоубийства: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. канд. юрид. наук. Рязань, 2011. 30 с.

⁸ Эльмурзаев Д.И. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства: автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2004. 27 с.

⁹ Цыркалюк А.А. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства: автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2011. 23 с.

¹⁰ Рыжов Э.В. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства: автореф. дис. канд. юрид. наук. Томск, 2019. 30 с.

¹¹ Уголовный кодекс Дании. СПб: Юрид. центр Пресс, 2001. С.184.

и пособничество в самоубийстве. Так, в данной статье ответственность наступает если лицо из корыстных побуждений склоняет другое лицо к совершению самоубийства или оказывает ему в этом помощь. Наказанием выступает каторжная тюрьма сроком до 5 лет или тюремное заключение¹.

В УК Эстонии за данное преступление в ст.106 УК предусматривается лишение свободы сроком от трех до восьми лет, но в том случае, если в данном деянии имеются признаки жестокого обращения или издевательства в отношении потерпевшего².

Наиболее интересной в деле противодействия данному преступлению, на наш взгляд, является глава 26, установленная в УК Японии³, под названием «Преступления, состоящие в убийстве», где в ст.202 «Участие в самоубийстве и убийстве с согласия» предусматривается наказание в виде лишения свободы с принудительным физическим трудом или тюремным заключением на срок от шести месяцев до семи лет за подготовку человека к убийству или оказание ему помощи в самоубийстве, или убийство человека по его настоянию или с его согласия.

В УК РФ, как нами было отмечено выше, предусматривается уголовная ответственность в трех статьях: ст.110 (доведение до самоубийства); ст.110.1. (склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства); ст.110.2. (организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства)⁴.

Не вдаваясь в полемику, отметим, что, на наш взгляд, их отличительной особенностью является пункт д. ч.2 ст.110 УК РФ, где ответственность наступает за доведение до самоубийства путем публичного выступления, включая в сети интернет.

Кроме проанализированных нами выше норм уголовного законодательства (Дании, Швейцарии, Эстонии, Японии и России), следует отметить, что, например, в законодательстве Франции установлена ответственность за рекламирование средств и методов, в результате применения которых появляется возможность причинения себе смерти⁵.

Однако в некоторых государствах имеется иной подход к решению данной проблемы. Так, по ст. 151 УК Польши ответственность наступает, если в деяниях виновного наличествуют уговоры либо оказание

помощи, которые приводят человека к совершению самоубийства⁶. Закон «О самоубийстве» (Suicide Act) 1961 г., принятый в Великобритании, предусматривает ответственность лиц, содействовавших суициду.

Проанализировав уголовное законодательство Таджикистана и зарубежного уголовного законодательства можно, прийти к выводу, что последнее не разграничивает такие уголовно-правовые термины, как «доведение до самоубийства», «пособничество», «содействие» и «склонение» к самоубийству⁷.

Если в уголовном законодательстве Южной Америки ответственность наступает за подстрекательство к суициду, то УК Аргентины (ст. 83) предусматривает наказание (лишение свободы на срок от одного года до четырех лет) не только за подстрекательство, но и за оказание содействия в самоубийстве. Вместе с тем, УК Литвы (ст. 133) даже установил наказуемость за оказание помощи в самоубийстве безнадежно больному человеку⁸.

Учитывая зарубежный опыт противодействия исследуемого нами преступлению, на наш взгляд, ученым и компетентным правоохранным

¹ Абдухамитов В.А., Абдуллаева Р.А. Понятие и признаки доведения до самоубийства в уголовных законодательствах Республики Таджикистан и зарубежных государств // Юридический Вестник. Душанбе., 2020 №2 (2). С.106.

² Уголовный кодекс Эстонии: вступил в силу 01.09.2002 г. // Уголовное право зарубежных государств. Общая часть / под ред. Козочкина И.Д. М.: Юрист, 2003. – 576 с.

³ Уголовный кодекс Японии / науч. ред. и предисл. д-ра. юрид. наук, проф. А. И. Коробеева. - СПб: Юрид. центр Пресс, 2002. С.124.

⁴ Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Т. 2. Особенная часть. Разделы VII—VIII / В. М. Лебедев [и др.]; отв. ред. В. М. Лебедев. М.: Юрайт, 2020. С.60-66.

⁵ Уголовный кодекс Франции. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. 648 с.

⁶ Уголовный кодекс Республики Польша. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. С. 234.

⁷ Глазкова Л.В. Международное законодательство некоторых стран о самоубийствах или попытках самоубийств [Электронный ресурс] / Л.В. Глазкова, А.М. Шамбилова // Nauka-rastudent.ru. 2016. №. 09 (033). <http://nauka-rastudent.ru/33/3630>.

⁸ Уголовный кодекс Литовской республики: Утвержден законом № VIII - 1968 г. 26 сентября 2000 г. / пер. с лит. / В.П. Казанскене; предисл.: Н.И. Мацнева; вступ. ст. А. Абрамвичуса, А. Дракишене; науч. ред. и вступ. ст. В. Павилониса. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 474.

органам необходимо решение следующих **задач**:

– изучить феноменологию данного преступления и этимологию понятия «доведение до самоубийства»;

– провести анализ современного состояния и тенденций развития данного преступления, его видов и форм проявлений в Республике Таджикистан;

– разработать критерии классификации связанных с данным деянием преступлений;

– изучить международный опыт и провести более детальный анализ норм уголовных законодательств зарубежных стран;

– определить проблемы имплементации норм международного законодательства в законодательство Республики Таджикистан;

– провести криминологический анализ состояния, структуры, динамики данного преступления;

– выявить причины и условия возникновения доведения до самоубийства, особенно женщин и несовершеннолетних, в Республике Таджикистан;

– разработать меры по предупреждению доведения до самоубийства в Республике Таджикистан.

Обобщив результаты настоящего исследования и учитывая зарубежный опыт

противодействия доведению до самоубийства, мы пришли к следующим **выводам**:

- необходимо в отечественном уголовном законодательстве предусмотреть ответственность не только за доведение до самоубийства, но и покушение на него, а также доведение до коллективных самоубийств (самоубийства последователей учений по религиозным мотивам), установить названные признаки в качестве квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков преступления в ст.109 УК РТ;

- анализ уголовного законодательства ряда зарубежных стран (Индия (ст. 309), Судан (ст. 133), Нигерия (ст. 327), Брунея (ст. 309), Сингапур (ст. 309) показал, что в них установлена уголовная ответственность за суицид. Общим для них при этом является тенденция установления различных видов наказаний за суицид и установление ответственности за доведение до самоубийства и покушения на него, пособничество и подстрекательство (склонение) к самоубийству, а также закрепление ответственности за какую-либо иную помощь в этом лицам, которые приняли решение добровольно уйти из жизни;

- в целях исключения разного понимания диспозиции ст.109 УК РТ, предусматриваю-

щей ответственность за доведение до самоубийства, и сложностей при квалификации данного преступления необходимо внести следующие основные и дополнительные квалифицирующие признаки в УК РТ: в отношении женщины, находящейся в материальной и иной зависимости от виновного; группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть интернет);

- целесообразно установить ответственность за пособничество и подстрекательство и, кроме того, дополнить в качестве пояснения примечанием к ст.109 УК РТ такие определения, как: «склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства»; «организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства»; «материальная и иная зависимость потерпевшего»; «публичная демонстрация методов и средств для доведения до самоубийства в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть интернет)» и т.д.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Республики Таджикистан: Закон Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года. - Душанбе: «Конуният», 2004. - 399 с.
2. Уголовный кодекс Дании. – СПб: «Юрид. центр Пресс», 2001. - 230с.
3. Уголовный кодекс Японии / науч. ред. и предисл. д-ра. юрид. наук, проф. А. И. Коробеева. - СПб.: «Юрид. центр Пресс», 2002. — 226с.
4. Уголовный кодекс Франции. – СПб.: «Юрид. центр Пресс», 2002. – 648 с.
5. Уголовный кодекс Республики Польша. – СПб.: «Юрид. центр Пресс», 2001. – 234 с.
6. Уголовный кодекс Аргентины. – СПб.: «Юрид. центр Пресс», 2003. – 240 с.
7. Уголовный кодекс Грузии. – СПб.: «Юрид. центр Пресс», 2002. – 409 с.

8. Уголовный кодекс Литовской республики: утвержден законом № VIII - 1968 г. 26 сентября 2000 г. / пер. с лит.; В.П. Казанскене; предисл. Н.И. Мацнева; вступ. ст. А. Абрамовичуса, А. Дракшене; науч. ред. и вступ. ст. В. Павилониса – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 470 с.
9. Абдуллаев Н.С. Проблемы законодательной регламентации ответственности за доведение до самоубийства и склонение к самоубийству // Юридический вестник. - Душанбе, 2020. - №1 (1).- С.102-106.
10. Абдухамитов В.А., Абдуллаева Р.А. Понятие и признаки доведения до самоубийства в уголовных законодательствах Республики Таджикистан и зарубежных государств // Юридический вестник.- Душанбе., 2020. - №2 (2). - С.106.
11. Бабиев А.М. Понятие объекта доведения до самоубийства по уголовному законодательству Республики Таджикистан // Юридический вестник. - Душанбе, 2020. - №3 (3). - С.97-102.
12. Волконская Е.К. Предупреждение доведения до самоубийства: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. канд. юрид. наук. - Рязань, 2011. - 30 с.
13. Глазкова, Л.В. Международное законодательство некоторых стран о самоубийствах или попытках самоубийств [Электронный ресурс] / Глазкова Л.В., Шамбилова А.М. // Nauka-rastudent.ru. – 2016. – №. 09 (033). – Режим доступа: <http://nauka-rastudent.ru/33/3630>.
14. Комментарий к Уголовному кодексу РФ: в 4 т. Т. 2. Особенная часть. Разделы VII—VIII / В. М. Лебедев [и др.]; отв. ред. В. М. Лебедев. — М.: Изд-во «Юрайт», 2020. — 371 с. — (Профессиональные комментарии). — Текст: электронный // ЭБС Юрайт [сайт]. — URL: <https://www.biblio-online.ru/bcode/451906> (дата обращения: 27.02.2020).
15. Рыжов Э.В. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства: автореф. дис. канд. юрид. наук. - Томск, 2019. - 30 с.
16. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть / под ред. И.Д. Козочкина – М.: «Юрист», 2003. – 576 с.
17. Цыркалюк А.А. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства: автореф. дис. канд. юрид. наук. - М., 2011.- 23 с.
18. Эльмурзаев Д.И. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства: автореф. дис. канд. юрид. наук.- М., 2004.- 27 с.
19. Ястребов А.В. Особенности уголовной ответственности за преступную причастность к самоубийству в зарубежном уголовном законодательстве // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. - 2018.- №2 (26). - С.93.

FOREIGN EXPERIENCE IN COUNTERACTION FOR INCITEMENT TO SUICIDE

Abdullaeva Rano Abdualievna

Candidate of of juridical sciences,
associate professor, the head of the department of criminal law
Russian-Tajik (Slavonic) University
M. Tursunzade 30, 734025, Dushanbe, Republic of Tajikistan
Ph.: (+99237) 227 85 83, e-mail: abdullaeva.rano2014@yandex.ru

Abdukhaitov Valijon Abdukhalimovich

Doctor of Juridical Sciences,
professor of the department of criminal law
Russian - Tajik (Slavonic) University
M. Tursunzade 30, 734025, Dushanbe, Republic of Tajikistan
Tel.: (+992 37) 227 85 83, e-mail: valijon05@mail.ru

The article deals with considering the problems associated with counteraction and prosecution for incitement to suicide. The features of such a crime as incitement to suicide and its signs are revealed. Based on the analysis of the norms of the criminal legislation of foreign countries, a number of measures are proposed to counter this crime. The

features of such corpus delicti as incitement to suicide and their signs are revealed. According to the authors of the article, the Criminal Code of the Republic of Tajikistan should provide for the main and additional qualifying features: in relation to a woman who is financially or otherwise dependent on the perpetrator; by a group of persons by prior agreement or by an organized group; in a public speech, publicly displayed work, mass media or information and telecommunication networks (including the Internet), etc.

Key words: Criminal Code; criminal law; foreign countries; driving to suicide; Corpus delicti.

ТАҶРИБАИ ХОРИҶИИ МУКОВИМАТ БА ХУДКУШӢ РАСОНДАН

Абдуллаева Рано Абдуалиевна

номзади илмҳои ҳуқуқ, дотсент, мудири кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ
Донишгоҳи Славянии Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М.Турсунзода, 30
тел.: 2278583, e-mail: abdullaeva.rano2014@yandex.ru

Абдухамитов Валиҷон Абдуҳалимович

доктори илмҳои ҳуқуқ, профессори кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ
Донишгоҳи Славянии Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М.Турсунзода, 30
тел.: (+992 37) 227 85 83, e-mail: valijon.abduhamitov@mail.ru

Дар мақола мушкилоти марбут ба муқовимат ва таъқиб барои барангехтан ба худкушӣ баррасӣ гардида, меъёрҳои қонунгузории ҷиноии кишварҳои хориҷӣ таҳлил гардида, дар асоси он муаллифон як қатор чораҳои оид ба муқовимат бо ин ҷиноят пешниҳод кардаанд. Хусусиятҳои чунин ҷиноятҳои ҷиноятӣ ба монанди таҳрик ба худкушӣ ва нишонаҳои онҳо ошкор карда мешаванд. Дар Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон пешбинӣ шудааст, ки хусусиятҳои асосӣ ва иловагии таҳассусӣ пешбинӣ карда шаванд: нисбати зане, ки аз ҷиҳати моддӣ ё аз ҷиҳати ҷинояткор вобастагӣ дорад; аз ҷониби гурӯҳи шахсон бо маслиҳати пешакӣ ё гурӯҳи муташаккил; дар суҳанронии оммавӣ, қори ба таври оммавӣ намоиш додашуда, васоити ахбори омма ё шабакаҳои иттилоотӣ ва телекоммуникатсионӣ (аз ҷумла Интернет) ва ғайра.

Калидвожаҳо: Кодекси ҷиноятӣ; қонунгузории ҷиноятӣ; кишварҳои хориҷӣ; ҷиноят; Ҷинояти ҷиноятӣ; рондани худкушӣ.

УДК 343.541

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ ЖЕРТВАМ СЕКСУАЛЬНОГО ГЕНДЕРНО ОРИЕНТИРОВАННОГО НАСИЛИЯ (СГН)

Кошечев Владимир Юрьевич

старший преподаватель кафедры уголовного права юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 2278583, e-mail: vladi2700@gmail.com

Статья посвящена правовому регулированию оказания услуг в сфере медицины лицам, пострадавшим от сексуального гендерно ориентированного насилия (СГН) (преимущественно лицам женского пола, в том числе несовершеннолетним). Рассматриваются вопросы: какие медицинские услуги (в том числе профилактические), предоставляются жертвам СГН, типология медицинских услуг, необходимых жертвам СГН, характер медицинских услуг, в которых больше всего нуждаются жертвы СГН, особенно уязвимые группы населения, динамика изменения количества медицинских учреждений в сельской местности. Выявляются существующие препятствия на пути к медицинскому обслуживанию жертв СГН, предлагаются меры по их устранению. Отмечается наличие системы правовых возможностей, которыми наделяются граждане РТ, в том числе женщины и девочки. Авторам уточняется содержание понятия медицинских услуг для жертв СГН и делается вывод, что правовое регулирование оказания медицинских услуг жертвам сексуального насилия нуждается в дальнейшем реформировании и от его эффективности напрямую зависит качество предоставляемых услуг жертвам СГН.

Ключевые слова: жертва, сексуальное насилие, гендерное насилие, медицинские услуги, здравоохранение, правовое регулирование, женщины, девочки.



Основы правового регулирования сферы здравоохранения в РТ закладываются Конституцией РТ, в рамках которой провозглашается право каждого человека на охрану здоровья, а также устанавливается возможность пользования бесплатной медицинской помощью в государственных

учреждениях здравоохранения в порядке, определённом законодательством РТ (ст. 38).¹

В развитие положений Конституций РТ, с целью реализации прав граждан на охрану здоровья, определения порядка оказания медицинских услуг и деятельности учреждений здравоохранения был принят Кодекс здравоохранения РТ. В рамках данного акта устанавливается режим государственного регулирования и управления в сфере здравоохранения, определяются общая структура системы здравоохранения РТ, порядок её финансирования и обеспечения медицинскими кадрами, виды и формы медицинской помощи, а также права и обязанности граждан и работников системы здравоохранения.

Кодекс здравоохранения РТ осуществляет регулирование отношений, возникающих в сфере здравоохранения, исходя из признания равного доступа граждан к медицинской помощи и услугам с учётом предоставления повышенных гарантий для отдельных категорий граждан, требующих особой защиты (беременные женщины, дети).

В обеспечение равенства прав граждан на получение медицинской помощи, Кодекс здравоохранения РТ закрепляет систему правовых возможностей, которыми наделяются граждане РТ, в том числе женщины и девочки: право каждого на охрану здоровья (ст.36); экологическую, санитарно - эпидемиологическую и радиационную безопасность (ст. 37);

право на информацию о состоянии здоровья и факторах, влияющих на здоровье (ст. 39); право на обеспечение лекарственной, ортопедической и протезной помощи (ст. 41); право матери на охрану здоровья (ст.45); право детей на охрану здоровья (ст.46) и пр.¹

Оказание медицинской помощи в соответствии с требованиями Кодекса здравоохранения РТ должно осуществляться с учётом уважительного и гуманного отношения медицинских работников и обслуживающего персонала к больному (ст. 47).

Между тем Кодексом здравоохранения РТ (ст. 43) также предоставлено право гражданам отказаться от медицинской помощи, за исключением категорий граждан, требующих особого подхода (беременные женщины и несовершеннолетние, граждане, страдающие определёнными видами заболеваний).

С целью удовлетворения прав граждан Кодексом здравоохранения РТ определяются виды медицинской помощи (доврачебная, первичная, специализированная и др.), а также формы медицинской помощи (амбулаторная, стационарная, скорая, паллиативная и др.), которые могут быть предоставлены гражданам, в том числе женщинам и девочкам, в рамках медицинских учреждений РТ.

Виды медицинских услуг (в том числе профилактических), предоставляемых жертвам СГН.

С целью удовлетворения прав граждан на получение медицинской помощи Кодексом здравоохранения РТ (ст. 58 – 59) определяются виды и

формы медицинской помощи, которые могут быть предоставлены гражданам, в том числе женщинам и девочкам, в рамках медицинских учреждений, функционирующих в РТ.

К числу базовых видов медицинских услуг, выделяемых Кодексом здравоохранения РТ, как правило, относятся следующие из них: доврачебная, первичная, квалифицированная (высококвалифицированная) и специализированная медицинская помощь, а также медико-социальная помощь.

В свою очередь, основными формами, в рамках которых осуществляется оказание необходимой медицинской помощи, Кодекс здравоохранения РТ определяет: амбулаторно-поликлиническую и стационарную помощь, восстановительное лечение и медицинскую реабилитацию. Помимо этого, в качестве возможных форм медицинской помощи Кодекс здравоохранения РТ также называет: паллиативную помощь и сестринский уход; скорую медицинскую помощь и медицинскую помощь при чрезвычайных ситуациях (включая санитарную авиацию); народную медицину.

Порядок оказания основных видов медицинских услуг, закреплённых положениями Кодекса здравоохранения РТ, на данный момент устанавливается «Порядком оказания медико-санитарных услуг гражданам РТ учреждениями государственной системы здравоохранения», который был утверждён Постановлением Правительства РТ от 2 декабря 2008 г. №600.²

В рамках данного акта проводится расчёт тарифов платных медицинских услуг и устанавливается перечень бесплатных медико-санитарных услуг, оказываемых гражданам Республики Таджикистан учреждениями государственной системы здравоохранения.

В перечень медико-санитарных услуг, гарантированных населению, главным образом включены базовые виды медицинских услуг, связанные с: оказанием скорой и неотложной медицинской помощи; оказанием первичной медико-санитарной помощи (профилактика (консультирование, вакцинация, наблюдение); диагностикой (осмотр пациента, базовые лабораторные и диагностические исследования); лечением (медикаментозное лечение и манипуляции, инъекции, иммобилизация)); медицинской помощи в амбулаторных условиях и стационарах (экстренная стационарная помощь, родовспоможение женщинам, состоявшим на учете); стоматологические услуги и др.

При этом следует указать, что вопросы и механизмы противодействия гендерному насилию в отношении женщин и девочек применительно к учреждениям здравоохранения не нашли своего отражения в положениях Кодекса здравоохранения РТ.

В действующей редакции Кодекса здравоохранения РТ не содержится определение СГН в отношении женщин и девочек, правовой статус жертвы насилия, не предусматриваются особенности оказания медицинской помощи

¹ Кодекс здравоохранения Республики Таджикистан: Закон Республики Таджикистан от 30 мая 2017 года, №1413.

² Порядок оказания медико-санитарных услуг гражданам Республики Таджикистан учреждениями государственной системы здравоохранения от 2 декабря 2008г. № 600.

женщинам и девочкам, оказавшимся жертвами сексуального и гендерного насилия.

Вместе с тем определению понятия сексуального насилия уделено значительное внимание в научной литературе, на основе анализа которой может быть сформулировано и закреплено законодательное определение данного негативного явления.¹

Регулирование отношений, возникающих в сфере здравоохранения, осуществляется Кодексом здравоохранения РТ исходя из признания равного доступа граждан к медицинской помощи с учётом предоставления некоторых повышенных гарантий для отдельных категорий граждан (женщины, дети).

Ввиду преимущественно возмездного оказания медицинской помощи в РТ, Кодекс здравоохранения РТ закрепляет возможность в определённых случаях предоставление медицинской помощи безвозмездно, в том числе женщинам и детям, а также лицам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации (жертвы домашнего насилия).

Особое внимание Кодекс здравоохранения РТ уделяет вопросам обеспечения репродуктивных прав женщин и девочек, устанавливая свободу женщин в принятии решения о планировании семьи и деторождении, а также получения информации о репродуктивном здоровье и методах контрацепции.

Вопросы материнства и детства выделяются Кодексом здравоохранения РТ в особую категорию задач государства посредством закрепления тре-

бований к предоставлению медико-санитарной помощи женщинам в период беременности и родов, а также медицинской помощи матери и ребёнку.

В остальном вопросы оказания медицинской помощи женщинам и девочкам регулируются Кодексом здравоохранения РТ в рамках общих подходов, определяющих порядок обеспечения охраны здоровья населения и предоставления медицинских услуг, в том числе в сфере противодействия болезням, передающимся половым путём и ВИЧ/СПИД, психических расстройств, наркологических заболеваний и пр.

При этом следует указать, что для обеспечения защиты гражданам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, в том числе женщинам и детям, пострадавшим от любых форм насилия, Постановлением Правительства РТ от 13 декабря 2012 года, № 724 утверждён «Порядок и объёмы предоставления бесплатного социального обслуживания».

В соответствии с данным нормативным актом определяется перечень видов услуг, подлежащих предоставлению гражданам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, в том числе женщинам и детям, пострадавшим от любых форм насилия, и включающих в себя различные виды социально-медицинских и социально-психологических услуг.

В общий перечень социально-медицинских услуг, подлежащих предоставлению гражданам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, в том числе женщинам и детям, пострадавшим от любых форм насилия, включены следующие из них:

- оказание первичной медико-санитарной помощи;
- обеспечение ухода, в том числе оказание санитарно-гигиенических услуг;
- проведение медико-социальной экспертизы и медико-социального обследования;
- проведение медико-социальной адаптации и реабилитации;
- оказание квалифицированного медицинского консультирования;
- обеспечение техническими средствами ухода и реабилитации;
- обеспечение лекарственными средствами, техническими средствами ухода и изделиями медицинского назначения и др.

В общий перечень социально-психологических услуг, подлежащих предоставлению гражданам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, в том числе женщинам и детям, пострадавшим от любых форм насилия, включены следующие из них:

- социально-психологическое консультирование;
- психологическая диагностика и обследование личности;
- психологическая коррекция;
- психотерапевтическая помощь;
- экстренная психологическая и медико-психологическая помощь и др.

В рамках положений Закона РТ «О предупреждении насилия в семье» также содержится требование организации необходимой помощи лицу, пострадавшему от любых

¹ Ковалева М.А. Сексуальное насилие и сексуальная эксплуатация: криминологические и уголовно-правовые аспекты, предупреждение: дис. ...

форм насилия, включая первичную медицинскую, психологическую, наркологическую и лечебно-профилактическую.¹

С целью организации непосредственного предоставления услуг, востребованных гражданами, оказавшимися в трудной жизненной ситуации, в том числе женщинами и детьми, пострадавшими от любых форм насилия, Министерством здравоохранения и социальной защиты населения РТ было принято Положение «О медико-социальных реабилитационных кабинетах для жертв бытового насилия при родильных домах и центральных клинических больниц» (Приказ №973 от 20 октября 2018 г.).

В соответствии с данным нормативным актом Министерством здравоохранения и социальной защиты населения РТ предполагается системная организация предоставления медико-социальных услуг, определенных Постановлением Правительства РТ от 13 декабря 2012 года, № 724, для граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, в том числе женщинам и детям, пострадавшим от любых форм насилия.

На данный момент, Министерством здравоохранения и социальной защиты населения РТ организована деятельность 12 медико-социальных реабилитационных кабинетов для жертв бытового насилия при родильных домах и центральных клинических больницах.

Между тем, при организации деятельности данных кабинетов удалось обеспечить их территориальное присутствие в определённой пропорции в каждом из регионов РТ (г. Душанбе, РРП, Хатлонская область, Согдийская область). Вместе с тем следует указать, что по сравнению с общим количеством больничных медицинских учреждений в РТ (492 ед.), количество реабилитационных кабинетов не превышает 2,4%.

Количество услуг, предоставленных в рамках деятельности медико-социальных реабилитационных кабинетов для жертв бытового насилия при родильных домах и центральных клинических больницах, приведено в табл. №1. –

Таблица 1 Количество реабилитационных кабинетов для жертв бытового насилия²

№	Характеристика показателя	Период и количественные значения			
		2017	2018	2019	2020
1.	Количество реабилитационных кабинетов	5	8	12	12
2.	Количество потребителей услуг	122	140	138	110

Следует также отметить, что Министерство здравоохранения и социальной защиты населения РТ проводит активную политику по привлечению общественных организаций к процессу оказанию услуг гражданам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации.

Характер медицинских услуг, в которых больше всего нуждаются жертвы СГН как особенно уязвимые группы населения.

Согласно официальной

статистике, характер домашнего насилия в РТ имеет следующую структуру: физическое насилие (55%), психологическое насилие (30%), экономическое насилие (10%) и сексуальное насилие (5%).³

Принимая во внимание данные статистики, в результате насилия в отношении женщины и девочки (физического, сексуального, психологического) может быть причинён вред здоровью различного характера, включая:

- физические травмы (включая сексуальное насилие), выражающиеся как в виде повреждения поверхностных покровов кожи (раны, ожоги, кровоподтёки, синяки, царапины и пр.), так и тяжелых телесных повреждений, таких как переломы костей, повреждения внутренних органов и пр.;
- психологические травмы, выражающиеся в проявлении эмоциональных про-

¹ О предупреждении насилия в семье. Закон Республики Таджикистан от 19 марта 2013 года № 954.

² Данные Аналитического отчета Филиал ГОПА мБХ в РТ 2021. [Электронный ресурс]. <https://pdv.tj/publicaczi/>. (Дата обращения: 02.09.2021.)

³ Картирование структур и механизмов оказания помощи и защиты жертвам насилия в семье в Хатлонской области и г. Душанбе, Республика Таджикистан. Март 2021 г.

блем, беспокойства, суицидальных мыслей, физической депрессии и пр.;

– сопутствующих проблем для здоровья женщины и девочки ставшей жертвой СГН, выражающихся в заражении инфекциями, передаваемыми половым путем (ИППП), ВИЧ – инфекцией, преждевременных родах, и пр.

С учётом указанного характера последствий насильственных действий, примененных в отношении женщины и девочки (физического, сексуального, психологического), ключевыми видами медицинских

услуг, которые могут потребоваться женщинам и девочкам с целью защиты и восстановления физического здоровья и эмоционального благополучия женщины и девочки, являются следующие из них:

- выявление женщин, подвергнутых СГН;
- первичная медико-санитарная помощь, включая медикаментозное лечение;
- медицинские услуги в сфере репродуктивного и сексуального здоровья женщины и девочки;
- медицинские услуги, связанные с психологическими и

психическими нарушениями;

- документальное оформление фактов применения сексуального гендерного насилия;
- проведение судебно-медицинской экспертизы фактов применения сексуального гендерного насилия.

В рамках приведенного перечня медицинских услуг к числу наиболее важных для женщин и девочек, ставших жертвами СГН, как правило, выделяются отдельные их разновидности, общий перечень которых приведён в табл. 2.

Таблица 2 Типология медицинских услуг, необходимых жертвам СГН

№	Виды медицинских услуг	Характер медицинских услуг
1.	Выявление женщин и девочек, подвергнутых СГН	<ul style="list-style-type: none"> – выявление женщин и девочек - жертв СГН в рамках обращения за медицинской помощью; – информирование о наличии доступных услуг для женщин и девочек - жертв СГН.
2.	Первичная медицинская помощь, включая медикаментозное лечение;	<ul style="list-style-type: none"> – реализация срочных мер по устранению факторов, угрожающих жизни и здоровью, лечению травм и других опасных состояний; – определение потребности в профилактике, диагностике, лечении заболеваний, превенция опасных осложнений, направление в лечебное учреждение; – организация ухода, оказания содействия в проведении оздоровительных мероприятий, систематического наблюдения для выявления отклонений в состоянии здоровья.
2.	Медицинские услуги в сфере репродуктивного и сексуального здоровья женщин и девочек;	<ul style="list-style-type: none"> – предоставление услуг по профилактике нежелательной беременности, – предоставление услуг по профилактике ВИЧ и инфекций, передающихся половым путем (ИППП); – предоставление услуг по экстренной контрацепции в случае факта сексуального насилия; – предоставление услуг по безопасному аборту в случае возникновения беременности.
3.	Медицинские услуги, связанные с психологическими и психическими нарушениями;	<ul style="list-style-type: none"> – оценка психического состояния; – оказание помощи в проведении коррекции психологического состояния; – оказание помощи при наличии более тяжелых психических расстройств.

4.	Документальное оформление фактов применения сексуального гендерного насилия;	– осуществление детальной фиксации телесных повреждений (психического состояния); – подготовка официальных документов о физическом (психическом) состоянии.
5.	Проведение судебно-медицинской экспертизы фактов применения сексуального гендерного насилия.	– проведение судебно-медицинской экспертизы в порядке, определённом законодательством; – оформление медицинского заключения по итогам проведения судебно-медицинской экспертизы.

Требования относительно необходимости обеспечения женщин и девочек, ставших жертвами СГН, соответствующими видами медицинской помощи содержатся в двух ведомственных актах, принятых Министерством здравоохранения и социальной защиты населения РТ, в том числе:

- Типовое положение о Кабинетах медико-социальной реабилитации женщин-жертв насилия (Приказ Министра здравоохранения и социальной защиты населения РТ № 973 от 20.10.2018);
- Инструкция для сотрудников сферы здравоохранения по реагированию на случаи насилия в семье (Приказ Министра здравоохранения и социальной защиты населения РТ № 44 от 11.05.2018.

Разработка и принятие данных документов Министерством здравоохранения и социальной защиты населения РТ осуществлялись в соответствии с требованиями Закона РТ «О предупреждении насилия в семье».

Препятствия на пути к медицинскому обслуживанию жертв СГН.

На основе проведённого исследования удалось установить, что в РТ существует довольно широкий спектр факторов, которые могут препятствовать женщинам и девочкам в

получении медицинского обслуживания, в том числе:

Отсутствие информации об организациях, оказывающих специализированную медицинскую помощь жертвам СГН

Одним из основных препятствий на пути к медицинскому обслуживанию женщин и девочек в качестве жертв СГН является отсутствие соответствующей информации относительно организаций, которые могут предоставить бесплатную специализированную медицинскую помощь жертвам СГН.

В соответствии с требованиями Закона РТ «О противодействии насилию в семье» (ст. 9) и Государственной программы по предупреждению насилия в семье в РТ на 2014-2023 годы¹ со стороны государственных органов и общественных организаций предпринимаются информационные и агитационные меры по предупреждению насилия в семье, в том числе об организациях, предоставляющих медицинскую помощь жертвам СГН.

Вместе с тем, принимая во внимание неэффективность средств, используемых для распространения соответствующей информации (личные беседы, лекции, социальная реклама, художественные фильмы и брошюры), эффект

от проведения информационных кампаний имел ограниченный характер.

Ограниченность доступа к информации относительно организаций, которые могут оказать медицинские услуги женщинам и девочкам, ставшим жертвами СГН, особенно проявляется в сельской местности, в которой не имеется доступ к средствам информации и коммуникации (телевидение, интернет, мобильная связь и пр.).

Нежелание предавать гласности применение практики СГН

Женщины и девочки, как правило, опасаются обращаться в медицинские учреждения, чтобы не был раскрыт факт применения практики СГН, из-за чувства стыда, боязни осуждения или страха перед своим окружением.

Боязнь позора и стереотипное представление, согласно которому женщина или девочка должна терпеть насилие, способствуют тому, что пострадавшие от насилия в семье не обращаются за получением медицинской помощи.

Ограниченное присутствие медицинских учреждений в сельской местности

Как следует из данных международных исследований, средний уровень вовлеченности сельского населения РТ в

¹ Государственная программа по предупреждению насилия в семье в Республике Таджикистан на 2014 -

лечебно-профилактические мероприятия не превышает 60% от его общего количества.¹

Данное обстоятельство связано, как правило, с тем, что большая часть населения РТ (70%) проживает в отдаленной, зачастую труднодоступной сельской местности, в связи, с

чем доступ сельских жителей к медицинским услугам в значительной степени зависит от расстояния между медицинским учреждением и местом их проживания.

Исходя из текущей структуры государственных меди-

цинских учреждений, приведённой в табл. 3, можно прийти к выводу, что основными поставщиками медицинских услуг в сельской местности являются дома здоровья и сельские центры здоровья, в которых работают фельдшеры, семейные медсёстры и врачи.

Таблица 3 Динамика изменения количества медицинских учреждений в сельской местности²

№	Виды медицинских учреждений, функционирующих в сельской местности	Период			
		2016	2017	2018	2019
1.	Районные больницы, включая центральные	120	119	120	120
2.	Сельские участковые больницы	128	129	129	128
3.	Сельские центры здоровья	821	831	844	854
4.	Медицинские дома	1704	1719	1711	1703

При этом основными факторами, влияющими на качество оказания медицинской помощи сельскому населению со стороны указанных медицинских учреждений, являются низкая квалификация медперсонала, слабая оснащённость медоборудованием, отсутствие лекарственных препаратов и пр.

В связи с этим у женщин и девочек, ставших жертвами СГН, которые проживают в сельских и горных районах РТ, могут возникать определённые трудности с доступом к медицинской помощи и сопутствующим услугам.

• **Дефицит специализированных медицинских учреждений, оказывающих услуги женщинам и девочкам в качестве жертв СГН**

Как было отмечено выше, в РТ на данный момент функционируют 12 Кабинетов медико-социальной реабилитации женщин-жертв насилия при родильных домах и центральных клинических больницах, которые специализируются на оказании медицинских услуг женщинам и девочкам, ставшим жертвами СГН.

Создание данных медицинских учреждений осуществляется в соответствии с требо-

ваниями Закона «О предупреждении насилия в семье», для приема потерпевших, оказания им необходимой безвозмездной медицинской, психологической, правовой и социальной помощи и предоставления убежища для временного пребывания.

Территориально созданные Кабинеты медико-социальной реабилитации женщин-жертв насилия при родильных домах и центральных клинических больницах примерно пропорционально распределены между четырьмя основными регионами РТ, основные сведения о которых приводятся в таблице №4.

Таблица 4 Территориальное распределение Кабинетов медико-социальной реабилитации

№	Регион РТ	Количество административно территориальных единиц	Количество Кабинетов медико-социальной реабилитации
1.	Душанбе	4 ед.	3 ед.

¹ Отчет Национального центра репродуктивного здоровья по количеству обращений, пострадавших от насилия в семье за 2017 год.

² Здравоохранение в Республике Таджикистан. Статистический ежегодник / Агентство по статистике при Президенте РТ. 2020 г. Душанбе, 2020.

**12.00.08 – УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ;
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО**

2.	РРП	13 ед.	3 ед.
3.	Хатлонская область	25 ед.	4 ед.
4.	Согдийская область	14 ед.	2 ед.
5.	ГБАО	8 ед.	0 ед.

Принимая во внимание общее количество районов, входящих в состав РТ, невысокий уровень разветвленности коммуникаций, ограниченные возможности населения, число действующих в них Кабинетов медико-социальной реабилитации женщин-жертв СГН можно считать крайне недостаточным и препятствием в получение специализированной помощи женщинам и девочкам.

• Недостаточный функционал специализированных медицинских учреждений, оказывающих услуги женщинам и девочкам жертвам СГН

Функционирующие на данный момент Кабинеты медико-социальной реабилитации, созданные при родильных домах или центральных клинических больницах, на данный момент имеют ограниченный потенциал по оказанию медицинских услуг женщинам и девочкам, являющимся жертвами СГН.

Ограниченный потенциал указанных специализированных медицинских учреждений по предоставлению медицинских услуг женщинам и девочкам, являющимся жертвами СГН, обусловлен следующими факторами:

- ограниченное количество мест для размещения непосредственного потенциальных потребителей услуг;
- ограниченный период нахождения потребителя

услуг в рамках специализированных медицинских учреждений (не более 5 дней);

- ограниченные возможности персонала по уходу за женщинами и девочками - жертвами СГН ввиду необходимости выполнять основной круг обязанностей (уход за роженицами, приём и обслуживание иных пациентов и пр.);
- недостаточная квалификация персонала в части консультирования потенциальных жертв относительно возможных действий по решению сложившейся проблемы.

Соответственно ограниченный потенциал Кабинетов медико-социальной реабилитации по оказанию медицинских услуг женщинам и девочкам, являющимся жертвами СГН, так же может выступать препятствием на пути к медицинскому обслуживанию жертв СГН.

• Отсутствие социально-психологической помощи

В рамках деятельности государственных медицинских учреждений практически отсутствует профессиональная квалифицированная психологическая помощь женщинам и девочкам, пострадавшим от СГН.

Психологическая терапия для женщин и девочек, пострадавших от СГН, имеет довольно важный характер, поскольку позволяет сформировать у последних устойчивые

навыки противодействия насилию, самостоятельности и уверенности в собственных силах, особенно в ситуациях суицидальных попыток.

В связи с этим требуется предпринять необходимые меры по предоставлению женщинам и девочкам, пострадавшим от СГН, услуг квалифицированных психологов в рамках общей деятельности Кабинетов медико-социальной реабилитации, а также иных медицинских учреждений, оказывающих соответствующие услуги.

• Проблемы с доступом к медицинской экспертизе

В РТ в рамках уголовного преследования по делу о СГН в отношении женщин и девочек требуется прохождение процедуры освидетельствования (судебно-медицинской экспертизы) с целью установления характера и тяжести причинённого вреда здоровью (мучений, истязаний) и состояния полового здоровья в результате СГН.

Проведение освидетельствования (судебно-медицинской экспертизы) жертв СГН, как правило, проводится в специализированных учреждениях – Центрах и межрайонных отделениях судебно-медицинской экспертизы.

Несмотря на довольно широкое распространение учреждений судебно-медицинской экспертизы в РТ (30 ед.), женщины и девочки, которые хотят получить документальное под-

тверждение факта насилия, могут столкнуться с трудностями, особенно в сельских районах, где отсутствуют службы, способные оперативно выдать направление к медицинскому эксперту.

Кроме того, жертвы СГН вправе рассчитывать на бесплатное проведение судебно-медицинской экспертизы только при наличии направления правоохранительных органов. В случае инициативного

обращения за проведением судебно-медицинской экспертизы со стороны жертвы СГН требуется осуществление оплаты в соответствии с установленным Министерством здравоохранения и социальной защиты населения РТ прекурсантом.

Одной из проблем проведения судебно-медицинской экспертизы также является её проведение, как правило, со стороны врачей-мужчин, что

также может сдерживать женщин от обращения за документальным подтверждением факта СГН.

Подводя итог, можно отметить, что правовое регулирование оказания медицинских услуг жертвам сексуального насилия нуждается в дальнейшем реформировании, и от его эффективности напрямую зависит качество предоставляемых услуг жертвам СГН.

Библиографический список

1. Конституция Республики Таджикистан: Принята всенародным голосованием от 6 ноября 1994 года. // Централизованный Банк Правовой Информации «Адлия» Министерства юстиции РТ
2. Кодекс здравоохранения Республики Таджикистан от 30 мая 2017 года №1413 // Централизованный Банк Правовой Информации «Адлия» Министерства юстиции РТ
3. О предупреждении насилия в семье: Закон Республики Таджикистан от 19 марта 2013 года, № 954 // Централизованный Банк Правовой Информации «Адлия» Министерства юстиции РТ
4. Аналитический отчет Филиал ГОПА мБХ в РТ 2021. [Электронный ресурс]. <https://pdv.tj/publicaczi/>. дата обращения: 02.09.2021.
5. Государственная программа по предупреждению насилия в семье в Республике Таджикистан на 2014 - 2023 годы от 3 мая 2014 года № 294 // Централизованный Банк Правовой Информации «Адлия» Министерства юстиции РТ
6. Здравоохранение в Республике Таджикистан. Статистический ежегодник / Агентство по статистике при Президенте РТ. – Душанбе, 2020.
7. Картирование структур и механизмов оказания помощи и защиты жертвам насилия в семье в Хатлонской области и г. Душанбе, Республика Таджикистан. Март 2021 г.
8. Ковалева М.А. Сексуальное насилие и сексуальная эксплуатация: криминологические и уголовно-правовые аспекты, предупреждение: дис. ... канд.юрид.наук: 12.00.08. - Спб, 2006 - 260 с.
9. Отчет Национального центра репродуктивного здоровья по количеству обращений, пострадавших от насилия в семье за 2017 год. [Электронный ресурс] // shorturl.at/fADOU. Дата обращения 29.08.2021.
10. Порядок оказания медико-санитарных услуг гражданам Республики Таджикистан учреждениями государственной системы здравоохранения от 2 декабря 2008г. № 600. // Централизованный Банк Правовой Информации «Адлия» Министерства юстиции РТ

LEGAL FRAMEWORK FOR PROVIDING HEALTHCARE SERVICES FOR VICTIMS OF SEXUAL GENDER-ORIENTED VIOLENCE (SGBV)

Koshcheev Vladimir Yurievich

senior lecturer of the Department of criminal law of the faculty of law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
tel.: 2278583, e-mail: vladi2700@gmail.com

The article is devoted to the legal regulation of the provision of medical services to persons who have suffered from sexual gender-based violence (SGBV) (mainly to women, including minors). The article discusses the following issues: what medical services (including preventive ones) are provided to victims of SGBV, the typology of medical services necessary for victims of SGBV, the nature of medical services that victims of SGBV most need, especially vulnerable groups of the population, the dynamics of changes in the number of medical institutions in rural areas terrain. Existing barriers to health care for victims of SGBV are identified, and measures are proposed to address them. It is noted that there is a system of legal opportunities that are provided to citizens of

the Republic of Tajikistan, including women and girls. The author clarifies the content of the concept of medical services for victims of SGBV, and concludes that the legal regulation of the provision of medical services to victims of sexual violence needs further reform and the quality of services provided to victims of SGBV directly depends on its effectiveness.

Keywords: *victim, sexual violence, gender-based violence, medical services, health care, legal regulation, women, girls.*

**ТАЪМИНИ ЧОРАҶОИ ҲУҚУҚИИ ХИЗМАТРАСОНИИ ТАНДУРУСТӢ БАРОИ ҚУРБОНИЁНИ ЗУРОВАРИ
ЧИНСӢ БАР АСОСИ ГЕНДЕР (ЧГБВ)**

Кощев Владимир Юрьевич

муаллими калони кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ факултети ҳуқуқшиносии
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, к. М. Турсунзода, 30
тел.: 2278583, e-mail: vladi2700@gmail.com

Мақола ба танзими ҳуқуқи хизматрасонӣ дар соҳаи тиб ба шахсоне, ки аз зӯровари чинсӣ (ЧГБВ) азият мекашанд (асосан ба занон, аз ҷумла ноболиғон) бахшида шудааст. Дар мақола масъалаҳои зерин баррасӣ мешаванд: чӣ гуна хизматҳои тиббӣ (аз ҷумла профилактикӣ) ба ҷабрдидагони ЧГБВ пешниҳод карда мешаванд, типологияи хизматрасонии тиббӣ, ки барои ҷабрдидагони ЧГБВ заруранд, хусусияти хизматрасониҳои тиббӣ, ки қурбониёни ЧГБВ, махсусан гурӯҳҳои осебпазири аҳоли ба он бештар ниёз доранд, динамикаи тағйир ёфтани шумораи муассисаҳои тиббӣ дар дехот. Монеадои мавҷуда дар роҳи нигаддории тандурустӣ ба ҷабрдидагони ЧГБВ муайян карда шуда, барои бартараф намудани онҳо тадбирҳо пешниҳод карда мешаванд. Гуфта мешавад, ки низоми имкониятҳои ҳуқуқӣ вуҷуд дорад, ки ба шахрвандони Ҷумҳурии Тоҷикистон, аз ҷумла ба занону духтарон фароҳам оварда шудааст. Муаллиф мазмуни мафҳуми хизматрасонии тиббиро ба қурбониёни зӯровари чинсӣ тавзеҳ дода, ба хулосае омадааст, ки танзими ҳуқуқи хизматрасонии тиббӣ ба қурбониёни зӯровари чинсӣ ба ислоҳоти минбаъда ниёз дорад ва сифати хизматрасонӣ ба қурбониёни ЧГБВ бевосита аз он вобаста аст. самаранокӣ.

Калидвожаҳо: *қурбонӣ, зӯровари чинсӣ, зӯровари гендерӣ, хадамоти тиббӣ, тандурустӣ, танзими ҳуқуқӣ, занон, духтарон*

О ПРОБЛЕМАХ АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ
ТАДЖИКИСТАН

Ярашев Зафар Мамурович

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права
Российско-Таджикский (Славянский) университет
Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992 37) 227-97-93, e-mail: ugovnoepravo2021@mail.ru

Настоящая статья затрагивает одну из наиболее проблем современной юриспруденции Таджикистана, которая на нынешнем этапе требует к себе повышенного внимания в связи с тем, что такой обширный институт защиты прав человека, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию, как адвокатура, не имеет под собой столь нужного твердого фундамента для успешного выполнения своих задач перед обществом. Являясь субъектом международного права, мы должны соответствовать всем его нормам, независимо от того, готовы они к этому или нет. Яркий пример можно привести и с некогда проводимыми судебными реформами, когда только на 25-ый год своей независимости страна пришла к выводу, что ст.86 Конституции противоречит ст.84 и ст.9, когда подрывались основы государственной власти, а именно судебной, поскольку орган исполнительной власти осуществлял подбор, расстановку и учебу судебных органов. И лишь в 2016 году в результате всенародного референдума по поправкам в Конституцию этот пробел был ликвидирован, Совет юстиции, как орган исполнительной власти, был упразднен, а в Конституционный закон «О судах» были внесены соответствующие поправки. Несвоевременное устранение ошибок привело к тому, что подавляющее большинство населения страны до сих пор не доверяет судебным органам. Спустя 30 лет независимости, до сих пор все еще не устранено несовершенство законодательства о деятельности адвокатуры, а также его основного Закона «Об адвокатуре и адвокатской деятельности», принятого 14 мая 2016г., за №1311, что негативно сказывается на адвокатской работе и не способствует правосудию, как таковому.

Ключевые слова: адвокатура, независимость, профессиональные объединения, права и интересы, законодательство об адвокатуре, международные стандарты.



Закон Республики Таджикистан «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» устанавливает правовые основы адвокатской деятельности, права и обязанности, а также органи-

зацию адвокатуры.¹ Независимость адвокатуры – это независимость каждого адвоката, в частности, от органов государственной власти, иных властных структур, должностных лиц. Независимость в выборе способов осуществления деятельности, а также личная неприкосновенность адвоката в Таджикистане установлены Конституцией (ст.19), Уголовным процессуальным кодексом и вышеуказанным законом «Об адвокатуре и адвокатской деятельности».

К сожалению, некоторые гарантии независимости адвоката зачастую не соблюдаются. Этому способствует недостаточно хорошо разработанная законодательная база, а также

противоречивая правоприменительная практика. При этом необходимо напомнить, что соблюдение гарантий независимости адвоката требуется как для обеспечения возможности адвоката оказывать профессиональную юридическую помощь, так и для соблюдения такого важного принципа, как состязательство судебного процесса, а также для защиты прав каждого человека на справедливое правосудие.

К сожалению, на сегодняшний день в Таджикистане существует недостаток научных трудов, исследующих эту тему, чем и определяется актуальность данной статьи.

Статья 92 Конституции страны устанавливает право

каждого на получение квалифицированной юридической помощи. Таким образом, главным законом страны гарантируется право каждого на квалифицированную юридическую помощь, которую и осуществляет адвокатура, однако адвокаты, получившие этот статус, должны быть защищены от постороннего вмешательства в их деятельность, как это заложено в международных стандартах по защите и повышению роли адвокатов (Основные принципы ООН, принятые VIII Конгрессом ООН в Гаване в сентябре 1990г.).¹

Итак, независимость является краеугольным камнем во всей системе адвокатской деятельности.

Во исполнение данного принципа, законодательство предусматривает различные положения, обеспечивающие независимость адвоката. К примеру, в Федеральном законе №63 «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» установлен запрет на вмешательство в адвокатскую деятельность и на создание каких-либо препятствий этой деятельности (п.1 ст.18). В п.1 ст.23 Закона Республики Таджикистан «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» правительством не были учтены предложения адвокатского сообщества страны, которые отражали бы принципы независимости адвокатов. Эти предложения выносились на обсуждение еще в 2014 году профессиональными адвокатами: коллегией адвокатов Хатлонской области РТ в лице председателя Г.Б. Бобоева, коллегией адвокатов Согдийской области РТ в лице заместителя председателя С.М. Саидова,

коллегией адвокатов РТ «Сипар» в лице председателя Б.Р. Ерова, коллегией независимых адвокатов г. Душанбе в лице председателя Ф.Д. Зокирова и Ассоциацией адвокатов Республики Таджикистан «Хамкори» в лице председателя Я.М. Маруфова, совместно представляющих адвокатское сообщество Республики Таджикистан.

Таджикские адвокаты, осознавая возможности адвокатского сообщества при построении демократического государства и гражданского общества, а также принимая во внимание необходимость реформирования института адвокатуры Республики Таджикистан, разработки и внесения изменений во многие законодательные акты, связанные со статусом адвоката в правовой системе, учитывая свою готовность к проведению реформы адвокатуры и сотрудничеству в этой сфере, в том числе конструктивному обсуждению представленного проекта Закона «Об адвокатуре и адвокатской деятельности», обеспечению гласности и прозрачности мероприятий, проводимых в связи с этим, сформулировав единую точку зрения, составили и подписали предложения о внесении изменений и дополнений в проект Закона «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» в качестве общей итоговой позиции для представления ее рабочей группе по разработке проекта закона.

В данных предложениях были учтены практически все моменты международных стандартов адвокатской деятельности, но они не были учтены законодателями при принятии закона.

В частности, сообществом было предложено принять решение о присвоении статуса адвоката квалификационной комиссией Союза адвокатов Республики Таджикистан после сдачи квалификационного экзамена лицом, претендующим на приобретение статуса адвоката. В итоге в Законе статьей 12 ч.3 было определено: «Решение о присвоении статуса адвоката принимает квалификационная комиссия Министерства юстиции Республики Таджикистан после сдачи лицом, претендующим на приобретение статуса адвоката квалификационного экзамена». Министерство юстиции является органом исполнительной власти, в то время как даже новый закон определяет адвокатуру как профессиональное сообщество и институт гражданского общества, не входящий в систему органов государственной власти и органов местного самоуправления (п.1 ст.6).² Законом определено, что председателем квалификационной комиссии является один из заместителей министра юстиции страны (п.3 ст.13).

В качестве международного стандарта по такому важному вопросу можно привести законодательство Российской Федерации: «Решение о присвоении статуса адвоката принимает квалификационная комиссия адвокатской палаты субъекта РФ после сдачи лицом, претендующим на приобретение статуса адвоката квалификационного экзамена». При этом председателем квалификационной комиссии является

¹ https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/role_lawyers.shtml

² Об адвокатуре и адвокатской деятельности: Закон Республики Таджикистан.

президент адвокатской палаты субъекта РФ по должности.¹

Конечно, новая редакция закона вызывает много вопросов, касающихся адвокатской деятельности в Таджикистане, множество противоречивых мнений как у самих адвокатов, так и у законодателей, потому что принять закон - это одно, а как его применять на практике при сложившихся обстоятельствах экономического, социального состояния страны - уже другое.

Законодатели также не учли такие рекомендации специалистов, как, например, «квалификация претендента». Имеется в виду стаж работы по юридической специальности, необходимого для приобретения статуса адвоката.

Немаловажным моментом является не только принятое в новом законе положение

о председателе квалификационной комиссии, но и по составу квалификационной комиссии, где представители органов исполнительной и законодательной власти составляют большинство ее членов.

То же самое можно сказать и по адвокатскому удостоверению, которое выдает Министерство юстиции - опять же орган исполнительной власти. Есть вопросы и по ответственности за вмешательство в деятельность адвоката.

Уголовным кодексом РТ установлена ответственность за: воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста (ст.162), воспрепятствование законной предпринимательской деятельности (ст.258), применение насилия в отношении представителя власти (ст.328), угрозы в отношении сотрудников правоохранительных органов или

военнослужащих (ст.329), воспрепятствование осуществлению правосудия, производству дознания и следствия (ст.345)², а вот за нарушение прав и интересов адвоката ответственность не установлена, несмотря на то, что адвокат наравне с прокурором и следователем является отдельным и полноценным участником состязательного процесса.

Адвокатский иммунитет, привлечение адвоката к ответственности требуют дополнительной обработки в юридических комиссиях законодательного органа страны, привлечение широкого круга профессиональных юристов этого направления в их объединениях, поскольку это веяние времени, которое особенно требуется в условиях современного Таджикистана.

Библиографический список

1. Конституция Республики Таджикистан: принята всенародным голосованием от 06.11.1994г. (ред. от 22.05.2016г.) – [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://ncz/tj> (дата обращения: 20.12.2021)
2. Об адвокатуре и адвокатской деятельности: Закон Республики Таджикистан от 14.05.2016г// Ахбори Маджлиси Оли РТ - 2015 - №1311.
3. Об адвокатской деятельности и адвокатуре: Федеральный закон Российской Федерации от 31 мая 1998г. (07.08.2020) – [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://ncz/tj> (дата обращения: 20.12.2021).
4. Уголовный кодекс Республики Таджикистан: Закон Республики Таджикистан от 21 мая 1998г. (07.08.2020) – [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://ncz/tj>(дата обращения: 20.12.2021).
5. Дмитриенко А.В. Правоохранительные органы Российской Федерации. - М.:Инфра-М., 2017. – 211 с.

¹ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре Российской Федерации» Федеральный Закон // Собрание законодательства РФ. 2002. №23. Ст.2102.

² Уголовный кодекс Республики Таджикистан: Закон

Республики Таджикистан от 21.05.1998г. (07.08.2020г.) – [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://ncz/tj>.

Yarashev Zafar Mamurovich

Candidate of juridical sciences,
associate professor of the department of criminal law
Russian-Tajik (Slavonic) University
M. Tursunzade 30, 734025, Dushanbe Republic of Tajikistan
Ph.: (+992 37) 227-97-93, e-mail: ugovnoepravo2021@mail.ru

This article deals with one of the urgent problems of modern jurisprudence in Tajikistan, which at the current stage requires increased attention due to the fact that such an extensive institution for the protection of human rights, freedoms and interests, as well as ensuring access to justice, as the Bar, does not have under a much-needed solid foundation for the successful fulfillment of its task for society. As a subject of international law, we must comply with all its norms, whether they are ready for it or not. A vivid example can be given with the once-carried out judicial reforms, when only in the 25th year of its independence, the country came to the conclusion that Article 86 of the Constitution contradicts Article 84 and Article 9, when the foundations of state power, namely the judiciary, were undermined, since the executive authority carried out the selection, placement and study of the judiciary. And only in 2016, as a result of a nationwide referendum on amendments to the Constitution, this gap was eliminated, the Council of Justice, as an executive body, was abolished, and the Constitutional Law “On Courts” was amended accordingly. The untimely elimination of errors has led to the fact that the vast majority of the country's population still does not trust the judiciary. After 30 years of independence, the imperfection of the legislation on the activities of the bar, as well as its main Law “On the Bar and Lawyer Activities”, adopted on May 14, 2016, No. 1311, has not yet been eliminated, which negatively affects the work of the lawyer and does not contribute to justice as such.

Keywords: advocacy; independence; professional associations; rights and interests; legislation on advocacy; international standards.

ПРОБЛЕМАҲОИ ФАЪОЛИЯТИ АДВОКАТОН ДАР ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН

Ярашев Зафар Маъмурович
номзади илмҳои таърих, дотсенти кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, к. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992 37) 227-97-93, E-mail: ugovnoepravo2021@mail.ru

Мақолаи мазкур ба яке аз масъалаҳои мубрами ҳуқуқшиносии муосири Тоҷикистон дахл мекунад, ки дар марҳалаи кунунӣ тавачҷуҳи бештарро тақозо мекунад, зеро чунин як ниҳоди густурдаи ҳифзи ҳуқуқ, озодиҳо ва манфиатҳои инсон, инчунин таъмини дастрасии адлия, ҳамчун адвокатура барои бомуваффақият иҷро намудани вазифаҳои дар назди ҷамъият гузошташуда заминаи мустаҳкамӣ зарурӣ надорад. Ҳамчун субъекти ҳуқуқи байналмилалӣ мо бояд тамоми меъёрҳои онро риоя кунем, новобаста аз он ки онҳо ба он омодаанд ё не. Мисоли равшани ислоҳоти як замонҳои судӣ-ҳуқуқиро метавон мисол овард, ки танҳо дар 25-умин соли истиқлолияти худ кишвар ба ҳуҷум омад, ки моддаи 86 Конститутсия хилофи моддаҳои 84 ва 9 буд, вақте ки асосҳои ҳокимияти давлатӣ, яъне суд, аз он сабаб, ки мақомоти иҷроия интиҳоб, ҷо ба ҷо гузоштан ва тарбия намудани мақомоти адлияро ба ҷо меовард, хароб гардид. Ва танҳо дар соли 2016 дар натиҷаи рағбурсии умумихалқӣ оид ба ворид намудани тағйири иловаӣ ба Конститутсия ин фосила бартараф карда шуда, Шӯрои адлия ҳамчун мақомоти иҷроия барҳам дода шуд ва ба Қонуни конститутсионии «Дар бораи судҳо» тағйироти дахлдор ворид карда шуд. Сарӣ вақт бартараф накардани хатоҳо ба он оварда расонд, ки аксарияти қуллии аҳолии республика ҳануз ба органҳои судӣ боварӣ надоранд. Бо гузашти 30 соли истиқлолият номукаммалӣ қонунгузорӣ дар бораи фаъолияти коллегияи адвокатҳо, инчунин Қонуни асосии он «Дар бораи адвокатура ва фаъолияти ҳуқуқӣ», ки 14 майи соли 2016 бо № 1311 қабул шудааст, то ҳол бартараф нашудааст. ки ба кори адвокат таъсири манфӣ мерасонад ва ба адолати судӣ чун ин мусоидат намекунад.

Калидвожаҳо: *адвокатура, истиқлолият, иттиҳодияҳои касбӣ, ҳуқуқ ва манфиатҳо, қонунгузорӣ дар бо-
раи адвокатура, стандартҳои байналмилалӣ.*

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА ЗАЩИТУ ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Татьянина Лариса Геннадьевна¹

доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой уголовного процесса и правоохранительной деятельности
Институт права, социального управления и безопасности
ФГБОУ ВО «Удмуртский Государственный Университет»
426000, Российская Федерация, Ижевск, ул. Университетская, 1, корпус 4,
e-mail: larisa-lisa@mail.ru

В статье рассматриваются отдельные вопросы, связанные с реализацией права на защиту, в уголовном процессе Республики Таджикистан и Российской Федерации, обосновываются пути из устранения. Проводится сравнительно-правовой анализ соответствующих положений уголовно-процессуального законодательства. Автор обращает внимание на имеющиеся противоречия в обеспечении права на защиту по Уголовно-процессуальным кодексам России и Таджикистана, на отсутствие гарантий, касающихся обеспечения квалифицированной юридической помощи при осуществлении права на защиту. Автор пришел к выводу, что и Россия, и Таджикистан могут восполнить имеющиеся в законодательстве пробелы в регулировании реализации права на защиту в уголовном процессе.

Ключевые слова: защитник, право на защиту, законный представитель, задержанный, подозреваемый, обвиняемый, квалифицированная защита



Право на защиту является незабываемым правом лиц, привлекаемых к уголовной ответственности. Согласно ч. 1 ст. 16 УПК Российской Федерации (далее УПК РФ) право на защиту обеспечивается подозреваемому и обвиняемому. Учитывая, что в широком смысле под обвиняемым согласно ч. 2 ст. 47 УПК РФ понимается подсудимый, осужденный и оправданный, то указанным лицам принадлежит право на защиту.

УПК Республики Таджикистан (далее УПК РТ) право на защиту предоставляет согласно ч. 2 ст. 22 задержанному, подозреваемому, обвиняемому, подсудимому и осужденному. Таким образом, оправданный по УПК РТ утрачивает право на защиту, следовательно, если оправдательный приговор был постановлен в связи с непричастностью лица к совершению преступления или отсутствием в его действиях состава преступления, он не может реализовать право на защиту в соответствии с положениями ст. 22 УПК РТ. Полагаю, что таким образом нарушаются права оправданного лица, поскольку его невиновность установлена в оправдательном приговоре, который указывает на незаконное и необоснованное уголовное преследование, государство уже незаконно ограничило права конкретного лица, в связи с чем право на защиту указанного

лица должно быть обеспечено беспрекословно.

Интересен подход и к обеспечению права на защиту участников досудебного производства, среди которых УПК РФ выделяет подозреваемого и обвиняемого, а УПК РФ задержанного, подозреваемого и обвиняемого. Логично возникает вопрос о понятии задержанного и целесообразности обеспечения ему права на защиту в смысле защиты от уголовного преследования. Понятие задержанный отсутствует и в УПК РТ и в УПК РФ, однако в ст. 6 УПК РФ определено понятие момента фактического задержания под которым законодатель РТ понимает «...момент фактического ограничения свободы лица, в том числе возможность свободного передвижения, принудительное удержание в определенных местах, принудительное доставление в органы уголовного преследования или воспрепятствование

лицу осуществлять иные действия по своей воле, независимо от придания задержанному лицу какого-либо процессуального статуса, или выполнения иных установленных процедур»¹.

УПК РФ не определяет порядок фактического задержания лица в отличие от УПК РТ, в связи с чем на практике возникают вопросы о том, что понимается под фактическим задержанием, с какого момента его следует исчислять и какой статус должен быть у лица, в отношении которого оно применено. Ответ на этот вопрос дал Конституционный Суд РФ еще в 2000 году, указав, что при решении вопроса о реализации конституционного принципа на квалифицированную юридическую помощь следует «...учитывать не только формальное процессуальное, но и фактическое положение лица, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование. При этом факт уголовного преследования и, следовательно, направленная против конкретного лица обвинительная деятельность могут подтверждаться актом о возбуждении в отношении данного лица уголовного дела, проведением в отношении него следственных действий (обыска, опознания, допроса и др.) и иными мерами, предпринимаемыми в целях его избалачения или свидетельствующими о наличии подозрений против него...»². Однако в указанном

постановлении право на защиту фактически является составной частью права на оказание квалифицированной юридической помощи, которым обладает любое лицо, привлекаемое к участию в уголовном процессе. Задержанный рассматривается не как самостоятельный участник, а как подозреваемый или обвиняемый к которому применена мера процессуального принуждения.

УПК РТ не содержит самостоятельного понятия задержанный, но анализ ч. 1 ст. 91 указанного закона позволяет сделать вывод, что под задержанным понимается любое лицо, доставленное в орган уголовного преследования и кратковременно содержащееся под стражей в специальных местах, определенных в УПК РТ. Таким образом под задержанным понимаются лица, которые доставляются для проверки на причастность к совершению преступления.

О необходимости введения в УПК РФ понятия задержанный в научной литературе писали неоднократно³, уточняя, что нельзя задержанного отождествлять с подозреваемым. Прежде чем лицо признать подозреваемым, как минимум его нужно допросить⁴, чтобы принять решение о его статусе. Факт задержания лица на место совершения преступления не может говорить однозначно о том, что оно совершило преступление, а обвинительный подход к человеку, которого признают

подозреваемым в связи с тем, что он оказался на месте преступления, приводит к утрате возможности работать с ним как со свидетелем, поскольку необоснованное уголовное преследование лишает человека желания оказать помощь органам расследования. Полагаю, что в УПК РФ следует, как и в УПК РТ установить понятие задержанный и момент фактического задержания. Определить статус задержанного лица, как лица, доставленного для выяснения обстоятельств причастности к совершению преступления, ограничив его статус временными рамками – 12 часов. Момент начала отсчета времени должен идти от момента фактического задержания. Задержанному должно быть обеспечено право на защиту, соответственно предоставление задержанному защитника должно обеспечиваться органами предварительного расследования. Если задержанный в последующем приобретет статус свидетеля или потерпевшего, то за ним сохраниться право на квалифицированную юридическую помощь, вопрос о которой он должен будет решать самостоятельно. Подобный подход к обеспечению защитником задержанного полностью соответствует требованиям международных норм, согласно которым каждому арестованному или задержанному сообщаются незамедлительно причины ареста и предъявляемое обвинение и обеспечивается право на

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан // <https://online.zakon.kz/> (загл. с экрана).

² По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова: Постановление Конституционного Суда от 27 июня 2000 года № 11-П // СПС «Консультант Плюс» (загл. с экрана)

³ См.: Татьяна А.Г. Процессуальные проблемы производства по уголовным делам с участием лиц,

имеющих психические недостатки (вопросы теории и практики): Дис. д-ра юрид. наук – Ижевск – 2003 – С. 18; Мизулина Е.Б. Новый порядок ареста и задержания соответствует Конституции РФ и международным правовым стандартам // Российская юстиция, 2002. № 6. С. 14-15.

⁴ См.: Давлетов А.А. Подозрение и защита. Екатеринбург, 1997, С. 20.

безотлагательное решение судом вопроса о законности задержания и справедливое публичное разбирательство дела при предоставлении возможности защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника¹.

Следует отметить различный подход и к допуску защитника по делам о применении принудительных мер медицинского характера (далее ПММХ) в уголовном процессе РФ и РТ. Согласно ст. 438 УПК РФ участие защитника при производстве о применении ПММХ обязательно с момента вынесения постановления о назначении в отношении лица судебно-психиатрической экспертизы, если ранее защитник не участвовал в деле. Указанное положение вызывало всегда много вопросов. В уголовном процессе презюмируется психическое здоровье участников процесса. В то же время при расследовании тяжких и особо тяжких преступлений, также преступлений несовершеннолетних и т.д. назначение судебно-психиатрической экспертизы имеет безусловный характер для установления психического состояния обвиняемого, поскольку умышленные преступления всегда мотивированные, а психически здоровый человек, реализуя свободу воли при выборе между совершением преступления и отказе от его совершения, предполагается, что осознанно не может выбрать совершение преступления. Назначение судебно-психиатрической экспертизы может быть обусловлено и особенностями совершенного преступления, например

особой жестокости, отсутствием видимых мотивов и т.п., при этом вопрос о назначении указанной экспертизы решается в отношении обвиняемых и подозреваемых, в отношении которых право на защиту действует с момента приобретения ими указанного процессуального статуса. Может возникнуть ситуация, когда обвиняемый или подозреваемый отказался от участия защитника, только в этом случае назначение судебно-психиатрической экспертизы является основанием для привлечения защитника. При изучении уголовных дел в период с 1985 года по 2021 год не встречалось ни одного уголовного дела, когда для привлечения защитника использовалось указанное основание. Защитники были привлечены к участию в деле при приобретении соответствующего процессуального статуса. В связи с чем выделение указанного основания для допуска защитника представляется необоснованным.

Достаточно спорными представляются положения ч. 1 ст. 444 УПК РФ, в которой предусмотрено, что участие защитника является обязательным с момента установления факта невменяемости или психического расстройства лица, в отношении которого ведется производство. Как и по УПК РФ судебно-психиатрическая экспертиза по вопросам необходимости применения ПММХ и наличия психических расстройств назначается в отношении обвиняемых и подозреваемых. Эксперты-психиатры при производстве

судебно-психиатрической экспертизы не должны отвечать на вопросы вменяемости лица, поскольку этот вопрос находится за рамками их компетенции. Вменяемость / невменяемость характеризуется медицинским и юридическим критериями, соответственно при производстве судебно-психиатрической экспертизы дается ответ на наличие / отсутствие у испытуемого психического расстройства и уровня его поражения, то есть психотический или непсихотический. При установлении психического расстройства, которые всегда имеют полисиндромный характер, эксперты отвечают на вопрос о необходимости применения в отношении испытуемого ПММХ, каких именно. С учетом указанного заключения при производстве предварительного расследования следователь определяет наличие / отсутствие юридического критерия невменяемости. При этом только суд может принять окончательное решение о признании лица невменяемым и решить вопрос о применении в отношении него ПММХ. Часть первая ст. 336 УПК РФ четко указывает на то, что суд обязан при вынесении приговора обсудить вопрос о вменяемости подсудимого, а часть 2 указанной статьи раскрывает основания для применения главы 45 УПК РФ. Полагаю, что производство о применении ПММХ должно начинаться только после того, как суд примет решение о признании лица невменяемым на момент совершения преступления, либо заболевшим психическим расстройством,

¹ См.: Ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах: Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года // СПС «Консультант Плюс» (загл. с экрана); С. 5 и 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод: Заключена в г. Риме 04.11.1950 г. // СПС «Консультант Плюс» (загл. с экрана)

исключающим дееспособность, после совершения преступления. Следователь не должен подменять своим постановлением судебное решение, ставя суд в зависимое положение, когда он вместо рассмотрения дела по существу и решения вопроса о вменяемости фактически соглашается с позицией следователя, вынося постановление о применении ПММХ.

В отношении такого основания обеспечения права на защиту как установление психического расстройства, как было указано выше психические расстройства имеют разные уровни и разный характер, большинство из них имеет латентный характер, многие имеют пограничный, поэтому указанное основание может применяться в отношении любого лица, у которого будет диагностировано самое легкое психическое расстройство. Учитывая особенности уголовного судопроизводства, полагаю, что любой подозреваемый и обвиняемый должен не просто иметь право на защиту, а обеспечиваться квалифицированной юридической защитой в целях обеспечения качества расследования и судебного разбирательства.

Наиболее дискуссионным является вопрос об обеспечении права на защиту несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых, поскольку законодатель поставил реализацию ими права на квалифицированную защиту под сомнение¹. Это обусловлено тем, что в УПК РФ и в УПК РТ

законодатель предусмотрел реализацию право на защиту подозреваемым и обвиняемым лично, либо с участием защитника, по УПК РФ и (или) законного представителя, а в соответствии с ч. 2 ст. 22 УПК РФ или своего законного представителя. При этом законный представитель в уголовном процессе принимает участие при производстве по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних, либо о применении ПММХ. Таким образом законодатель изначально допустил возможность осуществления права на защиту несовершеннолетних обвиняемых и подозреваемых посредством участия не профессионального адвоката-защитника, а законного представителя. Участие законного представителя несовершеннолетнего является предметом пристального изучения². Если бы законодатель указал о требованиях, которые предъявляются к законному представителю при допуске его к участию в качестве защитника, к числу которых он отнес бы наличие юридического образования, работу в качестве адвоката, судьи в отставке и т.п. тогда бы не возникло вопросов о способности указанного законного представителя защищать интересы несовершеннолетнего, однако законодатель не указал никаких требований, которым должен отвечать законный представитель, допускаемый в качестве защитника, кроме того, что это законный представитель конкретного обвиняемого. О какой квалифицированной защите в

указанной ситуации может идти речь. Лицо, которое не уделяло надлежащего внимания своему ребенку может ли быть способно его защитить? Интересы ребенка должны защищаться государством. Законный представитель имеет часто свой интерес в деле, который может быть связан с сокрытием обстоятельств, связанных с его ролью в совершении преступления ребенком. В указанном случае он просто не заинтересован в участии защитника, поскольку ему нужно обеспечить собственную защиту. Может возникнуть ситуация, когда несовершеннолетнему предлагают взять вину соучастников, оплачивая согласие родителям, которым в указанной ситуации интерес ребенка не представляется значимым и т.д. Полагаю, что в целях обеспечения надлежащей защиты прав несовершеннолетних необходимо к обеспечению права на защиту допускать только профессиональных адвокатов-защитников.

Указанные предложения обеспечат надлежащую реализацию права на защиту, которое будет иметь квалифицированный характер и исключит формальный подход к его реализации. Государство должно нести ответственность за обеспечение права на защиту, особенно в отношении несовершеннолетних, поэтому подменять профессиональных адвокатов-защитников иными лицами полагаю недопустимым.

¹ См.: Татьяна Д.В. Принцип обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2020. Т. 30. № 5. С. 763-768.

² Марковичева Е.В., Татьяна А.Г. Процессуальное положение законного представителя в современном российском уголовном процессе // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2021.

Т. 31. № 4. С. 669-673; Асташева Я.П., Бекижева Д.А. Участие защитника и законного представителя на стороне несовершеннолетнего в уголовном процессе России // Центральный научный вестник. 2020. Т. 5 № 11 (100). С. 3-5; Габдрахманов Ф.В. Законные представители несовершеннолетнего в уголовном процессе // Марийский юридический вестник. 2005. № 4. С. 69-76 и др.

Библиографический список

Международные правовые акты:

1. Международный пакт о гражданских и политических правах: Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года // СПС «Консультант Плюс» (загл. с экрана);
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: Заключена в г. Риме 04.11.1950 г. // СПС «Консультант Плюс» (загл. с экрана)

Нормативные правовые акты Российской Федерации:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ (в ред. от 30.12.2021) // www.pravo.gov.ru;

Нормативные правовые акты Республики Таджикистан:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 года (по сост. на 20.04.2021 г.) // <https://online.zakon.kz/> (загл. с экрана)

Научная литература:

1. Асташева Я.П., Бекижева Д.А. Участие защитника и законного представителя на стороне несовершеннолетнего в уголовном процессе России // Центральный научный вестник. 2020. Т. 5 № 11 (100). С. 3-5.
2. Габдрахманов Ф.В. Законные представители несовершеннолетнего в уголовном процессе // Магистрский юридический вестник. 2005. № 4. С. 69-76 и др.
3. Давлетов А.А. Подозрение и защита. Екатеринбург, 1997.
4. Марковичева Е.В., Татьяна Л.Г. Процессуальное положение законного представителя в современном российском уголовном процессе // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2021. Т. 31. № 4. С. 669-673.
5. Мизулина Е.Б. Новый порядок ареста и задержания соответствует Конституции РФ и международным правовым стандартам // Российская юстиция, 2002. № 6. С. 14-15.
6. Татьянин Д.В. Принцип обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2020. Т. 30. № 5. С. 763-768.
7. Татьяна Л.Г. Процессуальные проблемы производства по уголовным делам с участием лиц, имеющих психические недостатки (вопросы теории и практики): Дис. д-ра юрид. наук – Ижевск – 2003.

Судебная практика:

1. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова: Постановление Конституционного Суда от 27 июня 2000 года № 11-П // СПС «Консультант Плюс» (загл. с экрана)

DISCUSSION ISSUES OF ENSURING THE RIGHT TO PROTECTION ACCORDING TO THE CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Tatyanina Larisa Gennadievna

Doctor of Juridical Sciences, professor,

head of the department of criminal procedure and law enforcement

Institute of Law, Social Management and Security FSBEI HE

"Udmurt State University"

426000, Russian Federation, Izhevsk, st. Universitetskaya, 1, building 4

e-mail: larisa-lisa@mail.ru

In the article, certain issues are considered, related to the implementation of the right to defense in the criminal process of the Republic of Tajikistan and the Russian Federation, and the ways of elimination are substantiated. A comparative legal analysis of the relevant provisions of the criminal procedural legislation is carried out. The author pays attention to the existing contradictions in ensuring the right to defense under the Criminal Procedure Codes of Russia and Tajikistan, to the lack of guarantees regarding the provision of qualified legal assistance in the exercise of the right to defense. The author has come to the conclusion that both Russia

and Tajikistan can fill in the gaps in the legislation in regulating the implementation of the right to defense in criminal proceedings.

Keywords: defender; right to defense; legal representative; detainee; suspect; accused; qualified defense.

**МАСЪАЛАҲОИ ТАЪМИНИ ҲУҚУҚ БА ҲИМОЯ
МУВОФИҚИ ҚОНУНГУЗОРИИ МУРОФИАВИ-ЧИНОЯТИИ ФЕДЕРАТСИЯИ РОССИЯ ВА ЧУМҲУРИИ
ТОҶИКИСТОН**

Татьянина Лариса Геннадевна

доктори илмҳои ҳуқуқ, профессор,
мудири кафедраи муурофияи чиноятӣ ва фаъолияти ҳифзи ҳуқуқ
Донишкадаи ҳуқуқ, идораи иҷтимоӣ ва амнияти МДБФТ ТО «Донишгоҳи давлатии Удмуртия»
426000, Федератсияи Россия, Ижевск, к. Университетская, 1, бинои 4,
e-mail: larisa-lisa@mail.ru

Дар мақола баъзе масъалаҳои марбут ба татбиқи ҳуқуқ ба ҳимоя дар қонунгузори муурофияви чиноятӣ чумҳурии тоҷикистон ва федератсияи россия баррасӣ гардида, роҳҳои бартараф намудани онҳо асоснок карда шудааст. Таҳлили муқоисавии ҳуқуқии муқаррароти дахлдори қонунгузори муурофияви чиноятӣ гузаронида мешавад. Муаллиф ба зиддиятҳои мавҷуда дар таъмини ҳуқуқ ба ҳимоя тибқи Кодексҳои муурофияви чиноятӣ Россия ва Тоҷикистон, ба набудани кафолатҳо оид ба расонидани ёри ҳуқуқии таҳассусӣ зимни татбиқи ҳуқуқ ба ҳимоя таваҷҷӯҳ зоҳир кардааст. Муаллиф ба ҳулосае омадааст, ки ҳам Россия ва ҳам Тоҷикистон метавонанд камбудии қонунгузори дар танзими татбиқи ҳуқуқ ба ҳимоя дар муурофияи чиноятӣ пур кунанд.

Калидвожаҳо: ҳимоятгар, ҳуқуқ ба ҳимоя, намояндаи қонунӣ, боздоштшуда, гумонбаршуда, айбдоршаванда, ҳимояи таҳассусӣ.

МЕДИАЦИЯ В КОНСТРУКЦИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Хамроев Шухрат Садилович¹

кандидат юридических наук, доцент,
 заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики
 Российско-Таджикский (Славянский) университет
 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. Рудаки, 181
 тел.: (+992 37) 223-04-20

Статья посвящена исследованию процедуры медиации в уголовном судопроизводстве. Автором затронуты теоретические и практические проблемы применения медиации как альтернативного способа урегулирования криминальных споров, складывающихся преимущественно между участниками уголовного процесса – обвиняемым и потерпевшим, результатом которого является создание условий для освобождения виновного от уголовной ответственности. Изучая действующее законодательство в сфере урегулирования и разрешения примирительных процедур, автор полагает, что вполне возможно применение медиации в уголовном процессе. Однако существует масса как правовых, так и организационных проблем, препятствующих применению на должном уровне примирительного процесса в механизме уголовного судопроизводства, которые предстоит решить в ближайшем будущем.

Ключевые слова: медиация, примирительный процесс, обвиняемые, потерпевшие, соглашение, медиатор-посредник, возмещение причиненного вреда, освобождение от уголовной ответственности обвиняемого.



Проблема медиации и ее использование - одна из самых дискуссионных тем доктрины уголовно-процессуального права. Более того, медиация – это предпочитаемый метод, ее применение предполагает доводить спорные дела до их разрешения не только в

досудебном разбирательстве, но и в урегулировании криминального конфликта между сторонами в судебном процессе. В этом контексте сторонники данной теории считают, что медиация представляет собой полезное и эффективное средство, складывающееся преимущественно при разрешении споров между участниками уголовного процесса – обвиняемым и потерпевшим. Но больше всего по своей природе и назначению, медиация – это способ досудебного урегулирования конфликтов, в результате чего употребляется как примирительный процесс между обвиняемым и потерпевшим при содействии и участии нейтрального третьего лица - посредника.

Медиация от латинского слова «*mediare*» - посредничать,² что означает одну из технологий альтернативного урегулирования и решения споров между конфликтующими сторонами. Непосредственно медиация применялась в Древнем Востоке, Риме и Греции. В современной юридической науке она характеризуется как двусторонний акт, требующий согласия не только потерпевшего, но и обвиняемого³, направленный на достижение взаимоприемлемого решения конфликта⁴, основанный на трехсторонних переговорных процессах, ведущих к выгодному компромиссу между сторонами спора⁵. Также, медиация инициируется как консультативный вариант разрешения⁶ либо как метод разрешения конфликта,⁷ где

© Хамроев Ш.С., 2021

² Кушнарева Л. В. Понятие и история становления института медиации // Актуальные проблемы гражданского судопроизводства: матер. межвузов. научн-прак. конф. 2017. С. 292-298.

³ Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1939. Т. 3. С.5.

⁴ Запрудский Ю.Г. Социальный конфликт (политологический анализ). Ростов-на Дону, 1992. С. 42

⁵ Калашников Д.В. Переговорный метод управления конфликтом // Социологические исследования. 1998. № 5. С.105-111.

⁶ Фишер Р. Путь к согласию или переговоры без поражения. М.: Наука, 1992. С. 160.

⁷ Дэна Д. Преодоление разногласий: как улучшить взаимоотношения на работе и дома. - СПб., 1994. С. 35.

особая роль отводится деятельности специалиста по урегулированию спора в рамках переговоров спорящих сторон, в целях заключения между ними мирового соглашения¹ или прекращения на суде спора между сторонами по добровольному соглашению². В целом перечисленные выше подходы ученых позволяют рассматривать медиацию как альтернативный инструмент рассмотрения и разрешения криминальных споров, но при непосредственном участии посредника-медиатора. В частности, при применении медиации создаются условия для освобождения виновного от уголовной ответственности.

Между тем механизм и возможности применения медиации в уголовном процессуальном законодательстве РТ не заложены. Но практика применения примирения между потерпевшим и обвиняемым закреплена в ч.2 ст. 24 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан (далее - УПК РТ)³ касаясь либо дел частного, частно-публичного и публичного обвинения, где установлено, что дела о преступлениях, предусмотренных в статьях 112, 116, частями 1 и 2 статьи 156 Уголовного кодекса Республики Таджикистан (далее - УК РТ),⁴ признаются делами частного обвинения, возбуждаются по заявлению лица, пострадавшего от преступления, его законным представителем, и производство по ним подлежит прекращению в случае **примирения** его с

обвиняемым. В упомянутых статьях УК РТ, речь идет о таких видах преступлений, как умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст.112); побор (116) и нарушение авторских и смежных прав (ст.156), что при совершении, которых в соответствии с ч.2 ст.24 УПК РТ вполне возможно примирение обвиняемого с потерпевшим. Однако в УПК РТ не установлен механизм регуляции и применения медиации с участием круга субъектов, в частности, «посредника»-«медиатора» как независимого лица от всех участников уголовного судопроизводства, либо данный институт не используется в практике уголовного судопроизводства должным образом.

Однако, как альтернативно-консультативный вариант налаживания спора, медиация за последние годы вызвала большой научный и практический интерес и даже получила законодательное закрепление позже, чем в западных странах в странах СНГ - России (2010 г.), Республике Казахстан (2011г.), Беларуси (2013 г.), Кыргызстане (2017 г.), Республике Узбекистан (2018 г.), Армении (2018 г.). В законодательных актах этих стран СНГ, медиативные процессы практикуются не в уголовном судопроизводстве, а в сферах гражданского, семейного, арбитражного процесса и т.д. Механизм применения медиации в уголовном судопроизводстве закреплён лишь в ч.1 ст.1 Закона Республики Казахстан «О

медиации» от 28 января 2011 года № 401-IV ЗРК. Таким образом, Казахстан является пионером по применению медиации в уголовном процессе как минимум среди стран Центральной Азии и СНГ⁵.

К сожалению, в Республике Таджикистан закон о медиации еще не принят, но подготовлен проект, который ориентирован на урегулирование споров в сфере частных правоотношений, а не публичных. Рассмотрение медиации как способа защиты участников уголовного процесса не является ошибочным, а допустимым, т. к. вынесение примирительного акта посредством рационального использования и применения медиативного процесса может послужить прекращению уголовного дела. Последнее следует инициировать как примирение потерпевшего с обвиняемым, что вполне относится к отступлению от традиционной конфронтации сторон в уголовном судопроизводстве.

Поэтому специфическая природа условий медиации выражается в примирении сторон как совместная деятельность участников уголовного процесса (обвиняемого и потерпевшего). А цель такой деятельности –прекращение уголовного дела, которое не преследует привлечение обвиняемого к уголовной ответственности либо локализацию тех или иных опасных последствий, наступивших при совершении преступных деяний при отказе потерпевшего от предъявления

¹ Яковлев В.Ф. Закон свободного примирения // Медиация и право. 2006. № 1. С.12.

² Божьев В. П. Применение норм уголовно-процессуального законодательства при рассмотрении дел частного обвинения // Советская юстиция. 1992. № 15-16. С. 20.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан // *Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан*. 2009. №12. Ст. 815.

⁴ Уголовный кодекс Республики Таджикистан // *Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан*. 1998. № 9. Ст. 68.

⁵ Каленова А.А. Медиация в уголовном процессе Республики Казахстан // *Вестник Барнаульского юридического института МВД России*. 2020. № 2 (39). С.46.

требований, привлечь обвиняемого к уголовной ответственности и наказанию. Особая процедура применения медиации в уголовном деле опосредуется реализацией мер, которые, по сравнению с процессуальным порядком рассмотрения уголовного дела, просты, экономичны и даже избавлены от иных процедурных действий и применяемых решений соответствующих должностных лиц досудебного и судебного производства.

При этом к такому роду регулирования процессуальных отношений обвиняемого и потерпевшего в медиативном процессе обычно относят возмещение причиненного вреда – «заглаживание причиненного преступлением вреда» потерпевшему и др. неисполнение которых образует состав преступления. Соответственно, в качестве критерия для классификации уголовных дел, являющихся основанием для применения медиации, относят преступления небольшой и средней тяжести (преступление должно быть совершено лицом впервые), которые носят преследующий восстановительный, но не карательный характер.

Более того, в ходе проведения медиативного процесса возникают процессуальные правоотношения между тремя субъектами – медиатором, обвиняемым и потерпевшим. В научных публикациях авторы в качестве медиатора в примирительных процессах по уголовному делу предполагают участие дознавателя, следователя или судьи, но это является неверной позицией, так как медиатором должно и может быть независимое лицо (имеющее высшее образование и лицензию – право на осуществление медиации и др.). В таком случае медиатор как участник -

нейтральное лицо (посредник), занимающий нейтральное положение по отношению к участникам криминального конфликта. Его основная роль при урегулировании спора заключается в создании конструктивно-спокойной обстановки при сотрудничестве, смягчая дискуссию участников конфликта в переговорах и поиске по выработке взаимоприемлемого решения.

Медиация – это добровольный процесс, где элементы, сводящие к принуждению сторон для ее проведения, никак не совместимы. В этой связи процедура проведения медиации предполагает согласие конфликтующих сторон. При успешном проведении и достижении предполагаемого результата при непосредственном участии медиатора, участники медиативного процесса могут заключить примирительное соглашение. Примирительное соглашение можно составить как в устной, так и в письменной форме. Либо такая процедура при отсутствии условий для установления взаимопонимания, сотрудничестве и компромиссной позиции сторон, что необходимо для достижения примирительного процесса, по инициативе участников может быть приостановлена или прекращена. Поэтому в случае, если медиация для сторон конфликта не дает ожидаемого результата либо ее участники считают нецелесообразным ее проведение, возникает основание разрешить споры в судебном порядке. В целом медиация – это переговорный процесс, результатом которого является достижение соглашения по криминальному спору. Но не всегда результат переговорного процесса венчается успехом либо заканчивается принятием взаимоприемлемого для сторон

соглашения, что считаем закономерным. Так как главными фигурантами, непосредственно иницирующими и настаивающими своей на позиции по проведению переговорного процесса по уголовному делу, остаются обвиняемый и потерпевший. Именно они наделены правом принимать решение о достигнутых результатах взаимопонимания и заключить соглашение или воздержаться от его заключения.

В этом контексте отметим, что медиатор-посредник не наделен правом вынесения решения по результатам переговорного процесса. Но как примирительный порядок досудебного урегулирования споров, медиация в уголовном процессе не предусматривает процедуры разрешения уголовных дел в судебном порядке. Потому она и называется механизмом рассмотрения и налаживания споров по уголовному делу в досудебном разбирательстве, что как таковое заметно снижает нагрузку на судей. Но в этом процессе не следует исключать вопрос о проведении примирительного процесса в судебном разбирательстве.

Тем не менее, существует масса причин, препятствующих применению примирительного процесса в механизме уголовного судопроизводства, наиболее значимыми из которых являются:

- в УПК РФ предусматривается возможность примирения в уголовном процессе. Однако не урегулированным остаётся механизм ее осуществления, в том числе с участием самого медиатора – посредника. Также в ч.2 ст. 24 УПК РФ установлены категории преступления, в случаях их совершения вполне возможно освобождение от уголовной ответственности обвиняемого в связи с примирением с потерпевшим.

Однако эти категории преступлений ограничены и не охватывают иные приравненные к ним категории преступлений;

- ч.2 ст. 24 УПК РТ следует применять не только к процедуре примирения, но и вполне возможно при проведении медиации. Однако в Республике Таджикистан законодательный акт, регламентирующий примирительные процессы, остается непринятым. Поэтому в целях реализации законодательной политики в

сфере внедрения в практике уголовного судопроизводства примирительных процедур принятие закона о медиации считаем своевременным;

- бесспорно, реализация законодательной политики в сфере примирительных процедур зависит, прежде всего, от уровня подготовки медиаторов. В этой связи на национальном уровне предполагаем не только принятие «Государственной программы подготовки медиаторов в сфере уголовного

судопроизводства», а также создание при судебном корпусе РТ «Центра по подготовке медиаторов по гражданским и уголовно-процессуальным вопросам в Республике Таджикистан» по аналогии с такими лидирующими в мировом сообществе организациями, как «Community Mediation» и «Neighborhood Justice Centers», которые были созданы еще в конце 60-х гг. в США и других странах Европы.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Республики Таджикистан // *Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан*.-1998.- № 9.- Ст. 68.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан // *Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан*.- 2009.- №12.- Ст. 815.
3. Божьев В.П. Применение норм уголовно-процессуального законодательства при рассмотрении дел частного обвинения // *Советская юстиция*.- 1992. - № 15-16. - С. 20-22.
4. Дэна Д. Преодоление разногласий: как улучшить взаимоотношения на работе и дома. - СПб., 1994. - 138 с.
5. Запрудский Ю.Г. Социальный конфликт (политологический анализ). – Ростов-на Дону, 1992. -120 с.
6. Калашников Д.В. Переговорный метод управления конфликтом // *Социологические исследования*. – 1998. – № 5. –С.105-111.
7. Каленова А.А. Медиация в уголовном процессе Республики Казахстан // *Вестник Барнаульского юридического института МВД России*.- 2020.- № 2 (39).- С.43-46.
8. Кушнарера Л. В. Понятие и история становления института медиации // *Актуальные проблемы гражданского судопроизводства: Матер. межвуз. научн.-практ. конф.* - 2017. - С. 292-298.
9. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1939. – Т. 3. – 980 с.
10. Фишер Р. Путь к согласию или переговоры без поражения.– М.: Наука, 1992. – 158 с.
11. Яковлев В.Ф. Закон свободного примирения // *Медиация и право*. – 2006. – № 1.- С.12-16.

MEDIATION IN THE STRUCTURE OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Khamroev Shukhrat Sadirovich

Candidate of juridical sciences, associate professor,
head of the department of criminal procedure and criminalistics
Russian-Tajik (Slavonic) university
Rudaki ave.181, 734025, Dushanbe Republic of Tajikistan
Ph.: (+992 37) 223-04-20

The article is devoted to the study of the mediation procedure in criminal proceedings. The author touches upon the theoretical and practical problems of using mediation as an alternative way to resolve criminal disputes that develop mainly between the participants in the criminal process - the accused and the victim, the result of which is the creation of conditions for the release of the perpetrator from criminal liability. Studying the current legislation in the field of settlement and resolution of conciliation procedures, the author believes that it is quite possible to use mediation in criminal proceedings. However, there are a lot of both legal and organizational problems that prevent the application of the conciliation process at the proper level in the mechanism of criminal proceedings, which will have to be resolved in the near future.

Keywords: *mediation; conciliation process; defendants; victims; agreement; mediator-intermediary; compensation for harm; exemption from criminal liability of the accused.*

МЕДИАТСИЯ ДАР СОХТОРИ МУРОФИАИ ЧИНОЯТӢ

Ҷамроев Шӯҳрат Садирович

номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент,
мудир кафедраи муурофияи ҷиноятӣ ва криминалистикаи
Донишгоҳи славянии Русияву Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, к. Рудаки, 181
тел.: (+992 37) 223-04-20

Мақола ба омӯзиши тартиби роҳандозии медиатсия (миёнаравӣ) дар муурофияи ҷиноятӣ бахшида шудааст. Муаллиф ба масъалаҳои назариявӣ ва амалии истифодаи медиатсия ҳамчун роҳи алтернативии ҳалли баҳсҳои ҷиноятӣ, ки асосан дар байни иштирокчиёни муурофияи ҷиноятӣ - айбдоршаванда ва ҷабрдида ба вучуд меоянд, ки натиҷаи онҳо фароҳам овардани шароит барои озод кардани гунаҳкор аз ҷавобгарии ҷиноятӣ мебошад. Муаллиф бо омӯзиши қонунгузори амалкунанда дар соҳаи созиш ва ҳалли расмиёти оштишавӣ чунин мешуморад, ки истифодаи медиатсия дар муурофияи ҷиноятӣ қомилан имконпазир аст. Аммо мушкилоти зиёди ҳам ҳуқуқӣ ва роҳандозии вучуд доранд, ки барои дар сатҳи зарурӣ татбиқ намудани раванди мусолиҳа дар механизми муурофияи ҷиноятӣ монеъ мешаванд, ки ҳалли худро дар ояндаи наздик тоғазо менамояд.

Калидвожаҳо: медиатсия, раванди мусолиҳа, судшавандаҳо, ҷабрдидагон, созишнома, медиатор-миёнарав, ҷабрдида зарар, озод кардани айбдоршаванда аз ҷавобгарии ҷиноятӣ.

УДК: 341.217

ПРИНЦИПЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОТИЧЕСКИХ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

Нусратуллаев Бахтовар Кудратуллоевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права и сравнительного правоведения юридического факультета

Российско–Таджикского (Славянского) университета:

734025, Республика Таджикистан Душанбе, ул. Мирзо Турсун-заде, 30,

тел.:(+992) 909110001, e-mail: nusratulloev@bk.ru

В данной статье исследуется практическая и теоретическая основа принципов международного сотрудничества в сфере незаконного оборота наркотических и психотропных веществ. Рассматриваются основные международно-правовые акты, содержащие указания на запрет оборота наркотиков. В статье анализируется деятельность государственных органов и международных организаций в области борьбы с наркоугрозой, а также проводится определение их международной правосубъектности. Правовая оценка и анализ принципов международного сотрудничества в сфере незаконного оборота наркотических и психотропных веществ. По результатам исследования выдвигаются выводы в виде предложений. При этом каждый из указанных вопросов рассматривается с позиции актуальности и предметности.

Ключевые слова: наркотические средства, психотропные вещества, наркоугроза, преступность, принципы.



ООН прошла долгий путь становления и принятия системы международных актов, послуживших в дальнейшем надежным базисом в борьбе с незаконным оборотом наркотических и психотропных веществ. Деятельность Организации Объединённых Наций стала ключевой в развитии сотрудничества стран в противодействии в сфере незаконного оборота наркотических и психотропных веществ. Изначально проблема незаконного

оборота наркотических средств была поднята в середине 50-х годов XX века, когда встал вопрос безрезультатности принятых до этого актов в этой сфере. За границей международного регулирования осталось достаточно большое число наркотических средств и наркотик содержащих препаратов, а также сырьевые продукты, которые были применены при их изготовлении. Кроме того, ряд положений действовавших международных актов потеряли свою актуальность, при том, что проблема незаконного оборота наркотиков только увеличилась в своих масштабах. В связи с этим в рамках Организации Объединённых Наций была проведена работа, направленная на разработку и в дальнейшем принятие системы новых актов, направленных на исправление отдельных положений ранее действовавших международных соглашений¹.

В результате была разработана и подписана Единая конвенция о наркотиках 1961 года, заменившая иные ранее существовавшие акты. Ключевой нормативной задачей данного международного акта выступало именно ограничение закрепляющее, 4 основных списка лекарственных средств, которые нельзя использовать без рецепта, и в целом их использование разрешено лишь в медицинских целях. Данный перечень лекарственных препаратов закреплён в статье 51, причем в ряду непосредственно установленного режима. Также можно отметить тот факт, что эти лекарственные средства могут быть проданы и задействованы исключительно при наличии соответствующего лицензионного документа. При этом участники конвенции, т.е. страны, ратифицировавшие данный международный акт, должны путем имплементации

данной нормы международного права, внести изменения в свое национальное законодательство закрепляющие признание в качестве противоправных те действия, которые прямо указаны в конвенции в качестве уголовно наказуемых¹.

При этом стоит провести четкую дифференциацию деяний, связанных с вывозом наркотических средств за пределы государства и их перемещение, т.е. перевозку запрещенных наркотических средств внутри одного государства, т.е. в пределах его границ, поскольку в результате пересечения границы действия приобретают более высокий уровень общественной опасности и наносят ущерб уже не одному государству, а сразу двум. Данные деяния представлены в качестве вида транснациональной преступности, в отличие от перемещения наркотических средств внутри границ одного государства, посягающие на общественные отношения, охраняемые законом конкретного государства, т.е. должны быть квалифицированы как нарушение национального, внутреннего законодательства. Именно поэтому в конвенции были установлены и такие понятия, как «экспорт» и «импорт».

Одним из результатов противодействия данным деяниям на международном уровне стало также принятие Конвенции ООН о борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, на конференции

в Вене в декабре 1988 г.² Стороны данной конвенции в качестве одной из основных проблем выделили стремительное повышение уровня «нелегального производства, спроса на незаконный оборот наркотиков и психотропных веществ», поскольку по статистике именно дети выступают в качестве самых распространённых потребителей этого убийственного эликсира. В преамбуле данного акта, сторонами отмечается также и тот факт, что низкий уровень теоретических и практических запретов, повышает доступность к данным запрещенным веществам³.

Нельзя при этом оставить не затронутым тот факт, что главенствующую роль и наибольшую результативность в решении данного вопроса имеет именно Генеральная Ассамблея ООН. В своей резолюции от 23 февраля 1990 г. на 17-й специальной сессии Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций приняла Политическую декларацию и Всемирную программу действий, направленную на международное сотрудничество в борьбе с наркотическими средствами и психотропными веществами.

Данная программа выступила в качестве акта, содержащего четкий и конкретный базис, включающий меры, направленные и сотрудничество между-странами участниками договора, направленное на борьбу с таким масштабным негативным явлением.

Можно отметить тот факт, что прослеживается

нарастающая тенденция вытеснения с нелегальных рынков сбыта незаконных веществ, наркотиков натурального растительного происхождения синтетическими наркотиками, представляющими гораздо более высокий уровень опасности для здоровья человека. Эта информация не раз отмечалась в итоговых докладах ООН, Интерпола и т.д.

Специальное отделение, входящее в состав подразделений Организации Объединенных Наций именуемое управлением ООН по наркотикам и преступности, главный офис, которого находится в Вене, осуществляет централизованную деятельность в масштабах международного уровня, направленную на противодействие такому общественно опасному явлению, как наркобизнес и в целом транснациональная преступность. При этом в состав данного управления входят:

- Программа Организации Объединенных Наций по международному контролю над наркотиками (ЮНДКП);

- Центр по международному предупреждению преступности.

ЮНДКП предпринимает все возможные меры к реализации основного контроля над противодействием наркобизнесу и наркопреступности в целом. Данная организация способствует контролю на международном уровне статистических и фактических данных, т.е. помогает отслеживать реальное положение дел и ситуацию в данной области⁴.

¹ Анисимов Л.Н. Наркотики: правовой режим. Международно-правовые и внутригосударственные проблемы регулирования производства, применения и распространения наркотических и психотропных веществ. Л.: АГУ, 1974. С.85

² Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, 1988 г././. Нью-Йорк, 1991.- Я.91.X1.6.

³ Cannabis as a licit crop: recent developments in Europe by G.Mignoni//Bulletin on Narcotics. Volume XLIX, Nos. 1 and 2, 1997. Volume L, Nos. 1 and 2, 1998. Double issue on cannabis: recent developments. N. Y.: UN, 2000 P. 25.

⁴ Жук М.Г Криминалистические аспекты борьбы с легализацией (отмыванием) денежных средств (или

При этом также ключевым органом ООН, который осуществляет регламентацию и координацию сотрудничества, направленного на противодействие незаконному обороту наркотических средств, является ЭКОСОС. Данный орган необходим в качестве координирующего и выступает как центральный межправительственный орган, отвечающий за международный контроль в сфере противодействия наркопреступности. В состав данного комиссионного органа входят 53 государства-участника, которые изучают масштаб проблемы, связанной с осуществлением незаконного оборота наркотических средств в современном обществе и каждом отдельном государстве. Для дальнейшего принятия мер, направленных на усиление международного контроля над данной проблемой.

Деятельность пяти вспомогательных органов Комиссии направлена на осуществление анализа и мониторинга действий и реализации норм международных договоров и соглашений, которые были одобрены центральным органом ООН – Генеральной Ассамблеей ООН, решения которой выступают в качестве руководящих принципов всей международной деятельности. Она также осуществляет непосредственный контроль над ЮНДКП. Полномочия, соответствующих пяти вспомогательных органов Комиссии содействуют развитию сотрудничества и координации на региональном уровне в Африке, Азии и Тихом океане, Европе, Латинской Америке и Карибском бассейне, а также на Ближнем и Среднем Востоке.

Также в качестве одного из ключевых органов, осуществляющих контроль над противодействием обороту наркотических средств, выступает Международный комитет по контролю за наркотиками. При этом важно отметить, что данный комитет состоит из 13 членов и выступает в качестве независимого института. Данный орган для стран-участниц, устанавливает соответствующие пределы, именуемые ограничениями на количество наркотиков, эти ограничения представляют собой максимальный предел наркотиков, которые могут быть выделены государству для медицинских и других важных целей.

Отчеты, выпускаемые каждый год международным комитетом по контролю за наркотиками, регулярно предоставляются странам-участникам конвенции, и непосредственно относительно данных отчетов Генеральный секретарь Организации Объединённых Наций осуществляет публикацию в общедоступном и официальном источнике, что играет одну из ключевых ролей в системе противодействия обороту наркотических средств в соответствующих государствах. В данных отчетах формулируется реальное положение и фактическая информация в виде статистических данных, так как данная организация является межправительственным органом, осуществляющим работу с правительствами стран-участников конвенции и информирует о сложившейся ситуации в целях готовности отразить угрозы данного общественно опасного деяния. При этом, в свою очередь, страны -

участники также предоставляют ежегодные отчеты о проделанной работе за отчетный год, по результатам которых комитет составляет отчет с предоставленной информацией¹.

Определяя роль ООН в мерах борьбы и предупреждения незаконного оборота наркотических и соответствующих психотропных веществ, можно отметить, что данная организация является ведущей и способствует всевозможными средствами развитию и принятию все новых и новых мер в борьбе с данным прогрессирующим явлением.

Изначально, в пределах деятельности ООН, были приняты соответствующие международные акты, которые стали базой международного аппарата для государств, сотрудничающих в противодействии наркоугрозе, при этом целый ряд документов так называемого «гибкого права», дают нам основу для формирования четкой позиции в данной сфере. Именно акты, принятые Организацией Объединённых Наций, стали базисом для большинства международных аппаратов борьбы с незаконными веществами данного рода. Ключевым во всей противоборствующей деятельности является именно масштабный анализ в виде мониторинга, который осуществляется именно соответствующими установленными органами ООН, что позволяет каждой отдельной стране выстроить четкий механизм противодействия на национальном законодательном уровне, осуществляя и применяя стратегию и тактику, обусловленную соответствующей

иною имущества), приобретенных незаконным путем: автореф. дис. канд.юрид.наук - Гродно, 1999. С. 20

¹Мачковский Г.И. Наркомания и борьба с незаконным распространением наркотических средств в капиталистических странах. М.,1970.С. 71

щими особенностями и проблематикой того или иного региона.

Невзирая на проблемность вопроса противодействия такому сложному виду преступности, как наркоугроза, решимость стран в укреплении

международного сотрудничества в рамках ООН по вопросам противодействия незаконному обороту наркотиков и психотропных веществ не ослабевает.

Подводя итог, следует отметить тот факт, что в результате принятых международных

соглашений в рамках ООН и не только, мы можем с уверенностью говорить о работающем централизованном механизме борьбы с таким опасным явлением, как наркопреступность.

Библиографический список:

1. Анисимов Л.Н. Международно-правовые средства противодействия легализации незаконных доходов // Право и политика, 2001, № 7.- С.75-90.
2. Анисимов Л.Н. Наркотики: правовойреэ /сим. - Л.: ЛГУ, 1974. - 144 с.
3. Бейсенов А.М. Проблемы расследования легализации денежных средств или иного имущества, приобретенных незаконным путем: Автореф. дис... канд. - А.,2000. -33с.
4. Борьба с незаконным оборотом наркотиков: Сборник нормативных документов. - Алматы: Брист,2002. -216 с.
5. Деятельность разведки ФРГ против наркобизнеса // Борьба с преступностью за рубежом (по материалам зарубежной печати). -М.: ВИНТИ, 1993. - С.23-28.
6. Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972 года // Издание ООН. -Нью-Йорк, 1977. док. № 11.77.X1.3.
7. Жук М.Г Криминалистические аспекты борьбы с легализацией (отмыванием) денежных средств (или иного имущества), приобретенных незаконным путем: Автореф. дис... канд. - Гродно, 1999. - 20с.
8. Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, 1988 г.// Издание ООН. Нью-Йорк, 1991.- Я.91.X1.6.
9. Мачковский Г.И. Наркомания и борьба с незаконным распространением наркотических средств в капиталистических странах. -М.,1970.- 131 с.
10. Нормативные акты. Интерпол. Составитель Карикболов Б.С. -Алматы: ТОО «Аян Эдет», 1998. - 56с.
11. Панов В. П. Международное уголовное право: учебное пособие. -М.: Инфра-М., 1997. - 320 с.
12. Родионов К.С. Интерпол: вчера, сегодня, завтра. - 3-е издание. -М., 1990. - 222 с.
13. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Выпуск 14. - М.: Госполитиздат, 1957. -12-13с 356 с.
14. Угаров Б.М. Между народит борьба с контрабандой. - М.: Меж. отношения, 1981. - 216 с.
15. Экономический и Социальный Совет. Комиссия по наркотическим средствам. Утверждение повестки дня и другие организационные вопросы. E/CN. 7/2001/1. - 21 с.
16. Cannabis as a licit crop: recent developments in Europe by G.Mignoni // Bulletin on Narcotics. Volume XLIX, Nos. 1 and 2, 1997. Volume L, Nos. 1 and 2, 1998. Double issue on cannabis: recent developments. - N. Y.: UN, 2000. - P. 23-45.
17. Evolution of international drug control, 1945-1995 by I.Bayer and H.Ghodse//Bulletin on Narcotics. Volume LI, Nos. 1 and 2, 1999. Occasional papers. -N.Y.: UN, 2000. - P. 46-52с.
18. Intern. Control of Narcotic Drugs, № 4, 1965. - P.I I. 7 - 3 5 с

PRINCIPLES OF INTERNATIONAL COOPERATION IN THE FIELD OF ILLICIT
TRAFFIC IN NARCOTIC AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES

Nusratullaev Bakhtovar Kudratulloevich

Candidate of juridical sciences,
associate professor of the department of international law and
comparative jurisprudence
Russian–Tajik (Slavonic) University
. M.Tursunzade 30, 734025, Dushanbe, Republic of Tajikistan
Ph.: (+992) 909110001, e-mail: nusratulloev@bk.ru

In this article, the practical and theoretical basis of the principles of international cooperation in the field of illicit trafficking in narcotic and psychotropic substances is examined. The main international legal acts containing instructions on the prohibition of drug trafficking are considered. The activities of state bodies and bodies of international organizations in the field of combating the drug threat are considered, and their international legal personality is also defined. At the same time, a legal assessment and analysis of the principles of international cooperation in the field of illicit trafficking in narcotic and psychotropic substances is carried out. Based on the results of the study, conclusions are put forward in the form of proposals. Besides, each of these issues is considered from the position of relevance and objectivity.

Key words: *narcotic drugs; psychotropic substances; drug threat; crime, principles.*

**ПРИНЦИПҲОИ ҲАМКОРИИ БАЙНАЛМИЛАЛӢ ДАР СОҲАИ МУОМИЛОТИ ҒАЙРИҚОНУНИИ
МОДДАҲОИ НАШЪАДОР ВА ПСИХОТРОПӢ**

Нусратуллаев Бахтовар Кудратуллоевич

номзади илмҳои ҳуқуқшиносии, дотсенти кафедраи ҳуқуқи
байналмилалӣ ва ҳуқуқи муқоисавӣ
Доношгоҳи Славяни Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, к. М.Турсунзода 30
тел.:(+992) 909110001, e-mail: nusratulloev@bk.ru

Дар ин мақола асосҳои амалӣ ва назариявии принципҳои ҳамкорӣ байналмилалӣ дар соҳаи муомилоти ғайриқонунии воситаҳои нашъадор ва моддаҳои психотропӣ баррасӣ карда мешавад. Санадҳои асосии ҳуқуқи байналмилалӣ баррасӣ мешаванд, ки дастурҳоро оид ба манъи муомилоти ғайриқонунии маводи мухаддир дар бар мегиранд. Дар мақола фаъолияти мақомоти давлатӣ ва мақомоти созмонҳои байналмилалӣ дар соҳаи мубориза бо хатари нашъамандӣ мавриди баррасӣ қарор гирифта, инчунин субъекти ҳуқуқи байналмилалӣ онҳо муайян карда шудааст. Ҳамзамон, арзёбии ҳуқуқӣ ва таҳлили принципҳои ҳамкорӣ байналмилалӣ дар соҳаи муомилоти ғайриқонунии воситаҳои нашъадор ва моддаҳои психотропӣ амалӣ карда мешавад. Аз рӯи натиҷаҳои тадқиқот хулосаҳо дар шакли пешниҳод пешниҳод карда мешаванд. Дар баробари ин ҳар кадоми ин масъалаҳо аз мавқеи актуалӣ ва объективӣ баррасӣ карда мешаванд.

Калидвожаҳо: *воситаҳои нашъадор, моддаҳои психотропӣ, таҳдиди нашъамандӣ, ҷиноят, принципҳо.*

ПОНЯТИЕ СМЕЖНЫХ ПРАВ И ИХ СООТНОШЕНИЕ С АВТОРСКИМИ ПРАВАМИ

Рахматзода Далер Талбак¹

преподаватель кафедры
международного права и сравнительного правоведения
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел: 988 00 01 21, e-mail: rahmatov-daler92@mail.ru

В статье исследуется понятие смежных прав и их связь с авторскими правами. Выявлены основные этапы развития института смежных прав. Рассмотрены основные тенденции международно-правового регулирования вопросов защиты авторских и смежных прав. Выявлена роль научно-технического прогресса в вопросе формирования института смежных прав. Исследованы различные авторские позиции по вопросу соотношения авторских и смежных прав. Автором определено, что важную роль в процессе становления института смежных прав играет международная унификация путем принятия и реализации на национальном уровне норм международных соглашений.

Ключевые слова: смежные права, авторское право, исполнитель, фонограмма, интеллектуальная собственность.



Эволюция права интеллектуальной собственности имеет достаточно длительный характер. Научно-технический прогресс в области радиовещания, разработки цифровых носителей, телевидения и т.д. создали благоприятную среду для ускоренного развития права интеллектуальной собственности. Подобные изобретения показали, что появились новые технические возможности для использования и распространения продуктов интеллектуального труда авторов. Безусловно, это поставило вопрос

о необходимости создания действенной системы охраны продуктов интеллектуальной деятельности.

Еще на этапе своего становления в праве интеллектуальной собственности устоялось общее представление о категории авторских прав, чего нельзя было сказать о смежных правах, которые породили немало дискуссий в научном мире.

В 1948 году прошла Брюссельская конференция по вопросам авторских прав, где активно использовался новый на тот момент термин «смежные права» («neighbor-ing rights»). Уже тогда было определено, что каждое исполнение авторского произведения имеет свою уникальную интерпретацию и вследствие этого не может обозначаться стандартным термином «авторское право». По сути, это было нововведение, которое в дальнейшем постепенно находило свое отражение в нормах международных соглашений.

Становление института смежных прав в современном международном частном праве было обусловлено принятием международных соглашений, которые были направлены на урегулирование правовых отношений в области интеллектуальной собственности. Впервые в текстах международных договоров, а также в правовой доктрине начали уделять особое внимание такому понятию, как «смежные права», которые наряду с авторскими правами являлись частью права интеллектуальной собственности.

На сегодняшний день в правовой науке вопрос соотношения понятий «смежные права» и «авторские права» является достаточно дискуссионным. По данному вопросу у исследователей сложились различные подходы. К примеру, как отмечал А. Лукас, «смежное право относится к тем компонентам творчества, которые служат вспомогательными источниками авторского права»².

¹ © Рахматзода Д.Т., 2021

² Лукас А. Унификация режима охраны авторского права и смежных прав в рамках Европейского Союза

// Авторское и смежное право в Европейском союзе и Российской Федерации: сб. докладов и дискуссий по

Другой авторитетный автор отмечает, что смежные права близки к авторскому праву и являются производными от него¹. Интересным представляется мнение других исследователей которые утверждают, что «смежные права – это права, которые возникают лишь вслед за авторскими правами, например, при создании пьесы сначала возникают права у автора пьесы с момента ее создания, а затем, когда пьеса исполняется, возникают права у артиста, играющего эту пьесу. Иными словами, смежные права существуют лишь постольку, поскольку существуют права авторские»². На наш взгляд, подобный подход к пониманию смежных прав является одним из наиболее обоснованных и корректных с точки зрения современного международного частного права. Безусловно, смежные права имеют производный характер от авторских прав, и рассматривать их в отрыве друг от друга не совсем уместно.

В международном частном праве институт смежных прав сформировался благодаря активному процессу кодификации современного международного права. Данный процесс начался еще в XX столетии и до сих пор дает свои плоды в самых различных областях. Международные соглашения, заключенные на многосторонней основе, заложили прочный фундамент на пути к дальнейшему развитию института смежных прав. Нормы, которые закреплены в положениях международно-правовых договоров, создают прочную

основу для всеобщей унификации подходов к пониманию понятия «смежные права».

Большую роль в развитии института смежных прав играют международно-правовые договора, целью которых является регулирование отношений с участием исполнителей, создателей фонограмм, организаций эфирного и кабельного вещания по созданию и охране результатов их интеллектуальной деятельности. По смыслу статьи 3 Международной конвенции по охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм, вещательных организаций от 26.10.1961г. (далее - Римская конвенция 1961г.) исполнителями являются актеры, певцы, музыканты, танцоры или другие лица, которые играют роль, поют, читают, декламируют, исполняют или каким-либо иным образом участвуют в исполнении литературных или художественных произведений. Исполнитель, как субъект смежных прав, занимает довольно важное место в данном институте. Исполнение любого авторского произведения имеет достаточно индивидуальный характер, манера исполнения, особенность подачи авторского произведения на новый лад говорит о том, что исполнение одного и того же произведения того или иного автора порождает смежные права в отношении каждого исполнителя в отдельности.

Развивая мысль в данном направлении, приведем следующий довод: «Разграничение прав авторов и исполнителей – это международная традиция, которая сложилась потому, что

до появления технических средств записи исполнения интерес исполнителя к защите его авторских прав был ничтожен. Исполнитель не нуждался в защите прав авторства, неприкосновенности произведения и права первого опубликования, потому что практически возможность их нарушения при отсутствии фиксации была ничтожна. Право же на имя охранял сложившийся обычай»³. Данная мысль, безусловно, наиболее широко описывает положение исполнителей до научно-технического прогресса, который имел место в XX веке и сохраняется по сей день. Различного рода носители информации, которые были изобретены в современную эпоху, ускорили процесс развития института смежных прав. Иными словами, права исполнителей обусловлены научным прогрессом. Аналогичный процесс имел место в случае с другой отраслью международного публичного права – международным воздушным правом. Когда начался бурный этап развития авиации вследствие двух мировых войн, возник вопрос о правовом регулировании авиационного сообщения. Следует подчеркнуть, что институт смежных прав будет все более сильно развиваться именно в синергии с техническим развитием в области цифровых носителей информации.

Приведем еще одну авторскую позицию по вопросу соотношения авторских и смежных прав - К. Бланка, который отмечал, что «актеры, исполнители, артисты – по

матер. междунар. семинаров по вопросам охраны интеллектуальной собственности в сфере культуры и искусства (май-ноябрь 1996 года). Вып.- № 1. М., 1997. - С.17.

¹ Гетьман-Павлова И.В. Международное частное право: учеб. для вузов (направ. и спец. "Юриспруденция") – М.: Юрайт, 2011. С.366.

² Ладатко О.В., Нечаев В.И., Харитонов Е.М., Трубилин А.И., Чуйкин П.В. Интеллектуальная собственность от А до Я: справочник. Краснодар. - 2005.С.231.

³ Ионас В.Я. Критерий творчества в авторском праве и судебной практике. М.1963. С. 73.

сути, авторы, они очень близки им, исполнение должно быть защищено, потому что в нем, как и в случае с автором, отражена личность создателя»¹. Подобная мысль очень хорошо описывает природу авторских и смежных прав, она указывает на определенную схожесть данных институтов.

Институт смежных прав с каждым днем эволюционирует и получает все новые возможности для своего развития. Центральное место в подобном процессе играет создание прочной международно-правовой базы, состоящей из комплекса международных соглашений, разработанных с целью охраны смежных прав. Отношения, складывающиеся в области смежных прав, вышли далеко за пределы того или иного государства, они все сильнее испытывают на себе результаты интернационализации общественных отношений. Глобализация вносит свои коррективы в процессе формирования института защиты интеллектуальной собственности в целом и охраны смежных прав в частности. Конечной целью создания унифицированных

норм в данной области является сближение национальных законодательств различных государств в области охраны интеллектуальной собственности.

Большинство международных соглашений в области охраны интеллектуальной собственности в том или ином виде воспроизводили положения законодательств различных стран с конечной целью найти общие черты в них и ускорить процесс всеобщей унификации. Однако революционным прорывом в этой сфере стало принятие Римской конвенции 1961г., которая закрепила множество прогрессивных положений в области защиты смежных прав. Другой задачей указанной конвенции являлось создание таких условий, при которых государства принимали бы меры по изменению внутреннего законодательства на основе её норм. Сегодня уже можно констатировать, что со своей главной задачей Римская конвенция справилась – к настоящему времени 90 государств приняли данную конвенцию и внедрили ее нормы на национальном уровне.

С наступлением XX столетия появились технические возможности производить фонограммы, что вызвало обостренную озабоченность исполнителей по поводу незаконного распространения и продажи записей, т.е. прогресс породил такое побочное явление, как цифровое пиратство. Защита авторских и смежных прав с каждым днем занимает все более важное место в системе международного частного права. Продукты интеллектуальной деятельности в XXI веке приносят многомиллиардные доходы и являются одной из важных статей дохода любого государства, которое заинтересовано в экономическом и культурном процветании. Другими словами, создание эффективной системы защиты института авторских и смежных прав преследует не только цель улучшения положения автора, но и в полной мере отвечает интересам любого государства.

Библиографический список

1. Бланк К. Права исполнителей // Авторское и смежное право в Европейском Союзе и РФ. Вып. № 1.- М., 1997. – С.133-142.
2. Гетьман-Павлова И.В. Международное частное право: учеб. для вузов (направ. и спец. "Юриспруденция"). – М.: Юрайт, 2011. - 511с.
3. Ионас В.Я. Критерий творчества в авторском праве и судебной практике. - М., 1963. – 140с.
4. Ладатко О.В., Нечаев В.И., Харитонов Е.М., Трубилин А.И., Чуйкин П.В. Интеллектуальная собственность от А до Я: справочник. - Краснодар., 2005. – 701с.
5. Лукас А. Унификация режима охраны авторского права и смежных прав в рамках Европейского союза // Авторское и смежное право в Европейском союзе и Российской Федерации: сб. докладов и дискуссий по матер. междунар. семинаров по вопросам охраны интеллектуальной собственности в сфере культуры и искусства (май-ноябрь 1996 года). Вып. № 1. - М., 1997. - С.16-22.

¹ Бланк К. Права исполнителей // Авторское и смежное право в Европейском союзе и РФ. Вып. № 1. М., 1997. С 134.

THE CONCEPT OF RELATED RIGHTS AND THEIR CORRELATION TO COPYRIGHT

Rahmatzoda Daler Talbak

Lecturer of the department of international and comparative law
Russian-Tajik (Slavonic) University
M. Tursunzade 30, 734025, Dushanbe, Republic of Tajikistan
Ph.: 988 00 01 21, e-mail: rahmatov-daler92@mail.ru

In the article, the concept of related rights and their relationship with copyright is studied. The main stages of development of the institute of related rights are revealed. The main tendencies of international legal regulation of issues of protection of copyright and related rights are considered. The role of scientific and technological progress in the formation of the institution of related rights is revealed. Various author's positions on the issue of the correlation of copyright and related rights have been studied. The author determined that international unification plays an important role in the process of establishing the institution of related rights through the adoption and implementation of the norms of international agreements at the national level.

Key words: related rights; copyright; performer; phonogram; intellectual property.

МАҲУМИ ҲУҚУҚӢ ВОБАСТА БА ҲУҚУҚИ МУАЛЛИФ ВА МУНОСИБАТИ ОН БА МАҲУМИ ҲУҚУҚИ МУАЛЛИФӢ

Раҳматзода Далер Талбақ

муаллими кафедраи ҳуқуқи байналмилалӣ ва ҳуқуқи муқоисавӣ
Донишгоҳи Славянии Россия ва Тоҷикистон
734025, Тоҷикистон, Душанбе, к. М, Турсунзода, 30
тел: 988 00 01 21, e-mail: rahmatov-daler92@mail.ru

Дар мақола мафҳуми ҳуқуқҳои вобаста ба ҳуқуқи муаллиф ва робитаи онҳо ба ҳуқуқи муаллиф омӯхта шудааст. Марҳилаҳои асосии рушди институти ҳуқуқҳои вобаста ба он муайян карда шудаанд. Тамоюлҳои асосии танзими ҳуқуқи байналмилалии масъалаҳои ҳифзи ҳуқуқи муаллиф ва ҳуқуқҳои вобаста ба он баррасӣ карда мешаванд. Роли прогресси илмию техники дар ташаккули институти ҳуқуқҳои вобаста ба ҳуқуқи муаллиф ошкор карда шудааст. Мавқеъҳои гуногуни муаллиф дар масъалаи таносуби ҳуқуқи муаллиф ва ҳуқуқҳои вобаста ба он омӯхта шудаанд. Муаллиф муайян кардааст, ки муттаҳидшавии байналмилалӣ дар раванди ташаккули институти ҳуқуқҳои вобаста ба роҳи қабул ва татбиқи меъёрҳои созишномаҳои байналмилалӣ дар сатҳи миллӣ нақши муҳим мебозад.

Калидвожаҳо: ҳуқуқҳои вобаста ба ҳуқуқи муаллиф, ҳуқуқи муаллиф, иҷрогар, фонограмма, моликияти зеҳнӣ.

УДК 343.1

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ВЫДАЧИ ЛИЦ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Решетнева Татьяна Васильевна¹

кандидат юридических наук., доцент кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности, доцент кафедры теории и истории государства и права
Институт права, социального управления и безопасности
ФГБОУ ВО «Удмуртский Государственный Университет»
426000, Российская Федерация, Ижевск, ул. Университетская, 1, корпус 4
e-mail: reshetnevat@mail.ru

В статье рассматриваются отдельные вопросы, связанные с правовой регламентацией взаимоотношений между Россией и Республикой Таджикистан по выдаче лиц для уголовного преследования или исполнения приговора. Проводится сравнительно-правовой анализ соответствующих положений уголовно-процессуального законодательства государств и Минской конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (1993г.). Автор обращает внимание на имеющиеся расхождения в формулировках правовых предписаний Уголовно-процессуальных кодексов России и Таджикистана, на отсутствие в законодательстве государств некоторых положений, касающихся выдачи лиц. Автор пришел к выводу, что и Россия, и Таджикистан могут восполнить имеющиеся в их национальных законодательствах пробелы в правовой регламентации отдельных вопросов выдачи, через взаимодействие друг у друга правовых норм.

Ключевые слова: выдача лиц, запрашиваемое государство, запрашивающее государство, международное сотрудничество, УПК РТ, УПК РФ.



В настоящее время ни одно из современных государств не может вести эффективную борьбу с международной и внутригосударственной преступностью без активного, конструктивного взаимодействия друг с другом. Одним из

направлений межгосударственного сотрудничества по вопросам борьбы с преступностью является выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора (далее – выдача), которое стало складываться между Россией и Республикой Таджикистан относительно недавно, связано с распадом СССР и установлением между ними дипломатических отношений (с апреля 1992 года). Международное сотрудничество государств по вопросам выдачи предполагает деятельность запрашиваемого государства, на территории которого находится лицо, обвиняемое в совершении преступления, и запрашивающего госу-

дарства, на территории которого лицо совершило преступление либо интересам которого был причинен вред в результате совершения преступления, направленную на решение вопроса о перемещении лица, в отношении которого поступило требование (запрос) о выдаче из запрашиваемого в запрашивающее государство. Специального международного двустороннего договора о выдаче² между Россией и Таджикистаном нет, поэтому правовая регламентация выдачи осуществляется на основе Конвенции СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минск, 22.01.1993, далее – Минская

¹ © Решетнева Т.В., 2021

²Конституция Республики Таджикистан (в ч.1 ст.16) закрепляет, что «...Выдача преступника иностранному государству разрешается на основании двустороннего соглашения».

конвенция) и национального законодательства. При этом и российское¹ и таджикское² законодательство исходят из приоритета норм международного права, в отношении которых государства выразили свое согласие. В Российской Федерации законодательство по вопросам выдачи представлено Конституцией Российской Федерации (ст.61 и 63), Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (глава 54, далее – УПК РФ), а в Республике Таджикистан – Конституцией Республики Таджикистан (ст.16), Уголовно-процессуальным кодексом Республики Таджикистан (глава 49; далее – УПК РТ). В том случае, если какие-либо вопросы не урегулированы Минской конвенцией, отношения строятся на процессуальном законодательстве государств. В частности, Минская конвенция не определяет круг компетентных органов, которые уполномочены решать вопросы выдачи, поэтому данный вопрос разрешается согласно нормам УПК РФ и УПК РТ, согласно предписаниям которых, компетентными органами выступают Генеральные прокуратуры государств.

Взаимоотношения России и Таджикистана по вопросам выдачи строятся на определенных принципах, отраженных как в национальном законодательстве государств, так и в Минской конвенции, придающих процедуре выдачи законную форму. При этом национальное законодательство государств в части базовых принципов выдачи демонстрируют свою принципиальную согласованность со стандартами

Минской конвенции. Основным принципом выдачи является принцип двойной преступности (криминальности), согласно которому деяние, совершенное лицом, в отношении которого поступил запрос о выдаче, должно признаваться преступлением по законодательству запрашивающего и запрашиваемого государств, что и нашло свое закрепление в ст.479 УПК РТ, ст. 464 УПК РФ, п.2 ст.56 Минской конвенции. Пределы уголовного преследования выдаваемого лица очерчены принципом специализации (конкретности), определяющим, что лицо подлежит уголовному преследованию только за то деяние, которое указано в запросе о выдаче. Согласно п.1 ст.66 Минской Конвенции СНГ от 1993г. «без согласия запрашиваемой Договаривающейся Стороны выданное лицо нельзя привлечь к уголовной ответственности или подвергнуть наказанию за совершенное до его выдачи преступление, за которое оно не было выдано». Аналогичный подход закреплен в ч.1 ст.477 УПК РТ и в ч.1 ст.461 УПК РФ. При этом элементом принципа специализации или конкретности является правило, согласно которому без согласия государства, которое удовлетворило запрос о выдаче, «выданное лицо не может быть передано или выдано третьему государству»³. Выдача может осуществляться на основе принципа взаимности, который актуален не только тогда, когда между государствами отсутствует соответствующий международный договор, но и применим в случаях, когда в заключенном международном

договоре какие-либо вопросы не получили разрешения, что не является редкостью, особенно когда речь идет о многостороннем международном договоре (например, Минской конвенции), поскольку международный договор – это всегда результат согласования воли нескольких государств, который может содержать дефекты международного правотворчества (в виде расплывчатых, неопределенных, двусмысленных правовых предписаний, пробелов). Суть принципа взаимности состоит в единообразном поведении государств в тех или иных вопросах. В российском законодательстве выдача на основе принципа взаимности предусмотрена в ст.460 УПК РФ, а в УПК РТ (в главе 49) выдача на основе принципа взаимности не предусмотрена. Так, в ч.2 ст.478 УПК РТ закреплено, что «условия и порядок выдачи определяется настоящим Кодексом и двусторонним договором Республики Таджикистан с иностранным государством». Поскольку принцип взаимности даже при заключенном международном договоре может содействовать устранению имеющихся в договоре дефектов, вполне допустимым представляется дополнение положений ст.478 УПК РТ ссылкой на принцип взаимности в вопросах выдачи лиц,

Выдача лица, совершившего преступление, может касаться различных моментов. Так, при решении вопросов о выдаче лица для уголовного преследования необходимо учитывать условие о сроке наказания за совершенное преступление, по поводу которого

¹ См.: ст.15 Конституции Российской Федерации; ч.3 ст.1 УПК РФ.

² См.: ст.10 Конституции Республики Таджикистан; ч.3 ст.1 УПК РТ.

³ См.: п.2 ст. 66 Минской конвенции 1993 года, в ч.1 ст. 461 УПК РФ, ч.1 ст.477 УПК РТ.

направлен запрос о выдаче. Согласно п.2 ст. 56 Минской конвенции «Выдача для привлечения к уголовной ответственности производится за такие деяния, которые по законам запрашивающей и запрашиваемой Договаривающихся Сторон, являются наказуемыми и за совершение которых предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок не менее одного года или более тяжкое наказание». По законодательству Российской Федерации установлен аналогичный срок наказания за преступное деяние, совершенное лицом, который должен быть установлен в уголовном законодательстве запрашиваемого и запрашивающего государств¹, при этом законодательство Таджикистана (в частности, Глава 49 УПК РТ) не содержит подобной нормы, а, следовательно, в вопросах о сроке наказания Россия и Таджикистан будут руководствоваться положениями Минской конвенции. Выдача лица для исполнения приговора суда связана с вынесенным и вступившим в законную силу в запрашивающем государстве обвинительным приговором. Согласно п.3 ст.56 Минской конвенции, выдача для приведения приговора в исполнение производится за такие деяния, которые в соответствии с законодательством запрашивающего и запрашиваемого государств являются наказуемыми и за совершение которых лицо, выдача которого требуется, было приговорено к лишению свободы на срок не менее шести месяцев или к более тяжкому наказанию. В УПК РФ, в отличие от УПК РТ, который не содержит указание о сроке, также как и в Минской конвенции, применена формулировка «не

менее шести месяцев или к более тяжкому наказанию» (ч.2 ст.460 и п.2 ч.3 ст.462 УПК РФ). Законодательство государств и Минская конвенция предусматривают также отсрочку в выдаче лица, связанную с тем, что лицо, в отношении которого поступил запрос о выдаче, подвергается в запрашиваемом государстве (в Российской Федерации или Республике Таджикистан) уголовному преследованию либо уже отбывает наказание за совершенное им другое преступление. В соответствии с ч.1 ст. 465 УПК РФ в отношении такого лица «... его выдача может быть отсрочена до прекращения уголовного преследования, освобождения от наказания по любому законному основанию либо до исполнения приговора». Согласно ч.3 ст.478 УПК РТ «...Выдача может быть отсрочена до отбытия наказания или освобождения от наказания по любому законному основанию. Если гражданин привлечен к уголовной ответственности, его выдача может быть отсрочена до постановления приговора, отбывания наказания или освобождения от уголовной ответственности или наказания по любому основанию». Как видим, подход к решению проблемы отсрочки выдачи идентичен. При этом отсрочка выдачи, предусмотренная ч. 1 ст.465 УПК РФ, ч. 3 ст. 478 УПК РТ может повлечь за собой истечение срока давности уголовного преследования, причинить ущерб расследованию уголовного дела. В целях борьбы с преступностью, восстановления социальной справедливости и обеспечения правопорядка, выполнения необходимых процессуальных действий в связи с расследованием совершенного преступления,

государства могут прибегать к выдаче лица на время. Данное правило закреплено в ч.2 ст.465 УПК РФ, согласно которой «если отсрочка выдачи может повлечь за собой истечение срока давности уголовного преследования или причинить ущерб расследованию преступления, то запрашиваемое к выдаче лицо может быть выдано на время при наличии обязательства соблюдать условия, установленные Генеральным прокурором Российской Федерации или его заместителем». В соответствии с ч.3 ст. 478 УПК РТ «если отсрочка выдачи может повлечь за собой истечение срока давности уголовного преследования или причинит ущерб расследованию преступления лицо, выдача которого требуется по ходатайству может быть выдано на время». Одним из основных условий выдачи лица на время является срок, на который лицо временно выдается. Статья 465 УПК РФ, статья 478 УПК РТ не содержат какого-либо ограничения такого срока. Однако согласно п.2 ст.64 Минской конвенции, выданное на время лицо должно быть возвращено после проведения действия по уголовному делу, для которого оно было выдано, но не позднее чем через три месяца со дня передачи лица. При этом в обоснованных случаях срок может быть продлен.

Направление запроса о выдаче не означает безусловную обязанность запрашиваемого государства удовлетворить запрос (требование) запрашивающего государства. И Минская конвенция, и национальное законодательство государств (ст.464 УПК РФ и ст.479 УПК РТ) предусматривают основания отказа в выдаче лица. Так, согласно ст.57 Минской

¹ См.: ст.460, ст. 462 УПК РФ

конвенции выдача не производится в том случае, если:

1) лицо, выдача которого требуется, является гражданином запрашиваемого государства. При этом в ст.479 УПК РТ данное основание отказа в выдаче отсутствует, а в УПК РФ такое основание предусмотрено (п.1 ч.1 ст.464);

2) на момент получения запроса о выдаче истек срок давности, или по иному любому законному основанию уголовное преследование не может быть возбуждено по законодательству запрашиваемого государства. Данное основание для отказа в выдаче предусматривают и УПК РТ, и УПК РФ;

3) на территории запрашиваемого государства в отношении лица за тоже преступление был вынесен приговор или постановление о прекращении производства по делу, вступившее в законную силу. УПК РТ, УПК РФ (в п.3.ч.1 ст.464) также содержат подобного рода норму;

4) преступление в соответствии с законодательством запрашивающего или запрашиваемого государств преследуется в порядке частного обвинения. Данное основание отказа в выдаче не предусмотрено в УПК РТ, а в УПК РФ, когда речь идет о возбуждении в порядке частного обвинения уголовного преследования лица, в отношении которого направлен запрос о выдаче, закреплено, что в выдаче «может быть отказано» (п.4 ч.2 ст.464), то есть содержится элемент усмотрения, в отличие от части 1 ст. 464 УПК РФ, которая содержит основания не допускающие (исключающие) выдачу вообще;

5) преступление, в связи с которым требуется выдача, совершено на территории запрашиваемого государства. Применительно к данному основанию отказа в выдаче УПК РФ в целом согласуется с положениями Минской конвенции, дополняя его возможностью отказа не только в связи с совершением преступления на территории РФ, но и совершением преступления за пределами России, но против интересов России (п.2 ч.2 ст.464 УПК РФ). УПК РТ не содержит подобного основания отказа в выдаче.

В дополнении к названным выше основаниям отказа в выдаче и Россия, и Таджикистан откажут в выдаче, если: 1) лицу на территории государств было предоставлено политическое убежище¹; 2) деяние, послужившее основанием для требования о выдаче не признается преступлением на территории государств². При этом Республика Таджикистан откажет в выдаче, если «имеются сведения о том, что в государстве выдачи лицо может быть подвергнуто пыткам»³. Подобного рода основания отказа в выдаче УПК РФ не содержит. В отличие от УПК РТ, содержащего в ст. 479 всего 5 оснований для отказа в выдаче, УПК РФ предусматривает более развернутый перечень оснований для отказа. И в дополнении к приведенным выше, Россия может отказать в выдаче, если «за то же самое деяние в Российской Федерации осуществляется уголовное преследование лица, в отношении которого направлен запрос о выдаче»⁴; а также Россия отказывает в выдаче, если «имеется вступившее в законную силу решение суда

Российской Федерации о наличии препятствий для выдачи данного лица в соответствии с законодательством и международными договорами Российской Федерации»⁵.

В практике Российской Федерации и Республики Таджикистан были случаи, когда запрос о выдаче направлялся в отношении лица, который обладал одновременно российским и таджикским гражданством. Ни Минская конвенция, ни Договор между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан об урегулировании вопросов двойного гражданства (1995г.) не содержат норм о том, как должен быть решен вопрос о выдаче бипатрида. В УПК РФ, в отличие от УПК РТ отсутствует норма о выдаче лиц с двойным гражданством. Согласно ч.2 ст. 480 УПК РТ «Выдача гражданина Республики Таджикистан, имеющего двойное гражданство, возможна только в случаях, специально предусмотренных двусторонними договором или соглашением». Поскольку таких договоров между Россией и Таджикистаном нет, Таджикистан откажет в выдаче лица, имеющего и таджикское и российское гражданство. Аналогичным образом поступит и Россия, но в силу действия норм российской конституции, устанавливающих запрет выдачи российских граждан по запросу иностранного государства⁶. В силу того, что имеются граждане Российской Федерации, обладающие гражданством также и иностранного государства, России необходимо в своем уголовно-процессуальном законодательстве также предусмотреть норму, касающуюся реше-

¹ Ст.479 УПК РТ; п.2 ч.1 ст. 464 УПК РФ,

² Ст. 479 УПК РТ; п.6 ч.1 ст.464 УПК РФ.

³ Ст. 479 УПК РТ.

⁴ П.3 ч.2 ст.464 УПК РФ.

⁵ П.5 ч.1 ст.464 УПК РФ.

⁶ См.: ч. 1 ст.61 Конституции Российской Федерации.

ния вопросов о выдаче лиц, обладателей двойного (множественного) гражданства.

Когда запрашиваемое государство отказывает в выдаче и Минская конвенция (в ст.57), и УПК РФ (в ч.3 ст.464) содержат

обязательство об уведомлении запрашивающего государства об основаниях отказа в выдаче.

В заключении отметим, что проведенный краткий сравнительно-правовой анализ наглядно свидетельствует о

необходимости дальнейшей проработки национального законодательства государств в вопросах выдачи лиц.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // www.pravo.gov.ru.
2. Договор между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан об урегулировании вопросов двойного гражданства (Москва, 07.09.1995) // www.pravo.gov.ru.
3. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минск, 22.01.1993) // www.pravo.gov.ru.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ (в ред. от 30.12.2021) // www.pravo.gov.ru.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 03.12.2009 (в ред. от 20.04.2021) // <https://online.zakon.kz>.

SOME ISSUES OF THE LEGAL REGULATION OF THE EXTRADITION OF PERSONS IN RELATIONS BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Reshetneva Tatyana Vasilievna

Candidate of juridical sciences, associate professor
of the department of criminal procedure and law enforcement,
associate professor of the department of theory and history of state and law
Institute of Law, Social Management and Security Udmurt State University
426000, Russian Federation, Izhevsk, st. Universitetskaya, 1, building 4
e-mail: reshetnevat@mail.ru

The article deals with certain issues related to the legal regulation of relations between Russia and the Republic of Tajikistan on the extradition of persons for criminal prosecution or the execution of a sentence. A comparative legal analysis of the relevant provisions of the criminal procedural legislation of states and the Minsk Convention on Legal Assistance and Legal Relations in Civil, Family and Criminal Matters (1993) is carried out. The author pays attention to the existing discrepancies in the wording of the legal requirements of the Codes of Criminal Procedure of Russia and Tajikistan, the absence in the legislation of the states of some provisions relating to the extradition of persons. The author has come to the conclusion that both Russia and Tajikistan can fill in the gaps in their national legislations in the legal regulation of certain issues of extradition, by borrowing legal norms from each other.

Key words: *extradition of persons; requested state; requesting state; international cooperation; Code of Criminal Procedure of the Republic of Tajikistan; Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.*

БАЪЗЕ МАСЪАЛАҶОИ ТАНЗИМИ ХУҚУКИ ИСТИРДОДИ ШАХСОН ДАР МУНОСИБАТҶОИ БАЙНИ ФЕДЕРАЦИЯМ РУСИЯ ВА ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН

Решетнева Татьяна Василевна

н.и.к., дотсенти кафедраи муҳофизати ҳуқуқ ва
фаъолияти ҳифзи ҳуқуқ, дотсенти кафедраи назария ва таърихи давлат ва ҳуқуқ
Институти ҳуқуқ, идоракунии иҷтимоӣ ва амният
Донишгоҳи давлатии Удмурт
426000, Федератсияи Россия, Ижевск, куч. Университетская, 1, бинои 4,
e-mail: reshetnevat@mail.ru

Дар мақола баъзе масъалаҳои марбут ба танзими ҳуқуқи муносибатҳои байни Россия ва Ҷумҳурии Тоҷикистон оид ба истирдоди шахсон барои таъқиби ҷиноятӣ ё иҷрои ҳукм баррасӣ шудаанд. Таҳлили муқоисавӣ-ҳуқуқи муқаррароти дахлдори қонунгузори мурофиявӣ-ҷиноятӣ давлатҳо ва Конвенсияи Минск оид ба ёрии ҳуқуқӣ ва муносибатҳои ҳуқуқӣ вобаста ба парвандаҳои граждани, оилавӣ ва ҷиноятӣ (1993) гузаронида шудааст. Муаллиф тавачҷӯи худро ба ихтилофҳои, ки дар матни ҳуқуқи Кодексҳои мурофиявӣ-ҷиноятӣ Россия ва Ҷумҳурии Тоҷикистон мавҷуданд ва инчунин дар қонунгузори давлатҳо мавҷуд набудани баъзе муқарраротҳо оид ба истирдоди шахсон равона намудааст. Муаллиф ба хулосае омадааст, ки ҳам Россия ва ҳам Тоҷикистон метавонанд камбудиҳои қонунгузори миллии худро дар танзими ҳуқуқи баъзе масъалаҳои истирдод ба воситаи мубодилаи меъёрҳои ҳуқуқи ҳамдигар пур намоянд.

Калидвожаҳо: *истирдоди шахс, давлати дархостшаванда, давлати дархосткунанда, ҳамкори байналмилалӣ, КМЧ ФР, КМЧ ҶТ.*

ЗАЩИТА ПРАВ ЖЕНЩИН-МИГРАНТОВ КАК НАИБОЛЕЕ УЯЗВИМОЙ КАТЕГОРИИ ЛИЦ

Султонова Тахмина Истамовна ¹

доктор юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой предпринимательского права
Российско-Таджикский (Славянский) университет.

734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсун-заде, д.30.

Тел.: (+992 37) 223 04 60, sultanova77@mail.ru

В статье поднимается вопрос защиты прав женщин-мигрантов как наиболее уязвимой категории лиц. Проводится классификация женщин-мигрантов в зависимости от целей и мотиваций миграции. Обосновывается, что такая классификация имеет не только теоретическое, но и практическое значение, так как позволяет обнаружить различное правовое положение каждой из этих групп женщин в части объёма их прав в стране пребывания. Делается вывод, что большая часть трудностей, с которыми сталкиваются женщины-трудовые мигранты, обусловлен плохим знанием с их стороны законов принимающего государства, а также нежеланием легализовать свои трудовые отношения. Однако женская трудовая миграция из страны с патриархальными устоями, каковой является Республика Таджикистан, открывает большие возможности для эмансипации женщин и является современным средством их материальной независимости, социального продвижения и роста. Женская миграция помогает многим женщинам преодолеть через традиционные устои и проявиться как личность. Поэтому задача миграционного законодательства должна заключаться в том, чтобы создать правовые защитные механизмы, охватывающие все категории женщин - трудовых мигрантов с учётом разнообразия мотиваций, социальных статусов, уровней образований, этнических принадлежностей.

Ключевые слова: трудовая миграция, женщина-мигрант, страна пребывания, трудовые права, правовая защита, миграционное законодательство.



Трудовая миграция в современных условиях Республики Таджикистан приобрела черты стабильного явления. И даже условия пандемии не влияют на востребованность среди граждан Таджикистана поиска

работы за пределами республики. В связи с этим защита прав мигрантов является довольно актуальной проблемой для правовой науки и правоприменительной практики Республики Таджикистан.

Прежде всего, нужно отметить, что термин «трудовая миграция» не имеет половой принадлежности и подразумевает под собой как женскую, так и мужскую миграцию. Однако если раньше слово «мигрант» ассоциировалось преимущественно с человеком мужского пола, то сегодня значительной частью миграционного потока становится женщина. По данным статистики Министерства труда, миграции и занятости населения Респуб-

лики Таджикистан, за последние годы доля таджикских женщин в миграционных потоках из Таджикистана в Россию составляет около 17 процентов². В большинстве своём принимающей страной для подавляющего большинства таджикских трудовых мигрантов является Российская Федерация.

Женщин, пребывающих на территории другой страны с целью осуществления трудовой деятельности, оплачиваемой из источника в государстве пребывания, условно можно разделить на три группы:

- женщины-мигранты, выехавшие за пределы страны со своей семьёй;
- женщины-мигранты, оставшиеся без мужей и кормильцев (матери-одиночки);

© Султонова Т.И., 2021

² См.: Женщины в миграции: вызов традиционной роли, но возможность повысить статус URL: <https://www.caa-network.org/archives/8462>

- несемейные молодые девушки-мигранты.

Приведённое разделение женщин-мигрантов на группы имеет не только теоретическое, но и практическое значение, так как можно обнаружить различное правовое положение каждой из этих групп женщин в части объёма прав. К примеру, женщины, которые стали частью миграционного потока по причине «следования за мужем-мигрантом», играют в миграционных процессах пассивную роль, нежели женщины, которые самостоятельно приняли решение об отъезде. Очень часто особенности национальной ментальности диктуют женщине поведенческую позицию «сидеть дома, вести домашнее хозяйство, воспитывать детей», а кормить семью и зарабатывать – это удел мужчины. Такой семейный уклад будет неблагоприятно сказываться на правовом положении женщины, так как миграционные законодательства стран пребывания таджикских мигрантов (стран с безвизовым режимом), как правило, не предусматривают такое понятие, как «члены семьи мигранта». Ни патент, на основе которого осуществляет трудовую деятельность мигрант, ни какой иной документ не предоставляют право трудовому мигранту привозить с собой в страну пребывания членов семьи (жену, детей). Соответственно жены и дети не могут легализовать своё пребывание в этих странах на основании патента мужа. Чтобы узаконить своё нахождение, например, в

Российской Федерации, женщинам и детям требуется получить официальное разрешение на временное проживание, что зачастую является затруднительным из-за отсутствия необходимых правовых механизмов. Как правило, действующие миграционные законодательства стран с безвизовым режимом не учитывают такую модель миграции, итогом чего является бесправное положение женщин-домозяек. Между тем, как справедливо отмечается в специальной литературе, «миграция всегда сопровождается разнообразием мотиваций, социальных статусов, уровней образования, этнических принадлежностей»¹. Всё это относится и к женщине, вынужденной покинуть свою страну. Женщины, будучи частью миграционного процесса, также представляют собой определённое разнообразие социальных статусов и мотиваций. И миграционное законодательство должно охватывать и отражать всё это разнообразие.

Определёнными трудностями также сопровождается женская миграция с детьми, к числу которых относится доступ детей к образованию, социальное обеспечение, культурная адаптация, дискриминация и ряд других трудностей.

Таким образом, каждая из перечисленных категорий женщин-мигрантов сталкивается с различными трудностями, находясь в стране пребывания.

Говоря о правовом регулировании миграционных процессов, прежде всего следует обратить внимание на то, что во главе угла этих отношений

стоит человек. Этот факт обуславливает необходимость наделения трудовых мигрантов всем необходимым набором трудовых и социально-культурных прав, что достигается, в первую очередь, на уровне международно-правового регулирования. Международное сотрудничество имеет очень важное значение в решении этого вопроса. Более того, именно международное сотрудничество может способствовать обеспечению национальных интересов каждой из заинтересованных стран. Как отмечается по этому поводу в специальной литературе, проблемы, связанные с регулированием социально-правового статуса мигрантов, не могут решаться эффективно, если государства действуют изолированно², поэтому результативность в этом вопросе напрямую зависит от уровня взаимодействия заинтересованных стран друг с другом.

Для Таджикистана вопрос межгосударственного сотрудничества в области миграционных процессов является наиболее важным, так как миграционные потоки граждан за пределы республики с каждым годом возрастают, а «денежные переводы мигрантов являются важным каналом социально-экономической стабильности Таджикистана»³. Поэтому современное социально-экономическое развитие Таджикистана нельзя рассматривать вне зависимости от внешней трудовой миграции.

Если говорить о международном сотрудничестве в этом направлении в рамках СНГ, то

¹ Бекашев Д.К., Иванов Д.В. Международно-правовое регулирование вынужденной и трудовой миграции: монография. М.: Проспект, 2013. С. 119. 392 с.

² См.: Многосторонние основы МОТ по вопросам миграции рабочей силы. Женева: Международное бюро труда, 2007. С. 3.

³ Бабаев А.А. Современные проблемы трудовой миграции в Республике Таджикистан и новые подходы

к региональной интеграции // Демографический потенциал стран ЕАЭС: сборник статей VIII Уральского демографического форума. Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН, 2017. С. 259-265.

за годы существования этого межгосударственного союза было подписано немало соглашений, имеющих цель обеспечить правовыми гарантиями трудовых мигрантов. Среди них можно назвать следующие международные нормативные документы:

- Соглашение о безвизовом передвижении граждан государств СНГ по территории его участников от 09 октября 1992 года.

- Соглашение о взаимном признании виз государств-участников СНГ от 13 ноября 1992 года.

- Соглашение о первоочередных мерах по защите жертв вооруженных конфликтов и о помощи беженцам и вынужденным переселенцам от 24 сентября 1993 года.

- Декларация о согласованной миграционной политике государств-участников СНГ от 05 октября 2007 года.

- Соглашение между Правительством Республики Казахстан, Правительством Кыргызской Республики и Правительством Республики Узбекистан о регулировании процессов миграции населения от 07 августа 1997 года.

- Соглашение между Министерством труда и социальной защиты населения Республики Таджикистан и Министерством по делам федерации, национальной и миграционной политики Российской Федерации о сотрудничестве в области миграции населения от 11 июля 2007 года.

- Соглашение между Республикой Таджикистан и Российской Федерацией о порядке пребывания граждан Республики Таджикистан на территории Российской Федерации от 1 октября 2013 года, № 1255.

Соглашение между Правительством Республики Таджикистан и Правительством

Республики Казахстан о сотрудничестве в области миграции от 12 марта 2018 года, №140.

Все перечисленные международные соглашения с момента их подписания Республикой Таджикистан являются составной частью национального законодательства Республики Таджикистан и относятся к источникам таджикского законодательства в области правового регулирования трудовой миграции. Однако здесь следует сделать оговорку: особенность всех этих международных нормативных правовых актов состоит в том, что их нормы в большей части носят декларативный характер, так как являются нормами-принципами. Это означает, что положения всех перечисленных международных документов служат для подписавших их государств неким ориентиром для проведения государственной политики в области трудовой миграции, требующим своего правового развития в национальных нормативных правовых актах.

Для реализации положений всех этих соглашений требуется имплементация их норм в национальное законодательство каждого подписавшего их государства. В противном случае юридическая сила этих соглашений сводится «на нет». Иными словами, участвующие в такого рода соглашениях государства должны позаботиться о том, чтобы создать на уровне национального законодательства механизмы эффективной юридической и иной защиты мигрантов.

Подписывая международные соглашения в области миграционной политики, государства берут на себя обязательства по реализации их норм в национальном законо-

дательстве посредством создания во внутреннем законодательстве определённых правовых механизмов. Без выполнения этого обязательства всякое международное соглашение имеет значение простой декларации.

Анализ действующих законодательных актов стран СНГ, регламентирующих вопросы труда мигрантов, позволяет сделать вывод, что в каждом государстве-участнике СНГ в этом направлении проделана определённая работа по созданию правовых механизмов реализации положений подписанных ими соглашений. Однако плохое знание законов принимающего государства со стороны мигрантов приводят их к определённым трудностям, связанным с нарушением их прав и интересов. Зачастую нарушение прав мигрантов, как мужского пола, так и женского пола, происходит по причине незнания с их стороны своих прав и обязанностей в стране пребывания. Для решения этой проблемы было бы эффективным в целях повышения уровня осведомленности трудовых мигрантов о своих правах и обязанностях создать внутри Таджикистана пункты для предоставления регулярных бесплатных юридических консультаций гражданам, собирающимся выезжать на заработки за пределы республики.

Особенно это касается женщин-мигрантов. Ведь таджикская женская миграция – это, как было показано выше, по большому счёту миграция с патриархальными устоями. Это обстоятельство заставляет женщин-трудовых мигрантов оставаться в тени для правозащитных органов. Ведь большинство женщин заняты в сферах теневой экономики, так как в отношении них сложилась си-

стема найма на работу через соотечественников. Такая практика неформальной занятости женщин - трудовых мигрантов обуславливает возникновение сложностей с легализацией их занятости.

К тому же необходимо отметить, что теневой труд женщин-мигрантов – это почти всегда тяжёлый труд, превышающий установленные временные нормы труда. По статистике женщины-мигранты привлекаются к труду более 10 часов в день, а рабочая неделя у них может состоять без выходных.

Однако нелегальные трудовые отношения делают уязвимыми таких женщин перед законом, потому что в случае

возникновения спорных ситуаций, сопровождающихся нарушением их прав, они не имеют шансов защитить свои права в судебном порядке.

На основании изложенного можно сделать вывод, что большая часть трудностей, с которыми сталкиваются женщины - трудовые мигранты, обусловлена плохим знанием с их стороны законов принимающего государства, а также нежеланием легализовать свои трудовые отношения.

Между тем, несмотря на это, следует отметить тот факт, что женская трудовая миграция из страны с патриархальными устоями, каковой является Республика Таджикистан, открывает большие возможности для

эмансипации женщин и является современным средством их материальной независимости, социального продвижения и роста. Женская миграция помогает многим женщинам перешагнуть через традиционные устои и проявиться как личность. Поэтому задача миграционного законодательства должна заключаться в том, чтобы создать правовые защитные механизмы, охватывающие все категории женщин - трудовых мигрантов с учётом разнообразия мотиваций, социальных статусов, уровней образования, этнических принадлежностей.

Библиографический список

1. Бабаев А.А. Современные проблемы трудовой миграции в Республике Таджикистан и новые подходы к региональной интеграции / Демографический потенциал стран ЕАЭС: сборник статей VIII Уральского демографического форума. – Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН, 2017. – С. 259-265.
2. Бекяшев Д.К., Иванов Д.В. Международно-правовое регулирование вынужденной и трудовой миграции: монография. - М.: Проспект, 2013. – 392 с.
3. Женщины в миграции: вызов традиционной роли, но возможность повысить статус // <https://www.caa-network.org/archives/8462>
4. Многосторонние основы МОТ по вопросам миграции рабочей силы. - Женева: Международное бюро труда, 2007. – 93 с.

PROTECTION OF THE RIGHTS OF WOMEN MIGRANTS AS THE MOST VULNERABLE CATEGORY OF PERSONS

Sultonova Takhmina Istamovna

Doctor of Juridical Sciences, associate professor,
head of the department of business law
Russian-Tajik (Slavonic) University.

M. Tursunzade 30.734025, Dushanbe, Republic of Tajikistan

Ph.: (+992 37) 223 04 60, sultanova77@mail.ru

The article raises the issue of protecting the rights of migrant women as the most vulnerable category of persons. A classification of women migrants is carried out depending on the goals and motivations of migration. It is substantiated that such a classification has not only theoretical, but also practical significance, since it allows detecting the different legal status of each of these groups of women in terms of the scope of their rights in the host country. It is concluded that most of the difficulties faced by female labor migrants are due to their poor knowledge of the laws of the host state, as well as their unwillingness to legalize their labor relations. However, female labor migration from a country with patriarchal foundations, which is the Republic of Tajikistan, opens up great opportunities for the emancipation of women and is a modern means of their material independence, social advancement and growth. Female migration helps many women to step over the traditional foundations and emerge as a person. Therefore, the task of migration legislation should be to create legal protective mechanisms that cover all categories of female labor migrants, taking into account the diversity of motivations, social statuses, levels of education, ethnicity.

Key words: *labor migration; female migrant; host country; labor rights; legal protection; migration legislation.*

ҲИФЗИ ҲУҚУКИ ЗАНОНИ МУҲОЦИР ҲАМЧУН КАТЕГОРИЯИ ОСЕБПАЗИРТАРИН АШХОС

Султонова Тахмина Истамовна

доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент,

мудири кафедраи ҳуқуқи соҳибкорӣ

Донишгоҳи (славянии) Россия ва Тоҷикистон

734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, к. М. Турсунзода, 30

Тел.: (+992 37) 223 04 60, sultanova77@mail.ru

Дар мақола масъалаи ҳимояи ҳуқуқи занони муҳоҷир ҳамчун табақаи осебпазиртарини ашхос ба миён гузошта шудааст. Таснифи занони муҳоҷир вобаста ба ҳадафҳо ва ангеҷаҳои муҳоҷират анҷом дода мешавад. Исроти карда мешавад, ки чунин тасниф на танҳо аҳамияти назариявӣ, балки аҳамияти амалӣ ҳам дорад. Он ба шумо имкон медиҳад, ки мақоми гуногуни ҳуқуқи ҳар яке аз ин гурӯҳҳои занонро кашф кунед. Хулоса мешавад, ки бештари мушкилиҳое, ки занони муҳоҷири корӣ рӯбарӯ мешаванд, ба надонистани қавонини давлати пазираанда ва ҳамчунин омода набудани онҳо барои қонунӣ кардани муносибатҳои меҳнати худ вобаста аст. Вале муҳоҷирати занон барои озодии занон имкониятҳои калон фароҳам меоварад ва воситаи ҳозиразамони истиклолияти моддӣ, пешрафти иҷтимоӣ ва афзоиши онҳо мебошад. Муҳоҷирати занон ба бисёре аз занон кӯмак мекунад, ки аз пояҳои анъанавӣ қадам гузоранд ва ҳамчун як шахсият пайдо шаванд. Аз ин рӯ, вазифаи қонун аз он иборат аст, ки механизмҳои ҳифзи ҳуқуқи тамоми категорияҳои занони муҳоҷири меҳнатӣ бо дарназардошти гуногунии ангеҷаҳо, вазъи иҷтимоӣ, сатҳи маълумот ва мансубияти этникӣ фаро гирифта шаванд.

Калидвожаҳо: *муҳоҷирати меҳнатӣ, муҳоҷири зан, кишвари қабулкунанда, ҳуқуқи меҳнат, ҳифзи ҳуқуқи, қонунгузори муҳоҷират.*

Требования к оформлению текста статьи

6.1. Соблюдение международных стандартов этики является неотъемлемой частью политики Журнала. К публикации принимаются только уникальные научные исследования, не опубликованные ранее.

Журнал публикует статьи профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников, аспирантов юридического факультета РТСУ. Журнал также предоставляет возможность для публикаций ученым из других вузов и учреждений Республики Таджикистан, ближнего и дальнего зарубежья.

6.2. В процессе подачи статьи автору необходимо подтвердить, что статья не была опубликована или не была принята к публикации в другом научном журнале (предоставить заявление о заверении в данном обстоятельстве).

6.3. Объем научной статьи не должен составлять менее 0,5 п.л.

6.4. Параметры страницы: поля – 2,5 см со всех сторон. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов – 1,25 см.

Основной текст статьи набирается шрифтом Times New Roman, размер – 14 пт, междустрочный интервал – полуторный. При оформлении статьи необходимо различать знаки дефис (-) и тире (–). Между цифрами ставится знак тире без отбивки (пробелов), напр.: 12–15.

Заглавие статьи набирается прописными (большими) буквами жирным шрифтом, курсивом и форматруется по центру.

Перед заглавием слева прямым шрифтом набирается УДК, под заглавием жирным шрифтом – Ф.И.О. (полностью) автора/авторов, далее внизу светлым шрифтом указывается – его/их ученая степень, ученое звание, должность, а в следующих строках – место работы (в именительном падеже) и его адрес (с почтовым индексом), телефон и E-mail автора/авторов.

6.5. Под указанной выше информацией помещается авторское резюме на русском языке (70–120 слов), набранный светлым курсивом.

Обязательная структура авторской аннотации:

- актуальность темы;
- новизна исследования;
- основные положения и выводы.

Аннотация должна ясно излагать основное содержание статьи и быть пригодной к публикации отдельно от статьи.

После аннотации статьи следует указать 5–10 ключевых слов (словосочетаний), характеризующих проблематику статьи (набрав их светлым прямым шрифтом).

Пример оформления статьи:

УДК 347.4

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТЕ КОЛЛЕКТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Вохидов Икром Каримович

соискатель отдела частного права

Институт философии, политологии и права Академия наук Республики Таджикистан

734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30

тел.: 918 43 23 35, e-mail: grazhdanskoe.pravo@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы, связанные с проблемами определения субъектного состава коллекторской деятельности в Республике Таджикистан. Впервые в цивилистике проводится комплексный анализ субъектного состава коллекторской деятельности.

Автор обращает внимание на то, что ввиду отсутствия в законодательстве Республики Таджикистан положений, регламентирующих правовой статус субъектов коллекторской деятельности, к субъектам данной деятельности можно отнести любое лицо, которое тем или иным образом занимается сбором или возвратом сумм просроченной задолженности. Автор пришел к выводу, что коллекторская деятельность является сугубо профессиональной деятельностью, которая подлежит лицензированию. Именно профессионализм в данной области может стать залогом успешной, легальной и конкурентоспособной деятельности. Субъектом коллекторской деятельности может выступать только юридическое лицо коммерческого характера (коллекторская организация), а также физическое лицо лишь при наличии у него определенной правовой связи с коллекторской организацией.

Ключевые слова

правовой статус; коллектор; коллекторская деятельность; коллекторские услуги; коллекторский бизнес; субъект коллекторской деятельности; профессиональная деятельность; лицензирование.

На первой странице в подстрочнике необходимо указать знак © и Фамилию И.О., год:

© Вохидов И.К., 2020

6.6. Оформление сносок и библиографического списка. Библиографический список должен быть построен **в алфавитном порядке**. В нем указываются только научные источники: научные статьи, монографии, диссертации, авторефераты диссертаций, научные комментарии, учебная литература, электронные ресурсы и т.д.

В основном тексте ссылки на источник, помещенный в библиографическом списке, нормативно-правовые акты и судебно-арбитражную практику, помещаются в текст научной статьи в качестве постраничных сносок. Сноски должны быть постраничными и подстрочными, нумерация сносок начинается с каждой страницы.

Сноски набираются шрифтом Times New Roman, размер – 10 пт, междустрочный интервал – одинарный.

Источники в библиографическом списке и сноски в основном тексте оформляются в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5-2008.

В библиографическом списке приветствуется наличие **иностранных источников**, реально используемых при написании научной статьи. При этом иностранные источники указываются в библиографическом списке в алфавитном порядке строго после русскоязычных источников.

Избыточное и необоснованное цитирование не допускается.

Примеры оформления сносок в тексте научной статьи:

¹ Гриненко А.В. Уголовный процесс: учебник. М.: Норма, 2009. С. 25.

² См.: Сычев М.С. История Астраханского казачьего войска: учебное пособие. Астрахань: Волга, 2009. С. 34.

Примеры оформления библиографического списка:

Книги

Сычев, М.С. История Астраханского казачьего войска: учебное пособие. - Астрахань: Волга, 2009. - 231 с.

Соколов А.Н. Гражданское общество: проблемы формирования и развития (философский и юридический аспекты): монография. - Калининград: Калининградский ЮИ МВД России, 2009. - 218 с.

Гайдаенко Т.А. Маркетинговое управление: принципы управленческих решений и российская практика. - 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Эксмо : МИРБИС, 2008. - 508 с.

Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: в 4 т. - М.: Терра-Кн. клуб, 2009. - 4 т. Управление бизнесом: сборник статей. - Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 2009. - 243 с.

Маркетинговые исследования в строительстве: учебное пособие для студентов специальности "Менеджмент организаций" / О.В. Михненко, И.З. Коготкова, Е.В. Генкин, Г.Я. Сороко. - М.: Государственный университет управления, 2005. - 59 с.

Нормативные правовые акты

Конституция Российской Федерации: офиц. текст. - М.: Маркетинг, 2001. - 39 с.

Семейный кодекс Российской Федерации: [федер. закон: принят Гос. Думой 8 дек. 1995 г.: по состоянию на 3 янв. 2001 г.]. - СПб.: Стаун-кантри, 2001. - 94 с.

Стандарты

ГОСТ Р 7.0.53-2007 Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Издания. Международный стандартный книжный номер. Использование и издательское оформление. - М.: Стандартинформ, 2007. - 5 с.

Депонированные научные работы

Разумовский В.А. Управление маркетинговыми исследованиями в регионе. - М., 2002. - 210 с. - Деп. в ИНИОН Рос. акад. наук 15.02.02, № 139876.

Диссертации

Лагуева И.В. Особенности регулирования труда творческих работников театров: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2009. - 168 с.

Покровский А.В. Устранимые особенности решений эллиптических уравнений: дис. ... д-ра физ.- мат. наук. - М., 2008. - 178 с.

Авторефераты диссертаций

Сиротко В.В. Медико-социальные аспекты городского травматизма в современных условиях: автореф. дис. ... канд. мед. наук. - М., 2006. - 17 с.

Лукина В.А. Творческая история "Записок охотника" И.С.Тургенева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. - СПб., 2006. - 26 с.

Отчеты о научно-исследовательской работе

Методология и методы изучения военно-профессиональной направленности подростков: отчет о НИР / Загорюев А.Л. - Екатеринбург: Уральский институт практической психологии, 2008. - 102 с.

Электронные ресурсы

Смирнов А.И. Информационная глобализация и Россия [Электронный ресурс]: вызовы и возможности. - М., 2005. 1 CD-ROM.

Насырова Г.А. Модели государственного регулирования страховой деятельности [Электронный ресурс] // Вестник Финансовой академии. - 2003. - № 4. - URL: [http://vestnik.fa.ru/4\(28\)2003/4.html](http://vestnik.fa.ru/4(28)2003/4.html). (дата обращения: 23.03.2019).

Статьи

Берестова Т.Ф. Поисковые инструменты библиотеки // Библиография. - 2006. - № 6. - С. 19-25.

Кригер И. Бумага терпит // Новая газета. - 2009. - 1 июля

6.7. Англоязычная часть статьи. После библиографического списка приводятся на английском языке название статьи, И.О. Фамилия (полностью) автора/авторов, его/их ученая степень, ученое звание, должность, место работы (в именительном падеже) и его адрес (с почтовым индексом), телефон и E-mail автора/авторов, аннотация (70-120 слов), а также ключевые слова.

**ON THE QUESTION OF THE SUBJECT OF DEBT
COLLECTION ACTIVITY IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN**

Vokhidov Ikrom Karimovich

private law applicant

Institute of Philosophy, Political Science and Law Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30

tel.: 918 43 23 35, e-mail: grazhdanskoe.pravo@mail.ru

Annotation

The authors of the article consider issues of defining the subject structure of collection activity in the Republic of Tajikistan. For the first time in civil science, a comprehensive analysis of the subject composition of collection activity is carried out.

The author draws attention to the fact that, due to the lack of provisions in the legislation of the Republic of Tajikistan that regulate the legal status of collection entities, the subjects of this activity include any person who collects or returns overdue amounts in one way or another.

The author concluded that collection activity is a purely professional activity, which is subject to licensing. It is professionalism in this area that can become the key to successful, legal and competitive activities. The subject of collection activity can only be a legal entity of a commercial nature (collection organization), as well as an individual only if he has a certain legal relationship with the collection organization.

Keywords

legal status; collector; debt collection activity; collection services; collection business; subject of collection activity.

6.8. Таджикскоязычная часть статьи. После англоязычной части статьи приводятся на таджикском языке название статьи, И.О. Фамилия автора, место работы и его адрес, идентификационные коды автора (**при наличии**), адрес электронной почты, аннотация (70–120 слов прямым шрифтом), а также ключевые слова.